

2500-3372 (print)
2542-1190 (online)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Bulletin of Kemerovo State University. Series:
Political, Sociological and Economic Sciences

Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo
universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie
i ekonomicheskie nauki

ТОМ 11 № 1
2026

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К2 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3. Журнал включен в ЕГПНИ (Белый список) – 3 уровень.

Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: РИНЦ, DOAJ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-67376. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K2) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission. The Journal is included in "White List" (Russia) – the third level.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik-pses.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases: RSCI, DOAJ.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор,
д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф.,
НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф.,
ГГУ (Гатчина, Россия).
Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент,
НГТИ (Новосибирск, Россия).
Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук,
доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент,
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).
Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент,
СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).
Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук,
проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского
университета (Потсдам, Германия).
Матвеева Елена Викторовна, д-р полит. наук, доцент,
Кузбасский ГАУ (Кемерово, Россия).
Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).
Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук,
проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).
Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф.,
ТГУ (Томск, Россия).
Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф.,
НГТУ (Новосибирск, Россия).
Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС
(Пенза, Россия).
Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф.,
ТИУ (Тюмень, Россия).
Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф.,
БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф.,
ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф.,
НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент,
КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент,
АлтГУ (Барнаул, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State
Technical University (Novosibirsk, Russia).
Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Gatchina State
University (Gatchina, Russia).
Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).
Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk
State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
Evgeniy V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof.,
Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).
Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof.,
Siberian Institute of Management branch of RANEPa
(Novosibirsk, Russia).
Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State
Institute of International Relations (University)
(Moscow, Russia).
Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University
(Potsdam, Germany).
Elena V. Matveeva, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kuzbass
State Agricultural University (Kemerovo, Russia).
Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).
Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute
of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia).
Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State
University (Tomsk, Russia).
Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk
State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State
University of Architecture and Construction (Penza, Russia).
Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof.,
Altai State University (Barnaul, Russia).
Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial
University (Tyumen, Russia).
Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National
Research University (Belgorod, Russia).
Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute
of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member
of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State
University of Economics and Management
(Novosibirsk, Russia).

Социокультурное и политическое развитие общества

Роль губернаторов в системе российского федерализма в 2010–2024 гг.

(на примере регионов Сибирского федерального округа)

Чирун С. Н., Горбунов К. И.

1

Социология управления

Глава региона как объект доверия интернет-пользователей в единой системе публичной власти (на примере Кемеровской области – Кузбасса)

Алексеев М. С.

19

Социальный рейтинг в такси-сервисах: механизмы, эффекты и культурная адаптация систем оценки

Соколов А. В., Бабаджанян П. А.

28

Экономика и управление: теория и практика

Продвижение никотинсодержащей продукции и устройств для ее потребления: анализ нарушений требований действующего законодательства

Дмитриева Н. В., Тихонова О. Ю., Завьялова Е. А.

39

Социализация технологий Индустрии 5.0: исследование международного опыта

Московцева Л. В., Гатина Э. А., Языкова С. В., Кулаков С. А.

51

Региональная и отраслевая экономика

Устойчивое развитие региональных хозяйственных систем и потенциал цифровых технологий

Алехина О. Ф., Галиева Г. Ф., Труфанова С. А., Конищев Е. В.

66

Развитие креативных индустрий в России (на примере анимации)

Бугаева Х. Б., Селиванова М. А.

81

Особенности расчета стоимости услуг по передаче электрической энергии (мощности) для промышленных предприятий по региональным объектам электросетевого хозяйства

Дзюба А. П.

89

Экономическая безопасность регионов России в условиях санкционного давления

Иода Ю. В., Плюснина О. В., Труфанова С. А., Шапошникова И. В.

105

Влияние демографических факторов на территориальное размещение населения России

Ким Т. Л., Коротин В. О., Косинский П. Д., Меркурьев В. В.

121

Моделирование демографических процессов в Кемеровской области – Кузбассе с использованием метода математической передвижки возрастных групп

Ульянченко Н. В., Котов Р. М.

131

Финансы

Развитие рынка розничных сбережений в условиях цифровизации

Елькин В. М., Калачева И. В.

141

Society: Cultural and Political Development

- Governors in Russian Federal System: A Case Study of Siberian Federal Region in 2010–2024
Chirun S. N., Gorbunov K. I. 1

Sociology of Management

- Online Trust in Kuzbass Governor as Part of National Public Authority
Alekseev M. S. 19
- Social Rating in Taxi Services: Mechanisms, Effects, and Cultural Adaptation of Rating Systems
Sokolov A. V., Babadzhanyan P. A. 28

Economics and Management: Theory and Practice

- Promotion of Tobacco and Nicotine Products and Delivery Systems: Breach of Legislation Analysis
Dmitrieva N. V., Tikhonova O. Yu., Zavyalova E. A. 39
- Socializing Industry 5.0: International Experiences
Moskovtseva L. V., Gatina E. A., Yazykova S. V., Kulakov S. A. 51

Regional and Sectoral Economy

- Sustainable Development of Regional Economic Systems and Digital Technologies
Alyokhina O. F., Galieva G. F., Trufanova S. A., Konishchev E. V. 66
- Development of Creative Industries in Russia: Animation
Bugaeva H. B., Selivanova M. A. 81
- Calculating Energy Transmission Service Costs and Capacity Tariffs for Industrial Consumers in Regional Power Grids
Dzyuba A. P. 89
- Strategic Resilience of Russian Regional Economies Under Sanctions
Ioda Yu. V., Plyusnina O. V., Trufanova S. A., Shaposhnikova I. V. 105
- Demographic Drivers of Population Settlement Pasterns in Russia
Kim T. L., Korotin V. O., Kosinsky P. D., Merkuryev V. V. 121
- Demographic Modeling in the Kemerovo Region: A Cohort-Component Analysis of Population Dynamics
Ulyanchenko N. V., Kotov R. M. 131

Finance

- Retail Savings Market During Digitalization
Elkin V. M., Kalacheva I. V. 141

оригинальная статья

eLibrary EDN: GFBJFS

Роль губернаторов в системе российского федерализма в 2010–2024 гг. (на примере регионов Сибирского федерального округа)

Чирун Сергей Николаевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 1195-2355

<https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

sergii-tschi@mail.ru

Горбунов Константин Игоревич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Аннотация: Цель – проанализировать трансформацию института губернаторов в России в 2010–2024 гг. на примере Сибирского федерального округа, а также оценить влияние федерального центра на их статус и функции. Рассмотрены ключевые изменения в законодательстве, включая ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021, который укрепил вертикаль власти, ограничив политическую автономию регионов. Особое внимание уделено механизмам избрания губернаторов, включая *муниципальный фильтр*, а также их взаимодействию с федеральным центром, региональными элитами и местными органами власти. На примере Кемеровской области – Кузбасса, Иркутской и Новосибирской областей исследуются различия в управленческих моделях, влияние экономических факторов на политическую устойчивость губернаторов и роль федеральных инструментов контроля (финансовых, кадровых, силовых). Обнаружены тенденция к унификации регионального управления и снижение самостоятельности губернаторов, несмотря на их формально широкие полномочия. Доказана взаимосвязь экономического положения регионов и политической устойчивости губернаторов, где кризисные явления напрямую влияют на стабильность региональной власти. Современные тенденции, включая внедрение системы KPI и усиление силового контроля, свидетельствуют о дальнейшем укреплении вертикали власти при одновременном поиске баланса между централизацией и необходимостью учета региональной специфики.

Ключевые слова: губернаторы, федерализм, централизация власти, муниципальный фильтр, региональная элита, политическая регионалистика, Сибирский федеральный округ

Цитирование: Чирун С. Н., Горбунов К. И. Роль губернаторов в системе российского федерализма в 2010–2024 гг. (на примере регионов Сибирского федерального округа). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2026. Т. 11. № 1. С. 1–18. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-1-18>

Поступила в редакцию 05.07.2025. Принята после рецензирования 22.09.2025. Принята в печать 22.09.2025.

original article

Governors in Russian Federal System: A Case Study of Siberian Federal Region in 2010–2024

Sergey N. Chirun

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 1195-2355

<https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

sergii-tschi@mail.ru

Konstantin I. Gorbunov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Abstract: The article examines the political functions and status of governors in the context of centralized federalism in Russia in 2010–2024 using the example of the Siberian Federal District. Such legislative changes as Federal Law No. 414-FZ (Dec. 12, 2021), which strengthened the power vertical and limited regional political autonomy. The analysis covered gubernatorial election mechanisms, e.g., the so-called *municipal filter*, as well as interactions between the federal government, regional elites, and local authorities. The authors compared

Kemerovo, Irkutsk, and Novosibirsk regions, namely their governance models and the impact of economic factors on governors' political stability. The comparative analysis also featured the financial, personnel-related, and coercive tools of federal control. The research revealed the trend toward uniform regional governance: the autonomy of governors is eroding, even as their official mandates remain extensive. The local economic situation correlates with the political stability of governors while crisis phenomena directly affect the stability of regional authorities. The reinforcement of the power vertical is driven by the system of Key Performance Indicators. The top-down monitoring continues to advance, though it must still navigate the tension between central mandates and territorial diversity.

Keywords: governors, federalism, centralization of power, municipal filter, regional elite, political regionalism, Siberian Federal District

Citation: Chirun S. N., Gorbunov K. I. Governors in Russian Federal System: A Case Study of Siberian Federal Region in 2010–2024. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 1–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-1-18>

Received 5 Jul 2025. Accepted after review 22 Sep 2025. Accepted for publication 22 Sep 2025.

Введение

Изучение роли губернаторов в системе российского федерализма представляет значительный научный и практический интерес, т.к. эти должностные лица являются ключевыми акторами в управлении регионами, обеспечивая взаимодействие между федеральным центром и субъектами Российской Федерации. В условиях усиления централизации власти, особенно после конституционной реформы 2020 г. и принятия ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021, статус и полномочия губернаторов претерпели существенные изменения. Это отразилось на их политической автономии, механизмах избрания и взаимодействии с федеральными и региональными элитами. Особую актуальность данная тема приобретает в контексте Сибирского федерального округа (СФО), где сочетаются разнообразные социально-экономические условия и политические практики, что позволяет выявить как общие тенденции, так и региональную специфику.

Цель исследования – проанализировать трансформацию института губернаторов в России в 2010–2024 гг. на примере регионов СФО, а также оценить влияние федерального центра на их статус и функции. Задачи: изучить законодательные изменения, которые регулируют статус и полномочия губернаторов, включая механизмы их избрания и отстранения от должности; проанализировать взаимодействие губернаторов с федеральными органами власти, региональными элитами и местным самоуправлением; выявить особенности управления в субъектах СФО на примере Кемеровской области – Кузбасса, Иркутской и Новосибирской областей, в том числе влияние экономических факторов на политическую устойчивость губернаторов; оценить такие инструменты и механизмы

влияния федерального центра на глав регионов, как финансовые рычаги, кадровая политика и силовой контроль. Использованы сравнительный анализ нормативно-правовых актов, статистических данных и кейс-стади по выбранным регионам. Также применены институциональный и системный подходы, позволяющие рассмотреть эволюцию губернаторского корпуса в контексте централизации власти и изменения федеративных отношений.

Проведенное исследование позволит глубже понять динамику взаимодействия между федеральным центром и регионами, а также выявить ключевые тенденции в развитии института губернаторов в современной России.

Результаты

Прямой статус губернатора на региональном уровне определяется уставом субъекта, обладающим юридическим верховенством в региональной системе. В некоторых регионах, включая Кемеровскую область, за уставом закрепляется статус как основного закона.

Прямые выборы губернаторов сопровождаются механизмом *муниципального фильтра*, который представляет собой обязательный сбор подписей для самовыдвижения кандидатов. Для участия в выборах претенденту необходимо заручиться поддержкой 5–10 % депутатов местных органов власти и получить одобрение в трех четвертях муниципальных районов и городских округов субъекта Российской Федерации. Согласно ФЗ № 40-ФЗ от 02.05.2012, губернаторы избираются путем всеобщего, равного и прямого голосования при тайном волеизъявлении, при этом кандидаты обязаны собрать подписи не только граждан, но и представителей

муниципальной власти¹. Эта процедура и называется *муниципальным фильтром*.

Правовую основу муниципального фильтра формируют ФЗ № 184-ФЗ от 06.10.1999 и ФЗ № 67-ФЗ от 12.06.2002. Наибольший интерес представляет ст. 18 ФЗ № 184-ФЗ, которая определяет ключевые особенности данного механизма. Так, основные требования включают обязательную поддержку кандидата 5–10 % депутатов местных органов власти, а также правило, согласно которому каждый депутат может подписаться только за одного претендента². В Постановлении ЦИК России № 128/986-6 от 13.06.2012 указано, что, если одно лицо поддержало нескольких кандидатов, действительной считается только самая ранняя подпись³. Это делает поддержку других претендентов бессмысленной и создает инструмент как для ограничения нежелательных кандидатов, так и для отсева недостойных претендентов, что одновременно усложняет процесс выдвижения.

Муниципальный фильтр создает значительные препятствия для кандидатов. Это вызывает неоднозначные оценки, а аргументы в его пользу выглядят неубедительно. В международной практике аналогов этому механизму для выборов глав регионов нет. Единственным частичным сходством обладает французская система регистрации кандидатов в президенты, где требуется собрать 500 подписей депутатов из не менее чем 30 разных департаментов. Однако это составляет лишь чуть более 1 % от общего числа возможных подписантов (более 45 тыс.), а традиции политического плюрализма позволяют парламентам поддерживать кандидатов с различными идеологическими взглядами.

Федеральный закон позволяет регионам самостоятельно устанавливать количество депутатов и глав муниципалитетов, соблюдая при этом установленные нормативы. Согласно ст. 37 ФЗ № 67-ФЗ от 12.06.2002, самовыдвиженец должен собрать

от 0,5 % до 2 % подписей избирателей региона⁴. Максимальный порог (2 %) установлен в Камчатском крае, Тульской области и Санкт-Петербурге, а в остальных он составляет либо 1 %, либо 0,5 %. Проверку подписей проводит рабочая группа избирательной комиссии, которая решает вопрос о регистрации кандидата.

В 2016 г. произошел переход к *гибридной модели* назначения губернаторов, когда С. В. Кириенко стал новым главой Администрации Президента, отвечающим за назначения на посты руководителей регионов. Переход к гибридной системе подразумевает применение двух механизмов отбора глав субъектов РФ: через прямые выборы и региональный парламент [1]. При этом выборы проводятся законодательным органом из числа трех кандидатов, предложенных Президентом РФ⁵. К примеру, выборы губернаторов в 2018 г. состоялись 16 декабря, в результате чего назначены главы 26 регионов страны. Тем не менее уже в 2017 г. была внедрена новая схема смены губернатора, которая включала отставку, назначение временно исполняющего обязанности и его последующее утверждение на должности [2].

При непрямых выборах глав автономных округов действуют несколько фильтров (муниципальный, партийный, президентский и губернаторский), ограничивающих число кандидатов [3]. Парламентские партии выдвигают до трех претендентов за 60 дней до выборов, затем губернатор области отбирает не менее пяти и направляет их Президенту РФ⁶. Он вносит кандидатуры в региональный парламент, где голосование проходит тайно, как, например, предусмотрено Законом Ненецкого автономного округа № 400-ОЗ от 29.05.2018. В итоге избирается кандидат, поддержанный большинством депутатов, которое зачастую представляет партию власти, формируя многоуровневую систему выборов с отлаженным механизмом. В 2013–2021 гг. эта процедура

¹ О внесении изменений в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». ФЗ № 40-ФЗ от 02.05.2012 (ред. От 21.12.2021). *СПС КонсультантПлюс*.

² Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ. ФЗ № 184-ФЗ от 06.10.1999 (с изм. на 21.12.2021). *СПС Кодекс*.

³ О Методических рекомендациях по приему и проверке подписных листов с подписями избирателей в поддержку выдвижения (самовыдвижения) кандидатов на выборах, проводимых в субъектах РФ. Постановление ЦИК России № 128/986-6 от 13.06.2012. *СПС Кодекс*.

⁴ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ. ФЗ № 67-ФЗ от 12.06.2002 (ред. от 29.12.2025). Ст. 37. Сбор подписей в поддержку выдвижения кандидатов, инициативы проведения референдума. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵ Курсков Е. История выборов и назначений руководителей субъектов РФ. Досье. ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/2156698> (дата обращения: 09.02.2025).

⁶ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ. ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021. Ст. 24. Особенности представления кандидатур для избрания высшего должностного лица автономного округа, входящего в состав области, депутатами законодательного органа автономного округа. *СПС КонсультантПлюс*.

применялась 23 раза, при этом уровень одобрения не опускался ниже 61 %, а в трех случаях кандидаты получали единогласную поддержку.

Отмена выборности губернаторов автономных округов не получила четкого обоснования. Аргумент о рисках выборов в нефтегазовых регионах из-за международной обстановки несостоятелен, т.к. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа не характеризуются протестным голосованием, сильной оппозицией или независимой прессой. Ямало-Ненецкий автономный округ традиционно считается одним из самых управляемых регионов и относится к *электоральным аномалиям* по явке и поддержке партии власти. Кроме того, возникает противоречие со ст. 5 Конституции РФ, которая гарантирует равноправие субъектов⁷, тогда как участие одного губернатора в назначении другого ставит это равенство под сомнение.

Федеративная система России предусматривает различные способы избрания глав регионов с учетом их историко-политических особенностей, однако это способствует не столько разнообразию, сколько усилению асимметрии внутри федерации [4; 5].

Законодательство, которое регулирует деятельность глав регионов и губернаторов в России, закрепляет их статус как руководителей исполнительной власти, отвечающих за взаимодействие с федеральным центром [6; 7]. Ключевым нормативным актом является ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021, который наделяет губернаторов широкими полномочиями в сфере государственной политики, бюджетного регулирования и правопорядка. Однако этот же закон предусматривает механизмы ограничения их политической автономии через систему непрямых выборов и возможность увольнения за утрату доверия президента. Региональные уставы конкретизируют полномочия губернаторов с учетом местных особенностей. Избрание глав субъектов осуществляется двумя основными способами, где важную роль играет муниципальный фильтр как инструмент регулирования политической конкуренции.

Губернатор остается ключевой фигурой в политической системе России, несмотря на изменения в его статусе. Он определяет распределение власти, формирует систему госуправления и влияет на региональный политический режим [8]. В удаленных от центра субъектах его роль особенно значима из-за ограниченных возможностей оперативного

контроля [9]. Кроме того, губернатор играет центральную роль в социально-экономическом развитии региона, координируя работу местных органов власти. Его эффективность напрямую влияет на реализацию национальных целей, что делает губернаторский корпус важнейшим элементом государственного управления [10; 11]. В этом контексте основное внимание уделяется следующим аспектам:

1. Исполнительная власть на региональном уровне: управление губернаторами исполнительными органами, распределение ресурсов и контроль за выполнением социальных и экономических программ.

2. Взаимодействие с муниципальными и региональными структурами: координация работы с местными органами власти, влияние на деятельность муниципалитетов и контроль за реализацией поставленных задач⁸.

3. Политическая автономия и ответственность (степень самостоятельности губернаторов в проведении политики и защите интересов региона) [12].

4. Федерализм в России играет важную роль в системе разделения властей и закреплен в Конституции РФ. За годы своего существования он прошел различные этапы развития [13]. Уникальность российского федерализма заключается в разнообразии субъектов, что отражается в системе политических институтов и органов государственного управления на региональном уровне, а также в наименованиях органов власти местного самоуправления [14].

Однако именно территориальное многообразие и асимметрия федерации нередко становятся причиной конфликтов и противоречий между регионами и Федеральным центром. Это особенно заметно в ходе реформ федеративных отношений в постсоветский период, когда наблюдалось стремление к унификации и сокращению политической автономии [15].

Современные федеративные отношения начали формироваться с 1991 г., когда была установлена исполнительная власть в регионах в качестве местной администрации, подчиненной президенту, но на практике действовавшей самостоятельно. В дополнение к этому, Б. Н. Ельцин издал Указ Президента РСФСР № 75 от 22.08.1991, в котором назначил главу администрации на должность руководителя региональных исполнительных органов и вновь ввел институт губернаторов, отсутствовавший

⁷ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

⁸ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ. ФЗ № 131-ФЗ от 06.10.2003 (ред. от 20.03.2025). СПС КонсультантПлюс.

в советский период⁹. Важно отметить, что на формирование первых федеральных отношений значительное влияние оказала политическая реформа 1988 г., которая привела к разделению властей, устранению партийного контроля над советскими законодательными органами власти и созданию структур, существовавших наряду с первыми секретарями и Бюро обкомов КПСС.

Политико-административные реформы, проведенные В. В. Путиным, сыграли значительную роль в формировании современных федеративных отношений. Их основная цель заключалась в укреплении государственной власти и создании единого правового пространства путем приведения регионального законодательства в соответствие с федеральными нормами, что имеет ключевое значение для полноценного развития федерализма. В рамках этих реформ были отменены прямые выборы глав регионов, сформированы федеральные округа и изменен порядок избрания в Совет Федерации. Данные меры были направлены на усиление федерального контроля в региональной политике [16].

Реформа федеративных отношений началась с создания федеральных округов и назначения уполномоченных представителей Президента РФ, которые напрямую подчинялись главе государства и стали частью Администрации Президента. Это расширило их полномочия, ослабляя влияние губернаторов и региональных элит, чьи обязанности были нечетко сформулированы¹⁰. В результате представители Президента РФ превратились в ключевые фигуры в политической и экономической системе регионов, что спровоцировало конфликты с губернаторами [17]. Исключением стал СФО, где благодаря Л. В. Драчевскому противостояний удалось избежать. Одним из наиболее ярких примеров конфронтации стало противостояние губернатора Э. Э. Росселя и полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе П. М. Латышева, которое закончилось признанием губернатором приоритетной роли представителя президента.

Важными реформами стали отмена прямых выборов губернаторов и изменение порядка формирования Совета Федерации. Ключевым моментом в этом процессе стало принятие ФЗ № 159-ФЗ

от 11.12.2004, который внес поправки в ФЗ № 184-ФЗ от 06.10.1999 и ФЗ № 113-ФЗ от 05.08.2000¹¹. Согласно новым положениям, главы регионов стали избираться законодательными собраниями по представлению президента, что ослабило влияние верхней палаты парламента. Если ранее в ее составе были губернаторы, то теперь туда входят два представителя от законодательного и исполнительного органов власти субъекта РФ, назначенные губернатором, которого, в свою очередь, назначает президент. Это вызвало дискуссии о легитимности Совета Федерации как представительного органа.

Анализ этих реформ показывает, что они направлены на усиление централизации и снижение децентрализации в рамках асимметричной федерации, которой является Россия. Это противоречит федерализму как политическому принципу, т.к. ограничивает автономию регионов, сводя их роль к исполнению делегированных полномочий¹².

В условиях усиления централизации губернаторы утрачивают самостоятельность, превращаясь в административные элементы системы. Такие управленцы легко перемещаются внутри управленческой структуры, что напоминает сталинские практики управления. С 2016 по 2019 гг. в 46 регионах сменилось 50 руководителей, 47 из которых были назначены. В 2016 г. СМИ стали называть таких губернаторов *молодыми технократами* [18].

Говоря о моделях избрания глав регионов и роли муниципального фильтра, стоит отметить избирательные кампании, которые проходили с момента внедрения муниципального фильтра. Так, в 2012–2017 гг. в каждом регионе прямые выборы проходили минимум один раз. В 2012–2015 гг. в России было проведено примерно 57 избирательных кампаний глав субъектов РФ, для которых характерны два основных тренда, свидетельствующих о формировании закрытого типа политических элит [19; 20]:

1) множество кандидатов не стали выдвигаться из-за муниципального фильтра, поэтому абсолютное большинство избирательных кампаний прошли спокойно;

2) в это время наблюдался устойчивый рост числа людей из административной среды со значительным опытом в органах государственной власти

⁹ О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР. Указ Президента РСФСР № 75 от 22.08.1991. СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Институт полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе. *РИА Новости*. 13.05.2010. URL: <https://ria.ru/20100513/233515444.html> (дата обращения: 14.02.2025).

¹¹ О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. ФЗ № 113-ФЗ от 05.08.2000 (с изм. на 17.10.2011). СПС КонсультантПлюс.

¹² Смирнягин Л. В., Бусыгина И. М. Российский федерализм. М.: МГИМО, 2010. 75 с. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).

на региональном уровне с последующим переходом на должности федерального уровня.

Такое преобразование в методах рекрутирования свидетельствует о тенденциях, способных оказывать влияние на политическую динамику [21; 22]. Это также акцентирует внимание на значении карьерного развития административных сотрудников, которое может стать ключевым фактором в будущих изменениях управления как на региональном, так и на более высоком уровнях. К тому же это доказывает политическую природу муниципального фильтра.

Несмотря на ограничение политической автономии, губернатор остается ключевой фигурой региональной политики, выполняя важные функции: взаимодействие с федеральной властью, влияние на законодательный процесс и определение приоритетов работы правящей партии или той, к которой он принадлежит. Его роль как политического актора реализуется через взаимодействие с элитами, бизнесом и гражданским обществом [23–25].

Отношения между губернаторами и федеральной властью носят сложный характер: федеральный центр избегает равноправных договоренностей, т. к. они предполагают партнерство и уважение. В результате за последние 25 лет губернаторы превратились из самостоятельных лидеров своих регионов в политических менеджеров. Как нами упоминалось ранее, с 2016 г. начал формироваться усредненный образ губернатора *молодой технократ*. Согласно аналитическому обзору Minchenko Consulting, временно исполняющие обязанности губернаторов становятся фаворитами внутривластных дискуссий. Указанное к 2017 г. фактически гарантировало им поддержку на выборах, несмотря на сопротивление местных элит¹³. По данным РБК, на выборах 2024 г. во всех регионах лидеры имеют трехкратное преимущество над соперниками, а большинство победителей – действующие губернаторы или врио от «Единой России» либо участники, поддержанные партией¹⁴. Конфликты неизбежны, т. к. контроль над формированием региональной власти перешел к федеральным министерствам и силовым структурам.

Политическая устойчивость губернатора во многом зависит от его отношений с федеральной властью [13]. Эксперты фонда «Петербургская политика» выделяют положительные (визиты президента или премьер-министра в регион и их встречи с губернатором) и отрицательные (проблемы с правоохранительными органами) факторы, которые влияют на этот показатель. На практике конфликты с силовыми структурами часто свидетельствуют о напряженных отношениях с центром¹⁵. Так, в 2019 г. Тамбовская область заняла последнее место в рейтинге устойчивости после ареста вице-губернатора Г. И. Чулкова по делу о мошенничестве. Показателен и случай в Кемеровской области, где за год до ухода губернатора А. Г. Тулеева были арестованы его заместители, обвиненные в вымогательстве 51 % акций АО «Разрез "Инской"» на сумму в 1 млрд руб. Сам А. Г. Тулеев заявлял о давлении на него в связи с этим делом¹⁶. В то же время высокие позиции в рейтинге устойчивости занимают экономически развитые регионы, способные лоббировать свои интересы и привлекать внимание федеральных чиновников.

Патронаж стал основным предиктором ротации российских губернаторов после возвращения прямых выборов в 2012 г. [24, с. 257]. Его важность обуславливается тем, что характеристика патронажа региональных глав во многом отражает структурные особенности политической элиты и экономической системы. Патронаж со стороны федеральных элит заставляет губернаторов укреплять связи на федеральном уровне, что снижает риск отставки и повышает шансы на продвижение в федеральные структуры. Ярким примером является нынешний министр энергетики РФ и бывший губернатор Кемеровской области С. Е. Цивилев. 27 февраля 2018 г. он встретился с президентом, а уже 1 апреля этого же года был назначен врио главы региона. Его политическая устойчивость оставалась высокой: второе место в рейтинге в 2018 г. и третье – в 2023 г.¹⁷ В период его руководства регион получил 51 млрд руб. федерального финансирования в рамках программы

¹³ Аналитический обзор хода губернаторских кампаний в России. М.: Minchenko Consulting, 2017. Вып. 1. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Obzory_gubery/Analiticheskiy_obzor_hoda_gubernatorskih_kampaniy_v_Rossii_Ch.11.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁴ Филипенко А. Действующие губернаторы и врио вырвались в лидеры во всех регионах. *РБК*. 08.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/09/2024/66dde1c49a794704ed04549f> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁵ Кузнецова Е. Эксперты оценили устойчивость губернаторов и их отношения с Москвой. *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/3/2021/6047711b9a794757a7739332> (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁶ Эксперты рассказали о последствиях ареста заместителей Тулеева. *РИА Новости*. 10.03.2021. URL: <https://ria.ru/20161115/1481443058.html> (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁷ Рейтинг политической устойчивости губернаторов «Госсовет 2.0». М.: Minchenko Consulting, 2018. URL: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Gossoviet_2.0_sentyabr_2018_final.pdf (дата обращения: 22.02.2025).

социально-экономического развития до 2024 г.¹⁸ В 2024 г. С. Е. Цивилев был переведен на федеральный уровень с положительной оценкой его работы, однако, как отмечает Наталья Зубаревич, экономическое развитие региона при нем осталось на уровне времен А. Г. Тулеева¹⁹.

Взаимодействие главы региона и Законодательного Собрания строится по консолидированной модели, при которой основные властные полномочия сосредоточены в одном органе, чаще всего в руках губернатора. Он обладает широкими полномочиями и практически не зависит от Законодательного Собрания, т.к. ключевую роль для него играет поддержка федерального центра [25]. В то же время парламент региона не имеет значительной политической автономии и народной поддержки. Это подтверждается совмещением выборов губернатора и депутатов, которое в 2023 г. реализовали в трех областях²⁰. Формально такие решения объясняются экономией бюджета, однако низкая явка на выборах показывает слабый интерес граждан к деятельности депутатов в региональном парламенте.

В большинстве региональных парламентов наблюдается политическая монополия, преимущественно принадлежащая партии «Единая Россия» [26]. При этом губернатор, как правило, состоит в той же партии, что и парламентское большинство, что обеспечивает ему комфортные условия для реализации законодательных инициатив, выдвижения кандидатов и согласования ключевых назначений²¹. Партия, в свою очередь, получает поддержку административного ресурса и укрепляет свои позиции. Однако такая система приводит к имитационной многопартийности, при которой региональные законодательные собрания не столько избираются, сколько наделяются полномочиями [27].

Партийная принадлежность губернатора оказывает значительное влияние на состав и расклад сил в региональном парламенте. При смене главы региона

нередко меняется и партия большинства в Законодательном собрании. Так, при губернаторе С. Г. Левченко партия (КПРФ) получала финансирование на медиатизацию своей деятельности в парламенте через государственные контракты на 5,2 млн руб.²² Однако после его ухода и назначения И. И. Кобзева, который сначала шел как самовыдвиженец, а затем вступил в «Единую Россию», ситуация изменилась. На выборах в Законодательное собрание Иркутской области в 2023 г. «Единая Россия» набрала 54,6 % голосов, тогда как КПРФ – лишь 15,47 %, потеряв более половины прежней поддержки²³. Этот случай демонстрирует заинтересованность федерального центра в укреплении позиций союза губернаторов и партий большинства даже в протестных регионах, что стало тенденцией и в других субъектах России.

Отношения губернатора с элитами зависят от степени демократичности регионального политического режима, который исторически формирует степень централизации управления [28]. По мнению Р. Ф. Туровского, для сохранения централизованной модели губернатор должен обеспечивать финансово-административный контроль над местными властями. Наличие таких ресурсов определяет уровень конфликтов с региональным парламентом и органами местного самоуправления [6]. В недемократичных режимах, где губернатор сосредоточил все ресурсы, у элит остается выбор: либо войти в его команду, либо покинуть регион²⁴. В таких случаях основные проблемы у губернатора чаще возникают в отношениях с федеральными властями, как это наблюдалось в деле арестованных заместителей А. Г. Тулеева.

В демократических политических режимах взаимодействие губернатора с элитами отличается высокой конфликтностью и необходимостью достижения консенсуса. Одним из ключевых факторов этого процесса является борьба за доминирующее положение между «Единой Россией» и КПРФ.

¹⁸ Переселение из аварийного жилья, социальные объекты, улучшение экологии: что даст Кузбассу федеральное финансирование. *Национальные проекты России*. 09.12.2021. URL: <https://np.ako.ru/press-tsentr/zhile-i-gorodskaya-sreda/pereselenie-iz-avariynogo-zhilya-sotsialnye-obekty-uluchshenie-ekologii-chto-dast-kuzbassu-federalno/> (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁹ Левчук А. «Что он тут сделать сможет?»: спросили экспертов, что ждет Кузбасс после ухода Цивилева и какой губернатор нам нужен. *NGS42.RU*. 15.05.2024. URL: <https://ngs42.ru/text/politics/2024/05/15/73574264/> (дата обращения: 22.02.2025).

²⁰ Гармоненко Д. Совмещенные выборы остаются полем для разменов. *Независимая*. 11.04.2023. URL: https://www.ng.ru/politics/2023-04-11/1_8703_elections.html (дата обращения: 23.02.2025).

²¹ Ольшанников А. Зачем губернаторам разрешили возглавлять реготделения «Единой России». *URA.RU*. 05.11.2019. URL: <https://ura.news/articles/1036279084> (дата обращения: 23.02.2025).

²² Губернатор Левченко получил из бюджета Иркутской области 5 миллионов рублей на PR КПРФ. *Дзен*. 29.01.2019. URL: <https://dzen.ru/a/XE8R-JxX6QcMfQR?via> (дата обращения: 23.02.2025).

²³ Единороссы победили на выборах в иркутское Заксобрание по итогам обработки протоколов. *TACC*. 11.09.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18704927> (дата обращения: 23.02.2025).

²⁴ Мазур А. Режим Тулеева. Почему Кузбасс не похож на другие регионы Сибири. *Carnegie*. 02.04.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75949> (дата обращения: 26.02.2025).

Например, в начале работы губернатора С. Г. Левченко его отношения с Законодательным собранием, где большинство принадлежало «Единой России», были напряженными. С приходом в 2019 г. губернатора И. И. Кобзева большинство голосов избирателей получила КППФ (33,94 % голосов и 18 мандатов), и компромиссным решением стало назначение единокорса спикером парламента²⁵. Однако к 2025 г. у губернатора наметился конфликт с застройщиками из-за непоследовательности решений. По словам руководителя аналитического департамента Minchenko Consulting Кирилла Петрова, предстоящая избирательная кампания 2025 г. будет для губернатора сложной, т. к. в гонке, вероятно, примет участие С. Г. Левченко²⁶.

Губернатор продолжает играть ключевую роль в региональной политике России, сочетая управленческие и представительные функции. Однако усиление контроля со стороны федерального центра привело к тому, что его политико-административная роль свелась к функции посредника, отвечающего за координацию взаимодействия между федеральными властями, региональными элитами и населением. Это способствовало распространению образа *молодого технократа* среди глав регионов, который представляет собой управленца, ориентированного на исполнение поставленных задач [2].

Представительная функция губернатора позволяет ему формировать региональную повестку, отстаивать интересы местных сообществ и доносить их позицию до федеральных органов. Кроме того, он активно стремится к консолидации элит и поддержанию постоянного диалога с обществом, используя социальные сети и цифровые платформы для вовлечения граждан в процесс управления регионом и реализации социально-экономических инициатив.

Губернаторы СФО и их функционирование в политической системе РФ

Институт губернаторов в регионах СФО берет начало в 1991 г. с введения должности главы администрации. Официальное же его преобразование состоялось 23 июня 1997 г. За этот период он прошел значительную эволюцию, отражая общие тенденции развития губернаторского института в России, несмотря на региональные особенности.

На его формирование существенно повлиял характер политического режима. В Иркутской и Новосибирской областях сложились более демократичные модели управления, тогда как в Кемеровской области доминирует недемократичный режим, демонстрирующий даже более выраженные авторитарные черты по сравнению с общероссийской тенденцией. Это оказывает значительное влияние на специфику функционирования института губернатора в регионе.

Как отмечалось ранее, губернатор обладает более низким политико-правовым статусом и меньшим числом закрепленных в Уставе области полномочий (в Кемеровской области – 17, в Омской – 13). Однако это может быть связано с их недостаточной детализацией, т. к. в Иркутской и Новосибирской областях полномочий насчитывается 25 и 29 соответственно. Кроме того, статус губернатора зависит от положения региона в федеральном округе. Даже в рамках одного округа различия могут быть значительными. Так, Новосибирская область является ведущим регионом СФО, что повышает статус ее губернатора и расширяет его полномочия. Именно такие регионы становятся центрами интеграции и экономического объединения, формируя вокруг себя *полюса роста* [29]. В перспективе это может позволить региону возглавить проекты социально-экономического развития нескольких субъектов СФО, тогда как Кемеровская область вряд ли сможет претендовать на такую роль.

Во многих регионах СФО не сложилась преемственность власти, что обусловлено различными факторами. Рассмотрим их на примерах Иркутской, Новосибирской и Кемеровской областей.

Иркутская область считается одним из самых демократичных регионов России, набрав 28,5 балла в рейтинге демократичности субъектов РФ за июль 2020 г., основанном на итогах ЕДГ 2019 г.²⁷ Губернатор С. В. Ерошенко, представляя федеральный центр, вел борьбу с парламентом, значительно ограничив его влияние. Это противостояние отразилось на выборах губернатора 2015 г., что привело к редкому для России феномену *второго тура*. Во втором туре явка выросла с 29,20 % до 37,22 % главным образом за счет мобилизации оппозиционных избирателей. В Иркутске она увеличилась на 16,49 %, достигнув 41,39 %, что почти вдвое больше, чем на выборах в думу города (18,33 %)

²⁵ Вестник Избирательной комиссии Иркутской области № 9 (222), ред. И. В. Дмитриев. Иркутск: Избирательная комиссия Иркутской области, 2018. 250 с. URL: http://www.irkutsk.izbirkom.ru/etc/2018/vestnik_9-2018.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

²⁶ Власова К. «Шансы определяет Кремль». Сможет ли Игорь Кобзев переизбраться губернатором Иркутской области – разбор. *IRCITY.RU*. 05.02.2025. URL: <https://ircity.ru/text/politics/2025/02/05/75064202/> (дата обращения: 26.02.2025).

²⁷ Индекс демократичности субъектов РФ июль 2020 года. *LiveJournal*. 09.07.2025. URL: <https://vybory-91.livejournal.com/2653676.html> (дата обращения: 25.03.2025).

и Законодательное собрание области (20,40 %) годом ранее. С. Г. Левченко имел особенно сильные позиции в Иркутске, а команда С. В. Ерошенко не учла ошибок первого тура.

В период губернаторства С. Г. Левченко возникали конфликты с федеральными элитами, проявлявшиеся в различных сферах. Во-первых, его руководство сопровождалось значительным экономическим ростом: в 2015–2017 гг. валовой региональный продукт (ВРП) увеличился с 1,001 трлн руб. до 1,192 трлн руб.²⁸ Победа на выборах и успехи в экономике сигнализировали о нежелании региона подстраиваться под назначенцев из федерального центра. Кроме того, он открыто критиковал национальные проекты, что, по мнению Александра Шатилова, объяснялось его стремлением использовать протестные настроения и избегать продвижения инициатив, ассоциируемых с «Единой Россией»²⁹. В итоге в 2019 г. он был официально отправлен в отставку из-за неудовлетворительных мер по борьбе с наводнениями и лесными пожарами. Сам губернатор обвинял федеральный центр, утверждая, что выделенные средства не могли быть использованы из-за отсутствия необходимых постановлений и распоряжений правительства³⁰.

После отставки С. Г. Левченко губернатором Иркутской области был назначен И. И. Кобзев, не имевший ранее связей с регионом. Изначально он позиционировал себя как самовыдвиженец, однако позже вступил в партию «Единая Россия», хотя ранее подчеркивал свою беспартийность. Как отмечает политолог Сергей Шмидт, это было инициировано федеральным центром, заинтересованным в продвижении популярных в обществе фигур в партию власти³¹. В рейтинге «Медиалогии» среди губернаторов СФО И. И. Кобзев занял девятое место, а уже в 2020 г. вышел на первое и с тех пор стабильно удерживается в тройке лидеров, конкурируя с губернатором Кемеровской области С. Е. Цивилевым за лидерство в округе³².

Одной из причин отсутствия преемственности власти стали внутриэлитные конфликты в администрации области. В 2012–2014 гг. пост губернатора

Новосибирской области занимал В. А. Юрченко, однако 17 марта 2014 г. он был отправлен в отставку Президентом РФ в связи с утратой доверия. Примечательно, что В. А. Юрченко был местным политиком и не входил в число губернаторов-«варягов», что являлось редкостью для региональной политики. Однако он не был преемником предыдущей администрации и находился в конфликте с командой своего предшественника, В. А. Толоконского. Одним из его первых решений стало отстранение ряда сотрудников, лояльных В. А. Толоконскому, а также уход нескольких высокопоставленных чиновников, включая министра строительства и ЖКХ В. А. Анисимова и министра здравоохранения О. В. Агеева³³. Эта кадровая политика вызвала резкую критику со стороны В. А. Толоконского, который считал, что она подрывает преемственность власти.

Внутриэлитный конфликт и недостаток преемственности в управлении привели к назначению большого числа «варягов» на управленческие позиции, что отражает не только проблему нехватки кадров, но и раскол в региональной элите. К примеру, отставка министра транспорта Н. Н. Симонова была вызвана ухудшением репутации губернатора, связанным с отменой безлимитного проезда и нежеланием министра принимать критику. Кроме того, транспортная сфера и дороги традиционно подвергаются жесткой критике со стороны жителей Новосибирской области. Такая кадровая политика не могла сформировать сплоченную команду единомышленников и преодолеть раскол внутри местной элиты.

В 2017 г. на пост губернатора Новосибирской области был назначен губернатор-«варяг» А. А. Травников. Его назначение стало неожиданным, т. к. изначально в качестве вероятных кандидатов рассматривались председатель Законодательного собрания А. И. Шимкив и первый заместитель губернатора В. Ф. Городецкого Ю. Ф. Петухов, которые являлись влиятельными местными политиками. Назначение вызвало неоднозначную реакцию, вплоть до негативной. Например, начальник департамента культуры, спорта и молодежной политики мэрии г. Новосибирска

²⁸ Итоги деятельности Сергея Левченко на посту губернатора Иркутской области. ТАСС. 12.12.2019. URL: <https://tass.ru/info/7335465> (дата обращения: 26.03.2025).

²⁹ Эксперты объяснили выпад иркутского губернатора Левченко против нацпроектов. Клуб регионов. 27.11.2019. URL: <http://club-rf.ru/38/detail/3630> (дата обращения: 26.03.2025).

³⁰ Кокко Д. Экс-губернатор Сергей Левченко о конфликте с Кремлем, Фургале, Путине и партии власти. Свободная Пресса. 12.07.2020. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/270625/> (дата обращения: 26.03.2025).

³¹ Эксперты оценили решение иркутского губернатора Кобзева вступить в ЕР. Клуб регионов. 26.11.2021. URL: <http://m.club-rf.ru/38/detail/5913> (дата обращения: 26.03.2025).

³² Губернаторы: 2020 год. Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/10246/> (дата обращения: 26.03.2025).

³³ Лавский В. Преемник без преемственности. Коммерсантъ. 21.08.2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2005455> (дата обращения: 27.03.2025).

А. В. Терешкова охарактеризовала это решение как «пощечину», а депутат городского Совета Д. В. Прибаловец высмеял прогнозы экспертов и отметил пренебрежительное отношение Администрации Президента РФ к региону³⁴. Также вице-спикер новосибирского Заксобрания выразил сомнения относительно управленческого опыта А. А. Травникова, считая его недостаточным для региона. Действительно, А. А. Травников был фигурой со стороны, не имел серьезного политического веса в регионе и занимал лишь 76 место в рейтинге влияния глав субъектов РФ³⁵.

Политический режим в **Кемеровской области** нельзя отнести к демократическому, однако при этом в регионе не сложилась система преемственности власти. Долгое время управление областью находилось в руках А. Г. Тулеева, который занимал пост губернатора с 1 июля 1997 г. по 1 апреля 2018 г., т. е. в течение 21 года. Этот срок является одним из самых продолжительных среди глав российских регионов. За годы правления А. Г. Тулеев сумел создать жесткую вертикаль власти, сосредоточив контроль над всеми ключевыми политическими институтами и обеспечив лояльность региональных элит через систему взаимных обязательств³⁶. В частности, наиболее тесные связи приписывались компании «Сибирский деловой союз», в чьей собственности находились угольные разрезы, крупные промышленные предприятия, аэропорт Кемерово, ликеро-водочные заводы, строительные фирмы и другие активы. В условиях персоналистского режима появление преемника было фактически исключено.

В 2018 г. губернатором Кемеровской области стал «варяг» С. Е. Цивилев, победивший на досрочных выборах. После вступления в должность он инициировал кадровые перестановки, направленные на устранение представителей бизнес-структур, связанных с экс-губернатором А. Г. Тулеевым. В частности, С. Е. Цивилев уволил четырех заместителей, а еще девять чиновников оставил в статусе «и. о.» до выборов. При нем был обновлен состав правительства и изменена его структура. Согласно докладу ЦПК,

ему удалось отстранить прежнюю политическую элиту от управления регионом³⁷. Кроме того, были предприняты шаги по формированию преемственности власти. Это подтверждает карьерный рост нынешнего губернатора И. В. Середука, который при С. Е. Цивилеве сначала занял пост мэра Кемерово, а в 2022 г. стал первым заместителем и председателем правительства Кузбасса, специально созданного в этом же году.

Следует отметить, что во всех трех регионах руководителями стали губернаторы-«варяги», что соответствует общей тенденции массовой ротации глав субъектов в 2016–2019 гг. За этот период были заменены 57 губернаторов в 52 регионах, что охватило две трети субъектов РФ. В Иркутской и Новосибирской областях не могло сформироваться культа личности в силу демократичности региональных политических режимов. Разговоры о культе личности можно вести только в случае бывшего губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева. Однако с приходом С. Е. Цивилева культ личности закончился. К тому же в условиях замены на губернаторов-«варягов» выстраивание культа личности видится сомнительным. У них нет такой связи с регионом, какой обладает, например, Р. Н. Минниханов, у которого имеется собственная медиакомпания «Татмедиа», полностью принадлежащая региональной власти.

В рейтинге «Медиалогии» указанные губернаторы активно конкурируют между собой. Так, в 2019 г. лидером среди глав регионов СФО стал С. Е. Цивилев, что объясняется такими инфоповодами, как открытие «Сквера Ангелов», визит в Киселевск после обращения жителей к премьер-министру Канады, а также проведение пресс-конференций и совещаний³⁸. Однако уже в 2020 г. на первые две строчки поднялись И. И. Кобзев и А. А. Травников, а С. Е. Цивилев опустился на четвертую позицию. В 2021 г. губернатор Кемеровской области вновь возглавил рейтинг, что было связано с негативными событиями в регионе³⁹. Аналогичная ситуация наблюдается и у И. И. Кобзева, чья медийная активность усилилась из-за разлива нефтепродуктов и авиакатастрофы.

³⁴ Иванова Е. «Это пощечина» – местные политические элиты о назначении Травникова врио губернатора НСО. *Независимый общественный мониторинг*. URL: https://nom24.ru/info/region_news/eto_poschychchina_mestnye_politicheskie_elity_o_naznachenii_travnikova_vrio_gubernatora_nso/ (дата обращения: 27.03.2025).

³⁵ Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в октябре 2017 года. АПЭК. 07.11.2017. URL: http://www.apcom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=4221 (дата обращения: 27.03.2025).

³⁶ Три причины, по которым Аман Тулеев 20 лет продержался у власти. *Новые известия*. 02.04.2018. URL: <https://newizv.ru/news/2018-04-02/tri-prichiny-po-kotorym-aman-tuleev-20-let-proderzhalsya-u-vlasti-264827> (дата обращения: 27.03.2025).

³⁷ Сергей Цивилев. Технологичный командир. ЦПК. 06.06.2019. URL: <https://cprk.ru/issledovaniya/gubernatory-novoy-volny/sergey-tsvilev-tehnologichnyy-komandir/> (дата обращения: 27.03.2025).

³⁸ Губернаторы: 2019 год. *Медиалогия*. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/7108/> (дата обращения: 28.03.2025).

³⁹ Губернаторы: 2021 год. *Медиалогия*. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/10814/> (дата обращения: 28.03.2025).

Судя по комментариям к рейтингу, С. Е. Цивилев воспринимается как «решатель проблем». У губернатора А. А. Травникова информационные поводы носят более позитивный характер.

Согласно ЦПК, основная тенденция в подборе руководящих кадров на пост главы региона связана с бюрократической профессионализацией, что характерно и для субъектов СФО⁴⁰. Кадровая политика губернаторов-«варягов» в целом мало отличается от подходов местных руководителей. Анализ команды С. Е. Цивилева на 2024 г., которая перешла к новому губернатору И. В. Середюку, показывает, что большинство ее членов – это местные кадры. Указанное соответствует заявлениям С. Е. Цивилева о ставке на региональных специалистов. Так, из 19 ключевых должностных лиц правительства Кузбасса, назначенных при С. Е. Цивилеве, 94,74 % были новыми кадрами, а доля местных составила 89,50 % (17 из 19 человек). Единственным «варягом» оказался первый заместитель А. А. Панов, уроженец Якутска. Эксперты в беседе с «ФедералПресс» отметили, что с высокой вероятностью часть чиновников из правительства Кузбасса может перейти на федеральный уровень⁴¹.

Исследуя кадровую политику в Новосибирской области, авторы провели анализ состава правительства, опираясь на данные постановления Губернатора Новосибирской области № 195 от 15.10.2023⁴². Изучая биографии и карьерные пути заместителей губернатора и министров региона, мы подсчитали, что местные кадры составляют основную долю (83,33 %). К «варягам» были отнесены лишь четыре человека: Лев Решетников, Татьяна Деркач, Дмитрий Богомоллов и Константин Хальзов, что соответствует 16,67 %. В своих заявлениях губернатор подчеркивал важность решения текущих задач, отмечая, что структура правительства, созданная в 2017 г., подтвердила свою результативность.

Губернатор И. И. Кобзев, возглавив регион, сразу приступил к реформированию структуры правительства и проведению масштабных кадровых перестановок. Одним из его первых шагов стал аудит кадровой политики предшественника С. Г. Левченко в рамках проекта «Народное правительство», направленного на повышение эффективности работы государственного аппарата. В результате в правительство

вошли новые ключевые фигуры, включая бывшего мэра Иркутска Д. В. Бердникова и экс-главу регионального ФНС К. Б. Зайцева, который был назначен первым заместителем губернатора и председателем правительства области⁴³. Эти шаги свидетельствуют о стремлении И. И. Кобзева интегрироваться в местную элиту и сгладить традиционный для Иркутской области конфликт между городскими и областными властями.

Также следует отметить, что в правительстве Иркутской области доля «варягов» выше, чем в Новосибирской и Кемеровской областях. Из 25 членов правительства 18 являются местными кадрами, а 6 – «варягами», что составляет 73 и 23 % соответственно. Так, губернатор активно опирается на местные кадры, что можно рассматривать как оптимальную стратегию для «варягов», стремящихся к эффективному управлению регионом. Кроме того, прослеживается схожесть управленческих действий губернаторов-«варягов» в этих трех регионах, что свидетельствует об унифицированном подходе к региональному управлению, продвигаемому федеральным центром. Высокая доля местных кадров демонстрирует, что различия в стилях управления постепенно стираются, а процесс технократизации охватывает все регионы, способствуя их стандартизации.

Рассматривая взаимодействие между губернатором, правительством, парламентом и органами местного самоуправления, стоит отметить, что в Кемеровской области отношения между губернатором и парламентом сформировались еще во времена А. Г. Тулеева и не отличались равноправием или партнерством. А. Г. Тулеев целенаправленно продвигал в парламент представителей бюджетной сферы, которые находились под его полным влиянием [24; 30]. При губернаторстве С. Е. Цивилева парламент сохранил прежний статус, но был переименован в Законодательное собрание Кемеровской области после единогласных поправок к Закону Кемеровской области – Кузбасса № 1-ОЗ от 19.01.2004. Отмечаются попытки вытеснить местные элиты, поддерживая бизнес-элику второго и третьего эшелонов вместо опытных политиков. В 2023–2024 гг. мандаты сложили Николай Ильин, Ростислав Бардокин, Татьяна Алексеева и Василий Борисов. Новым депутатом стал

⁴⁰ Губернаторы новой волны (2017–2020). ЦПК. 18.09.2020. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/gubernatory-novoy-volny/gubernatory-novoy-volny-2017-2020/> (дата обращения: 29.03.2025).

⁴¹ Поторочин Е. «Реинкарнация Тулеева»: что происходит в правительстве Кузбасса. *ФедералПресс*. 10.03.2025. URL: <https://fedpress.ru/article/3367691> (дата обращения: 29.03.2025).

⁴² О Правительстве Новосибирской области. Постановление Губернатора Новосибирской области № 195 от 15.10.2023. *СПС Кодекс*.

⁴³ Борьба с бездельниками и коррупцией: Игорь Кобзев наводит порядок в кадрах Иркутской области. *IRK.ru*. 06.08.2020. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20200806/clean/> (дата обращения: 30.03.2025).

Роман Григорьев, глава ООО «Консалтинговая группа бизнес-технологии», занимающийся разработкой ПО и консультированием.

Экономическое состояние Кемеровской области оказывает значительное влияние на политический статус губернатора региона. Как отметила Наталья Зубаревич, при губернаторе С. Е. Цивилеве в Кузбассе не было достигнуто заметных экономических успехов⁴⁴. Более того, в 2024 г. угольная промышленность региона пережила глубокий кризис. Доля обрабатывающей промышленности в структуре экономики снизилась с 17,1 % в 2019 г. до 12,4 % в 2024 г., а аналогичная тенденция наблюдается и в добыче полезных ископаемых. Производство угля сократилось с 98,6 % в 2023 г. до 91,7 % в 2024 г. (на 6,9 %), хотя в 2019–2023 гг. этот показатель оставался относительно стабильным. Производство ферросилиция также резко упало: с 99,3 % в 2023 г. до 77,0 % в 2024 г. (на 22,3 п. п.)⁴⁵. Кризис был усугублен снижением доли добычи полезных ископаемых в структуре ВРП, вызванным санкциями и зависимостью от внешних рынков, а также уменьшением доли обрабатывающей промышленности.

Снижение объемов добычи угля приводит к уменьшению выручки угольных компаний, что, в свою очередь, сокращает налоговые поступления в бюджет Кемеровской области. В 2024 г. налог на прибыль, который в основном формируется за счет добычи полезных ископаемых, металлургии и химической промышленности, составил 42,6 % налоговых доходов региона, а НДФЛ – 31,1 %⁴⁶. По словам губернатора И. В. Середюка, большинство угольных предприятий работают с убытками: за первое полугодие 2024 г. их убытки достигли 64 млрд руб., тогда как в 2023 г. они составляли лишь 19 млрд руб.⁴⁷ Указанное имеет серьезное значение, т.к. снижение налоговых поступлений приводит к дефициту бюджета. В условиях кризиса угольной отрасли и стагнации обрабатывающих производств это создает риски для социальной стабильности, состояния инфраструктуры и финансовой устойчивости региона.

Экономическое положение региона оказывает значительное влияние на политический статус его

руководителя. Как правило, регионы-доноры обладают большей автономией и влиянием, что позволяет их главам проводить более независимую политику. В то же время дотационные субъекты находятся под усиленным контролем федерального центра, что ограничивает самостоятельность их руководителей.

Инструменты и механизмы влияния федерального центра на глав регионов

Федеральный центр располагает разнообразными инструментами воздействия на глав субъектов РФ в условиях усиливающейся централизации власти. Эти механизмы охватывают широкий спектр – от процедуры назначения губернаторов до распределения финансовых ресурсов и контроля над информационным пространством. Однако степень воздействия может значительно различаться в зависимости от социально-экономического положения региона и его политической специфики. Федеративное устройство России основано на принципах асимметричной федерации, что подразумевает изначальное неравенство субъектов федерации в их конституционном статусе и объеме полномочий. Кроме того, взаимодействие между регионами и федеральным центром носит вариативный характер. При этом ст. 5 Конституции РФ декларирует принцип симметричной федерации, что создает противоречие между формально закрепленными нормами и фактической практикой. В условиях стремительно меняющейся политической и социальной реальности такое положение часто порождает значительные противоречия. Российская модель федерализма представляет собой открытую форму асимметричной федерации, в рамках которой участвуют исключительно субъекты федерации, а сама асимметрия выражается в различии их правового статуса.

За последние два десятилетия в российской модели федерализма усилились процессы централизации, что привело к формированию двух параллельных вертикалей, а именно президентской и региональной [22]. Это сопровождалось ростом значения административного ресурса и усилением иерархичности власти, что, в свою очередь, способствовало

⁴⁴ Левчук А. «Что он тут сделать сможет?»...

⁴⁵ Итоги социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса за 9 месяцев 2023 года. URL: <https://ako.ru/upload/medialibrary/db0/thdvmuur9oi1gr1b101p4c2ia3j0zpq/Итоги%20социально-экономического%20развития%20Кемеровской%20области%20-%20Кузбасса%20за%209%20месяцев%202023%20года.pdf>; Итоги социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса за 9 месяцев 2024 года. URL: https://economy.kemobl.ru/upload/Серёдкина%20И/Итоги_социально_экономического_развития_Кемеровской_области_Кузбасса.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

⁴⁶ Бюджет для граждан Кузбасса 2024–2026. Просто о цифрах областного бюджета Кузбасса 2024–2026 гг. Министерство финансов Кузбасса, 2023. URL: https://www.ofukem.ru/upload/iblock/10d/j05648ki7ncxh4y1hoong5j8yw2bu6wh/bg2024_2026_117.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

⁴⁷ Гуськова Е. «Самое большое падение доходов в России»: бюджет Кузбасса недополучил более 33 млрд рублей налогов за полгода. NGS42.RU. 27.09.2024. URL: <https://ngs42.ru/text/economics/2024/09/27/74145989/> (дата обращения: 03.04.2025).

сохранению авторитарных политических режимов на региональном уровне. Кроме того, процессы централизации сопровождаются существенными элементами унитаризма в отношениях между федеральными и региональными органами публичной власти. В условиях подобной системы для региональных лидеров особую значимость приобретает умение выстраивать договорные отношения не только с федеральным центром, но и с местной бизнес-элитой, парламентом и фракциями в региональных законодательных собраниях.

Существуют весомые предпосылки, определяющие асимметричный характер российского федерализма. Россия представляет собой крупнейшую в мире федерацию как по территории, так и по количеству субъектов, при этом ее регионы существенно различаются между собой по демографическим показателям, этническому составу, экономическому устройству и историко-культурным особенностям. Такая неоднородность в сочетании с колоссальной географической протяженностью страны порождает множество вызовов в системе взаимодействия между федеральным центром и регионами [31]. В этих условиях федеральная власть вынуждена применять гибкие и разноплановые механизмы управления, что делает реализацию симметричной модели федерации в России практически невозможной.

Отмеченное актуально для территорий с особыми управленческими и экономическими условиями, например субъектов СФО, где заметна активность финансово-промышленных групп. Ключевые характеристики интегрированной модели управления в России включают гибридность (сочетание формальных институтов федерализма с фактической практикой унитарного управления [15]); иерархичность (строгая вертикаль власти, охватывающая все уровни государственного управления); контролирующую автономию (предоставление регионам ограниченной инициативы в пределах жестко очерченных федеральных рамок).

Для 2010–2020 гг. характерна управляемая децентрализация: формальное возвращение прямых выборов глав регионов с введением муниципального фильтра; рост числа губернаторов-«варягов» в губернаторском корпусе 2016–2020 гг. с унификацией подхода к управлению регионами; укрепление роли партии «Единая Россия» в качестве главного проводника федеральной политики в регионах, включая протестные регионы, такие как Иркутская область.

Тема разделения предметов ведения и полномочий между федеральным центром, регионами и муниципалитетами занимает центральное место в анализе современного федеративного устройства России. В большинстве федеративных государств распределение компетенций закреплено в конституции и делится на три уровня: федеральный (оборона, внешняя политика, экономика), совместного ведения (безопасность, социальная сфера) и региональный (культура, религия, язык, организация власти субъектов). Примечательно, что обычно федеральный центр регулирует только структуру органов федеральной власти, однако в России он определяет общую систему организации органов власти всех уровней.

Установление совместной компетенции между РФ и ее субъектами сталкивается с проблемами, связанными с потенциальными конфликтами интересов. Субъекты имеют право на «опережающее» законотворчество в рамках совместного ведения при отсутствии федерального законодательства, что вызывает опасения относительно возможного расширения региональной автономии за пределы установленных полномочий в ущерб интересам федерации⁴⁸. При разграничении полномочий между центром и регионами по конкретным областям сложности возникают в экономической и социальной сферах. Так, в экономике регионы отвечают за свое развитие, однако их полномочия требуют обеспечения достаточными налоговыми доходами.

Разделение предметов ведения и полномочий между органами власти РФ и ее субъектами играет центральную роль в развитии российского федерализма, формируя их конституционно-правовой статус и воздействуя на процессы государственного строительства. Оно способствует укреплению федерализма, стабилизации государственности, равноправию субъектов в отношениях с федеральным центром, справедливому распределению ресурсов, снижению конфликтности и обеспечению прав граждан. Компетенции субъектов подробно прописаны в их конституциях и уставах, но стремление регионов к унитаризму часто вызывает противоречия с Конституцией РФ и федеральными законами.

Асимметричность федеративного устройства РФ требует выстраивания отношений между федеральным центром и субъектами с учетом региональных особенностей, их положения в политической системе и уровня социально-экономического развития. Такое сопоставление позволяет выявить, как инструменты

⁴⁸ Махмадиев Р. Особенности федерализма в России сквозь призму проблематики разграничения предметов ведения и полномочий между РФ и ее субъектами. *zakon.ru*. 09.11.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/09/osobennosti_federalizma_v_rossii (дата обращения: 06.04.2025).

влияния центра адаптируются к статусу, ресурсам и управленческим традициям региона. К ключевым инструментам и механизмам влияния относятся: финансовые рычаги (межбюджетные трансферты, перераспределение налогов, бюджетное регулирование); кадровые решения; силовой контроль (ФСБ, Следственный комитет, прокуратура, подчиненные центру и воздействующие на региональные элиты).

Бюджеты публично-правовых образований составляют ключевую часть государственных и муниципальных финансов. Анализ их доходов и расходов представляет собой сложный и трудоемкий процесс. Межбюджетные трансферты играют центральную роль в перераспределительных отношениях, а их регулирование закреплено в Бюджетном кодексе РФ. Как правило, они предоставляются местным бюджетам в форме субвенций и дотаций. В российской практике преобладает централизованная модель, отличающаяся низкой самостоятельностью регионов, где выполнение региональных обязательств обеспечивается через межбюджетное перераспределение полномочий. Ее достоинства заключаются в реализации единой государственной политики и сокращении различий в социально-экономическом развитии регионов [24].

Вопрос межбюджетных трансфертов занимает ключевое место в системе межуровневых финансовых отношений, т.к. именно уровень финансовой самостоятельности регионов напрямую влияет на степень их политической автономии. Как подчеркивает генеральный директор АПЭК и координатор экспертного клуба «Регион», проблема критериев распределения федеральных средств остается актуальной для региональной политической повестки⁴⁹. С приходом С. Е. Цивилева на пост губернатора Кемеровской области в 2018 г. наблюдался устойчивый рост объемов межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. В 2017 г. их сумма составляла 21956,4 млн руб., а в 2018 г., с началом работы нового руководителя, объем составил 20469,2 млн руб., включая 8483,6 млн руб. дотаций. В 2019 г. финансирование значительно увеличилось – до 29937,9 млн руб., при этом дотации достигли 9026,9 млн руб. Эта

динамика может указывать на усиление поддержки региона со стороны федерального центра после смены руководства⁵⁰. Данный тренд подтверждается и в последующие годы: к 2023 г. объем межбюджетных трансфертов вырос до 38749,95 млн руб.⁵¹

Политическая лояльность С. Е. Цивилева федеральному центру не вызывает сомнений, особенно на фоне политической нестабильности в Кемеровской области после ухода А. Г. Тулеева с поста губернатора. Политическая лояльность оказывает заметное влияние на объемы межбюджетных трансфертов, что ярко прослеживается на примере Иркутской области. В период, когда губернатором был представитель КПРФ С. Г. Левченко, наблюдался сдержанный рост объемов федеральной поддержки: с 2015 по 2017 гг. трансферты увеличились на более чем 25 %, с 9,9 до 12,7 млрд руб. Однако затем началось их устойчивое снижение, что, вероятно, связано с нарастающим напряжением между губернатором и федеральным центром. В 2018 г. политический конфликт между губернатором и центром приобрел публичный характер. Кроме того, против С. Г. Левченко развернулась масштабная медийная кампания на федеральном уровне, в частности, в связи с так называемым «охотничьим скандалом», который активно освещался в СМИ (было зафиксировано 73 упоминания губернатора в этом контексте)⁵². Большая часть сообщений вышли на «Первом» канале и канале «Россия». Это говорит об отсутствии стратегии двунаправленного финансирования (поддержка как лояльных, так и оппозиционных регионов) при распределении бюджетных средств между регионами. Вместо этого наблюдается увеличение поддержки лояльных регионов.

Кадровая политика играет ключевую роль в контроле над формированием региональных элит и местных администраций, особенно в условиях высокой неоднородности российских регионов. Федеральные нормы нередко накладываются на разные модели политической культуры, структуру элит и управленческие традиции, что требует от центра учета этих особенностей при выстраивании вертикали власти [1]. Одним из важнейших элементов

⁴⁹ Орлов Д. Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в июле 2020 года. *Региональные комментарии*. 05.08.2020. URL: <https://regcomment.ru/ratings/rejting-vliyaniya-glav-subektov-rf-rossijskie-regiony-i-regionalnaya-politika-v-iyule-2020-goda/> (дата обращения: 08.04.2025).

⁵⁰ Бюджет для граждан Кемеровской области – Кузбасса за 2019 год. *Министерство финансов Кузбасса*. URL: https://www.ofukem.ru/upload/iblock/a2d/bg_pr_isp_2019.pdf (дата обращения: 08.04.2025).

⁵¹ Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 145-ОЗ от 15.12.2022 (с изм. на 21.12.2023). *СПС Кодекс*.

⁵² Информационная война федеральных телеканалов против губернатора Иркутской области С. Левченко. Данные за 27 декабря 2018 г. – 14 января 2019 г. *Центр исследований политической культуры России*. 18.01.2019. URL: <https://cipkr.ru/2019/01/18/informatsionnaya-vojna-federalnyh-telekanalov-protiv-gubernatora-irkutskoj-oblasti-s-levchenko-dannye-za-27-dekabrya-2018-g-14-yanvarya-2019-g/> (дата обращения: 09.04.2025).

в этом процессе является зависимое положение губернатора, который, следуя интересам федерального центра, должен обеспечивать преемственность кадрового состава.

Механизм унификации действует как в отборе губернаторов, так и в организации их деятельности. В результате областные администрации во многом ориентированы на Москву, поскольку ключевые кадровые назначения происходят при согласовании с профильными федеральными ведомствами. Федеральный центр при этом делает акцент на двух главных факторах – уровне управляемости региона (чем он выше, тем больше возможности привлекать представителей местных элит в органы власти) и степени консолидации элит (сюда входит устойчивость внутриэлитного баланса и учет специфических факторов, например этнического).

В настоящее время основной целью кадровой политики является формирование квалифицированного кадрового корпуса и эффективное использование кадрового потенциала. На текущем этапе развития отношений *федеральный центр – регионы* федеральные власти влияют на назначение главы региона и глав силовых ведомств, формирование местного парламента и состава правительств. Стоит отметить, что единой логики и критериев кадровых решений нет, т.к. в похожих ситуациях зачастую принимаются диаметрально противоположные решения. К тому же управленческие реформы 2000-х гг. привели к созданию параллельных управленческих вертикалей, которые влияют на кадровые назначения. Эти вертикали ориентированы на федеральный центр.

К числу наиболее значимых должностей в системе исполнительной и законодательной власти региона относятся губернатор, глава муниципального образования, председатель регионального парламента, главный федеральный инспектор, а также руководители силовых структур (ФСБ, МВД, прокуратуры и Следственного комитета). Процесс назначения губернаторов в России, как правило, включает активное участие полномочных представителей президента в федеральных округах. Они собирают информацию о потенциальных кандидатах и передают ее в Администрацию Президента РФ, где проводится отбор и формируется

предложение о назначении, которое затем направляется на утверждение в региональный парламента. В рамках кадровой политики федеральный центр активно развивает инструменты подготовки управленцев. Одним из ключевых механизмов стала программа «Школа губернаторов», созданная в 2017 г. по поручению президента. С момента запуска через нее прошли десятки перспективных управленцев, и уже 57 выпускников стали главами российских регионов⁵³. Программа ценна своим системным подходом к обучению и подготовкой управленцев высшего звена на основе проверенной методологии и опыта формирования эффективной элиты.

В СФО ряд губернаторов прошли обучение по данной программе. Среди ее выпускников можно отметить бывшего губернатора Кемеровской области, а ныне министра энергетики России С. Е. Цивилева⁵⁴. Также эту школу окончил губернатор В. В. Мазур, который стал первым представителем пятого потока, занявшим пост главы региона. К числу выпускников относятся также руководитель Красноярского края М. М. Котюков и глава Омской области В. П. Хоценко. Можно отметить, что за 2018–2024 гг. около 40 % губернаторов СФО прошли обучение в этой школе.

В 2019 г. Указом Президента Российской Федерации № 193 от 25.04.2019 была введена система оценки эффективности губернаторов (KPI), ориентированная на реализацию национальных проектов и майских указов 2018 г. Ключевым показателем стал уровень доверия граждан к власти, который измеряется Фондом «Общественное мнение» при участии Федеральной налоговой службы и других социологических организаций. Однако возникают сомнения в объективности показателей, которые зависят от национальных проектов⁵⁵. В 2022 г. премьер-министр М. В. Мишустин утвердил изменения в 6 методиках оценки, включая показатели по утилизации отходов и уровню цифровой зрелости. В настоящее время работа губернаторов оценивается по 38 методикам, значительная часть которых связана с определением приоритетных направлений социально-экономического развития.

Силовой контроль за региональными элитами направлен на регулирование формирования исполнительной власти в регионах. Силовые структуры

⁵³ Путин провел встречу с выпускниками «школы губернаторов». *РБК*. 28.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/667ef8e99a7947ac78fa83bc> (дата обращения: 10.04.2025).

⁵⁴ Гончаров Г. Политолог назвал школу губернаторов всероссийской кузницей кадров. *ЛЕНТА.RU*. 21.04.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/04/21/schgov/> (дата обращения: 10.04.2025).

⁵⁵ В России изменили критерии оценки эффективности работы губернаторов. *Новый проспект*. 05.06.2022. URL: <https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/v-rossii-izmenili-kriterii-otsenki-effektivnosti-raboty-gubernatorov/> (дата обращения: 10.04.2025).

применяют системный подход к надзору за этими элитами, инициируя уголовные дела против ключевых фигур из окружения губернаторов после их смены. Задержания и чистки носят выборочный характер и согласовываются с Администрацией Президента РФ, что свидетельствует о продуманной стратегии, а не о хаотичных действиях. Согласно данным фонда «Петербургская политика», уровень доверия элит к обоснованности таких преследований остается невысоким, хотя в 2018–2019 гг. давление на высших чиновников (членов правительства и глав регионов) несколько ослабло⁵⁶.

Заключение

За последнее десятилетие произошла существенная трансформация статуса и полномочий глав субъектов федерации, характеризующаяся усилением централизации власти при формальном сохранении элементов федеративного устройства. Ключевые законодательные изменения, включая ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021 и введение механизма муниципального фильтра, значительно ограничили политическую автономию регионов, превратив губернаторов из самостоятельных политических акторов в администраторов, ответственных прежде всего за реализацию федеральной повестки. При этом анализ практики управления в различных субъектах СФО демонстрирует сохранение существенных региональных различий – от авторитарной модели Кузбасса до более конкурентной среды Иркутской области и экономически развитого Новосибирска.

Особое значение приобретает взаимосвязь экономического положения регионов и политической устойчивости губернаторов, где кризисные явления в ключевых отраслях (как в угольной промышленности Кузбасса) напрямую влияют на стабильность региональной власти. Современные тенденции, включая систему KPI, программу «Школа губернаторов» и усиление силового контроля, свидетельствуют о дальнейшем укреплении вертикали власти при одновременном поиске баланса между централизацией и необходимостью учета региональной специфики. В условиях новых экономических и политических вызовов институт губернаторства продолжает эволюционировать, сохраняя свою ключевую роль связующего звена между федеральным центром и субъектами федерации, но в рамках более жестко регламентированной системы управления.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Кынев А. В. Двадцатилетие путинской избирательной реформы: зигзаги, превратившиеся в круговорот. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2020. № 1. С. 62–75. [Kynev A. V. Twenty Years of Putin's electoral reform: Zigzags that turned into a cycle. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kulture*, 2020, (1): 62–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkdnbf>
2. Романовский А. А. Основные тенденции ротации губернаторского корпуса в регионах Сибирского федерального округа. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2023. Т. 44. С. 12–20. [Romanovsky A. A. The main trends in the rotation of the governor's corps in the regions of the Siberian Federal District. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2023, 44: 12–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.12>
3. Туровский Р. Ф., Луизидис Е. М. Факторы губернаторских отставок в России. *Полис. Политические исследования*. 2022. № 4. С. 161–178. [Turovsky R. F., Luizidis E. M. Exploring the causes of gubernatorial resignations in Russia. *Polis. Political Studies*, 2022, (4): 161–178. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.13>
4. Туровский Р. Ф., Сухова М. С. Вызовы региональной социально-экономической поляризации в России: успешна ли государственная политика? *Политическая наука*. 2024. № 1. С. 14–50. [Turovsky R. F., Sukhova M. S. Challenges of regional socio-economic polarization in Russia: Is the state policy successful? *Political Science*, 2024, (1): 14–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/poln/2024.01.01>

⁵⁶ Борьба с «внутренними оборотнями»: «чистки» чиновничества в современной России. Топ-250 претензий правоохранительных органов. *Петербургская политика*, 2019. URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-top250-criminal-cases> (дата обращения: 10.04.2025).

5. Крыштановская О. В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2020. № 5. С. 117–134. [Kryshchanovskaya O. V. The key trends in forming the governance elite in Russia in 2020–2030. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences*, 2020, (5): 117–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ruspvk>
6. Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политической интеграции. М.: ВШЭ, 2006. 398 с. [Turovsky R. F. *The center and the regions: Problems of political integration*. Moscow: HSE, 2006, 398. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qogghb>
7. Гаман-Голутвина О. В. Российские элиты объект исследования в отечественной политической науке. *Политическая наука*. 2016. № 2. С. 38–73. [Gaman-Golutvina O. V. Political elites as an object of research in national political science. *Political Science*, 2016, (2): 38–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twyhto>
8. Абрамов В. И., Андреев В. Д. Концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 2. С. 238–248. [Abramov V. I., Andreev V. D. Concept of the integrated digital ecosystem architecture of the Kemerovo region featuring mechanism of data collection. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 238–248. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-238-248>
9. Бирюков С. В., Чирун С. Н., Андреев А. В. Цифровое управление: поиск новых моделей государственного управления в современной ситуации. *PolitBook*. 2025. № 4. С. 6–20. [Biryukov S. V., Chirun S. N., Andreev A. V. Digital governance: Searching for new models of public administration in the current situation. *PolitBook*, 2025, (4): 6–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/beyxlp>
10. Булатов А. Г. Каналы рекрутирования высшей административной элиты России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. Т. 9. № 5. С. 39–42. [Bulatov A. G. Recruitment channels of the highest administrative elite of Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2019, 9(5): 39–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-5-39-42>
11. Быстрова А. С. Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты российской федерации. *Власть и элиты*. 2023. Т. 10. № 1. С. 98–138. [Bystrova A. S. Regional differences in the career trajectories of representatives of the regional political elite of the Russian Federation. *Power and Elites*, 2023, 10(1): 98–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>
12. Тев Д. Б. Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности. *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 130–146. [Tev D. B. Federal administrative elite of Russia: Features of a career after leaving office. *Polis. Political Studies*, 2023, (1): 130–146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>
13. Пустовойт Ю. А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах. *Полис. Политические исследования*. 2019. № 4. С. 104–118. [Pustovoyt Yu. A. How the regime is created: Power coalitions in Siberian cities. *Polis. Political Studies*, 2019, (4): 104–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>
14. Черкасская Г. В. Качество региональной элиты как фактор устойчивости региональной экономической системы. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2023. № 5. С. 31–39. [Cherkasskaya G. V. The quality of the regional elite as a factor of stability of the regional economic system. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2023, (5): 31–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2023-5-31-39>
15. Gelman V. Constitution, authoritarianism, and bad governance: The case of Russia. *Russian Politics*, 2021, 6(1): 71–90. <https://doi.org/10.30965/24518921-00601005>
16. Miller A. I. Russian federalism and the rehabilitation of the empire. *Russia in Global Affairs*, 2025, 23(1): 31–42. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-1-31-42>
17. Завершинский К. Ф. «Поколения элит» vs «элита поколений»: коммуникативные измерения социализации политических элит. *Власть и элиты*. 2021. Т. 8. № 1. С. 123–147. [Zavershinskiy K. F. "Generations of elites" vs "elite of generations": Communicative dimensions of political elite's socialization. *Power and Elites*, 2021, 8(1): 123–147. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.5>
18. Кочетков А. П., Моисеев В. В. Российская политическая элита как субъект социально-экономической политики. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. С. 244–256. [Kochetkov A. P., Moiseev V. V. Russian political elite as a subject of socioeconomic policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, (57): 244–256. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/1998863X/57/23>

19. Левин С. Н., Кислицын Д. В., Сурцева А. А. Институциональная организация регионов ресурсного типа в России: общая характеристика и структурные сдвиги в экономике. *Журнал институциональных исследований*. 2019. Т. 11. № 4. С. 61–76. [Levin S. N., Kislitsyn D. V., Surtseva A. A. Institutional organization of resource-type regions in Russia: General description and structural shift in the economy. *Journal of Institutional Studies*, 2019, 11(4): 61–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.061-076>
20. Мартыанов В. С. Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти. *Дискурс-Пи*. 2020. Т. 17. № 4. С. 54–67. [Martianov V. S. Russian elite in search of a nation: Selective memory politics. *Discourse-P*, 2020, 17(4): 54–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syexdc>
21. Шевченко Е. А. Развитие взаимодействия власти и бизнеса в современной России. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 3. № 4. С. 46–51. [Shevchenko E. A. Development of interactions of government and business in modern Russia. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2021, 3(4): 46–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.04.03.006>
22. Попенко А. В., Слинько А. А. Современные модели взаимодействия бизнеса и власти в России. *Регион: системы, экономика, управление*. 2018. № 1. С. 177–182. [Popenko A. V., Slinko A. A. Modern models of interaction between business and government in Russia. *Region: Sistemy, ekonomika, upravlenie*, 2018, (1): 177–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvozqq>
23. Пятков М. О., Чирун С. Н. Политические аспекты взаимодействия власти и бизнеса в условиях регионов ресурсного типа. *Власть*. 2025. Т. 33. № 5. С. 162–169. [Pyatkov M. O., Chirun S. N. Political dimensions of state-business relations in resource-based regions. *Vlast'*, 2025, 33(5): 162–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-5-162-169>
24. Чирун С. Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области. *Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 44. С. 253–268. [Chirun S. N. Problems of the functioning of the regional political regime on the example of Kemerovo oblast. *Vestnik TGU. Filosofii. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, (44): 253–268. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/1998863X/44/24>
25. Туровский Р. Ф., Сухова М. С. Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2021. № 2. С. 121–143. [Turovsky R. F., Sukhova M. S. Co-optation of opposition in Russian regional parliaments: Game that breaks rules. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2021, (2): 121–143. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>
26. Туровский Р. Ф., Сухова М. С. Партийные лидеры в регионах России: анализ логики отставок. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2022. № 3. С. 130–157. [Turovsky R. F., Sukhova M. S. Party leaders in the regions of Russia: Analyzing the logic of resignations. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2022, (3): 130–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-130-157>
27. Kynev A. The scandalous electoral victory of the governing party United Russia. *Euxeinos. Culture and Governance in the Black Sea Region*, 2023, 13(35): 8–14. <https://doi.org/10.55337/35.exnq9828>
28. Палитай И. С. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.). *Полис. Политические исследования*. 2022. № 4. С. 148–160. [Palitay I. S. The Russian political elite: Characteristics and dynamics (based on research materials dating from 2011 to 2021). *Polis. Political Studies*, 2022, (4): 148–160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.12>
29. Левин С. Н., Саблин К. С. Анклавы богатства в экономике России: субъекты и институты. *Журнал институциональных исследований*. 2023. Т. 15. № 4. С. 135–147. [Levin S. N., Sablin K. S. Wealth enclaves in the Russian economy: Actors and institutions. *Journal of Institutional Studies*, 2023, 15(4): 135–147. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.4.135-147>
30. Пятков М. О., Чирун С. Н. Проблемы эффективности взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти в регионах ресурсного типа. *Вестник Башкирского института социальных технологий*. 2025. № 2. С. 169–173. [Pyatkov M. O., Chirun S. N. Problems of efficiency of interaction between business structures and state authorities in resource-type regions. *Vestnik Bashkir Institute of Social Technologies*, 2025, (2): 169–173. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2025-2-67-169-173>
31. Kong L. Federalism: A comprehensive review of its evolution, typologies, and contemporary issues. *Encyclopedia*, 2025, 5(4). <https://doi.org/10.3390/encyclopedia5040156>

оригинальная статья

eLibrary EDN: JCPASQ

Глава региона как объект доверия интернет-пользователей в единой системе публичной власти (на примере Кемеровской области – Кузбасса)

Алексеев Михаил Сергеевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5897-8285

amscocacola@mail.ru

Аннотация: Доверие населения к органам власти традиционно рассматривается как ключевой фактор социально-политической стабильности и эффективного управления. В системе публичной власти региональные органы власти занимают важную промежуточную позицию, оказывая влияние на социально-политические процессы общенационального, регионального и местного уровней. Высшее должностное лицо субъекта является основным политическим актором региона, имидж которого влияет на образ всей региональной власти. Возрастание роли интернет-коммуникаций обуславливает востребованность изучения доверия к органам власти среди пользователей социальных медиа. Цель – выявить основные факторы доверия интернет-пользователей к главе региона и проанализировать его влияние на доверие к системе публичной власти. Теоретической основой исследования стали концепции, рассматривавшие доверие как рациональный способ преодоления неопределенности, а также труды отечественных исследователей, посвященные региональному аспекту доверия власти. Эмпирическая база – массовый онлайн-опрос, проведенный автором среди пользователей социальных медиа, проживающих на территории Кемеровской области – Кузбасса (n = 752). Определен уровень доверия к органам власти разного типа и уровня. Сделан вывод, что доверие высшему должностному лицу оказывает влияние на доверие органам власти всех уровней и является интеграционным фактором легитимности социально-политического порядка в регионе. Проанализирована взаимосвязь между декларативным доверием к главе региона и латентными факторами доверия. Отмечена важность учета мотивационного и инструментального аспектов образа надежности при проведении информационных кампаний, которые направлены на формирование доверия главе региона.

Ключевые слова: доверие к органам власти, глава региона, региональные органы власти, измерение доверия, Кемеровская область, Кузбасс

Цитирование: Алексеев М. С. Глава региона как объект доверия интернет-пользователей в единой системе публичной власти (на примере Кемеровской области – Кузбасса). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2026. Т. 11. № 1. С. 19–27. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-19-27>

Поступила в редакцию 12.05.2025. Принята после рецензирования 05.06.2025. Принята в печать 09.06.2025.

original article

Online Trust in Kuzbass Governor as Part of National Public Authority

Mikhail S. Alekseev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5897-8285

amscocacola@mail.ru

Abstract: Trust in governmental institutions is a key factor of socio-political stability and effective governance. Regional authorities occupy an important intermediate position in the system of public administration as they exert influence on socio-political processes at the national, regional, and local levels. The governor is the main political actor in the region, and their image affects the perception of the entire regional authorities. Domestic scholars see public trust as a rational method of overcoming uncertainty. The growing role of internet communications determines the need to study online trust in government authorities among social media users. Using the case of the Kemerovo

Region aka Kuzbass, the author identified the main factors of online trust in the local Governor and analyzed its impact on the general trust in the national government. The mass online survey involved 752 social media users residing in the Kemerovo Region and made it possible to measure the level of trust in various official authorities. The level of trust in the Governor correlated with the level of trust in other authorities and served as an integrational factor of legitimacy for the socio-political order in the region. The research also revealed a correlation between the declarative trust in the Governor and the latent factors of public trust. The image of reliability had motivational and instrumental aspects that are crucial for information campaigns aimed at shaping digital trust in the head of a regional government.

Keywords: trust in authorities, governor, regional authorities, measuring trust, Kemerovo Region, Kuzbass

Citation: Alekshev M. S. Online Trust in Kuzbass Governor as Part of National Public Authority. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 19–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-19-27>

Received 12 May 2025. Accepted after review 5 Jun 2025. Accepted for publication 9 Jun 2025.

Введение

Исследователи и практики в области государственного управления уделяют значительное внимание вопросу доверия населения к органам власти. Несмотря на отсутствие консенсуса в определении понятия, в современных научных работах доверие населения к органам власти воспринимается как важный управленческий фактор, который обеспечивает социальную стабильность, позитивно влияет на публичные коммуникации и увеличивает потенциал совершенствования управленческих процессов в государстве [1–5]. Признавая важность доверия к органам власти, отметим, что в реальных социальных практиках и взаимодействиях власть редко представляет собой единый объект доверия. В дилеммах доверия она предстает для субъектов доверия объектами разного типа и уровня, представления о которых строятся на основе обобщенных или персонализированных образов государственных агентов.

В единой системе публичной власти российского государства региональные органы власти занимают промежуточную позицию: они опосредуют отношения между федеральным центром и властью на местах, оказывают влияние на протекание социально-политических процессов общенационального, регионального и местного уровня [6, с. 87]. Региональная власть, по сравнению с федеральной властью, находится ближе к людям и, в отличие от органов местного самоуправления, обладает значительным объемом ресурсов (экономических, политических, правовых), что позволяет ей решать большой перечень вопросов и принимать участие в жизни как всего региона, так и отдельных муниципалитетов.

Если доверие необходимо для обеспечения стабильности государства и вовлечения граждан в управленческие процессы, его формирование по отношению к региональной власти должно быть одним из направлений государственной политики.

Необходимость мониторинга доверия осознается не только исследователями, но и органами власти. Указом Президента РФ № 1014 от 28.11.2024 закреплен Перечень показателей для оценки эффективности деятельности главы региона и региональных органов власти, доверие к власти в котором занимает первое место списка¹. Документ не раскрывает содержание доверия, но определяет, что оно измеряется посредством оценки общественного мнения по отношению к Президенту РФ и главам регионов. Закрепление глав регионов в качестве самостоятельных объектов мониторинга доверия говорит о том, что федеральная власть воспринимает доверие к ним как важный элемент легитимности социально-политического порядка в государстве и релевантный критерий оценки деятельности региональных органов власти. Образ главы зачастую является самым ярким элементом медиаобраза региона [7], он играет ключевую роль при формировании образа региональной власти в целом [8]. Это позволяет обосновать гипотезу о значительном влиянии доверия главы региона на состояние регионального политического поля и восприятие других объектов доверия, связанных с органами власти разных уровней.

Важным аспектом измерения и конструирования доверия к органам власти послужило возрастание роли интернет-коммуникаций в государственном управлении, эффективность использования которых

¹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации. Указ Президента РФ № 1014 от 28.11.2024. СПС КонсультантПлюс.

стала одним из показателей развития государства [9]. Развитие Интернета повлияло на критичность общественного сознания, подняло планку ожиданий населения от работы государственных агентов и сделало необходимым расширение участия работы государства в социальных медиа и на других интернет-ресурсах [10]. В условиях динамичного, порой реактивного информационного поля, доверие к органам власти стало неразрывно связано с антикризисными коммуникациями, реализация которых переместилась в цифровую среду [11, с. 152]. Также доверие является одним из важнейших факторов внедрения государственных платформ обратной связи – важного аспекта цифровизации государственного управления [12]. Данные факты подтверждают актуальность смещения исследования доверия граждан к исследованию доверия интернет-пользователей. Цель – выявить основные факторы доверия интернет-пользователей к главе региона и проанализировать его влияние на доверие к системе публичной власти.

Теоретической основой статьи стали фундаментальные труды П. Штомпки [13] и Р. Хардина [14], которые сформировали базис для исследований доверия к органам власти с позиции понимания доверия как действия, сопровождающегося рациональным расчетом. Региональный аспект доверия к органам власти освещался в работах современных российских исследователей [15–19]. Изложенные в них положения использовались при разработке инструментария и интерпретации результатов проведенного автором эмпирического исследования.

Методы и материалы

Эмпирическая база – массовый онлайн-опрос, проведенный автором в рамках исследования «Доверие в виртуальном взаимодействии региональных органов власти и населения» с 3 по 26 декабря 2024 г. Данные собраны методом ривер-сэмплинга (поточная выборка). Респонденты привлекались с помощью таргетированной рекламы, распространяемой среди пользователей социальных сетей, проживающих в Кемеровской области – Кузбассе. Объем квотированной выборки составил 752 респондента. При определении структуры выборки учитывались следующие параметры: пол (мужчины – 44 %, женщины – 56 %), возраст (18–24 лет – 9 %, 25–34 лет – 16 %, 35–44 лет – 21 %, 45–54 лет – 17 %, 55–64 лет – 16 %, 65 лет и старше – 21 %), тип населенного пункта (город от 500 тыс. человек – 46 %, город от 100 до 500 тыс. человек – 18 %, город до 100 тыс. человек – 21 %, сельское поселение – 15 %) и агломерация региона (Северо-Кузбасская – 51 %, Южно-Кузбасская – 49 %).

Основные социально-демографические характеристики выборки соответствуют данным государственной статистики, репрезентируя население Кузбасса.

Автор разделяет реальное и декларативное доверие. Последнее не сопровождается реальной ставкой – осознанной актуализацией субъектом доверия риска в целях получения какой-либо выгоды. В случае опросов общественного мнения выражение какому-либо объекту доверия является декларативным, поскольку, как правило, оно непредметно, не сопровождается ставкой и представляет собой лишь обобщенную оценку надежности [10, с. 184]. Декларативное доверие может слабо коррелировать с реальным поведением людей, поэтому следует также учитывать другие факторы доверия и с осторожностью прогнозировать будущее поведение людей исключительно на основе результатов подобных опросов. С целью выявления и определения значимости латентных переменных доверия автор дополнительно попытался оценить связь между декларативным доверием главе региона и оценками респондентов пяти параметров, которые отражают разные аспекты надежности объекта доверия: эффективности работы, профессионализма, порядочности, достаточности ресурсов и инкапсуляции интересов с населением.

Результаты

Декларативное доверие

В ходе опроса респондентов просили оценить доверие к девяти органам власти разного типа и уровня по пятибалльной шкале (табл. 1). Во-первых, установлено, что чем выше уровень власти, тем выше оценки доверия: средняя оценка доверия к федеральным органам власти составила 2,78 балла, к региональным органам власти – 2,32, а к органам местного самоуправления – 2,13. Более высокий разрыв в оценках наблюдался в возрастной группе 35–54 лет. Тенденция зависимости доверия от уровня власти, в частности, фиксировалась в исследовании Я. А. Никифорова [17, с. 121], опросах ВЦИОМ² и Левада-Центра³, что позволяет предположить, что она не связана с особенностями рассматриваемого

² Три ветви и три уровня власти: кому доверяют россияне? ВЦИОМ. 23.07.2007. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tri-vetvi-i-tri-urovnya-vlasti-komu-doverayut-rossiyane> (дата обращения: 05.05.2025).

³ Институциональное и межличностное доверие: сентябрь 2024. Левада-Центр. 24.10.2024. URL: <https://www.levada.ru/2024/10/24/institutsionalnoe-i-mezhlichnostnoe-doverie-sentyabr-2024> (дата обращения: 05.05.2025).

региона. Психолог Е. П. Ильин отмечает, что чем выше и недоступнее уровень власти, тем в большей степени она сохраняет сакральный ореол [20, с. 195]. Нередко население склонно приписывать позитивные изменения в регионе в заслуги федеральной власти, тогда как негативные изменения становятся свидетельством ненадежности региональной и местной власти.

Во-вторых, респонденты выше оценивают доверие персонализированным объектам доверия (2,78 балла), чем органам исполнительной (2,32) и законодательной (представительной) (2,13) власти. Доверие к высшим должностным лицам сочетает в себе признаки межличностного и общественного доверия, для человека оно является более естественным, чем доверие организациям или институтам [13]. Хотя большинство граждан лично не знакомо с Президентом РФ, главами регионов и муниципалитетов, они могут иметь устойчивые и относительно обоснованные представления об их надежности, сформированные на основе имиджа и обобщенных ожиданий от занимаемой этими лицами должности. Патриархальные традиции и относительно молодость российских демократических

институтов также способствуют относительно высоким показателям доверия персонализированным органам власти [21, с. 11–14].

Среди рассматриваемых органов власти оценка доверия губернатору Кузбасса оказалась на одном уровне с федеральными органами исполнительной власти (по 2,5 балла соответственно). Прослеживается статистически значимая взаимосвязь между доверием губернатору Кузбасса и агломерацией, в которой проживает респондент. Средняя арифметическая оценка в Северно-Кузбасской агломерации составила 2,7 балла, а в Южно-Кузбасской – 2,3. Существенная разница в оценках объясняется политическим и информационным противостоянием двух крупнейших городов Кузбасса – Кемерова (столица региона) и Новокузнецка, имеющего древние исторические корни. В ограниченном виде соперничество между городами распространилось на городские агломерации, которые обладают разной структурой экономики и неидентичными приоритетами развития [22], что приводит к тому, что региональные управленческие решения могут в неравной степени соответствовать интересам агломераций региона и получать противоречивые оценки жителей.

Табл. 1. Ответы на вопрос *Насколько вы в целом доверяете следующим органам власти?*

Tab. 1. Responses to question *How much do you trust the following authorities?*

Объект доверия	Вся выборка	Пол		Возраст			Агломерация	
		мужской	женский	18–34	35–54	55+	Северо-Кузбасская	Южно-Кузбасская
Президент РФ	3,5	3,3	3,6	3,5	3,5	3,4	3,5	3,5
Федеральные органы исполнительной власти	2,5	2,4	2,6	2,8	2,5	2,5	2,5	2,6
Федеральное Собрание	2,3	2,2	2,3	2,6	2,2	2,1	2,3	2,3
Губернатор Кузбасса	2,5	2,4	2,6	2,7	2,3	2,6	2,7	2,3
Исполнительные органы региона	2,2	2,2	2,3	2,4	2,1	2,3	2,4	2,1
Парламент Кузбасса	2,1	2,0	2,2	2,3	2,0	2,1	2,3	2,0
Глава муниципального образования	2,3	2,2	2,3	2,4	2,1	2,4	2,4	2,1
Местная администрация	2,2	2,1	2,2	2,5	1,9	2,2	2,3	2,0
Представительный орган муниципалитета	1,9	1,9	1,9	2,3	1,7	1,9	2,1	1,8

Прим.: светло-красным цветом выделены статистически значимые связи со значением в подгруппе ниже значения по всей выборке; светло-зеленым – статистически значимые связи со значением в подгруппе выше значения по всей выборке (Z-тест, доверительный интервал – 95 %).

Илья Середюк родился в Кемерове и до перехода в Правительство Кузбасса и избрания губернатором шесть лет проработал главой родного города. Среди жителей Южно-Кузбасской агломерации (в особенности города Новокузнецк) представляемый образ коренного кемеровчанина может негативно влиять на доверие к губернатору, поскольку его интересы будут восприниматься как связанные прежде всего с интересами г. Кемерово и Северно-Кузбасской агломерации⁴.

На основе анализа подвыборок можно составить типовой портрет интернет-пользователя, доверяющего губернатору Кузбасса: женщина с высшим образованием, хорошим материальным положением, работающая в бюджетной сфере и проживающая в Северно-Кузбасской агломерации. Типовой портрет интернет-пользователя, не доверяющего губернатору Кузбасса: мужчина без высшего образования, с плохим материальным положением, работающий в коммерческой сфере и проживающий в Южно-Кузбасской агломерации.

Для анализа взаимосвязей между доверием разным органам власти использовался коэффициент Спирмена ($p < 0,01$), который хорошо подходит для переменных, измеряемых в ранговой

шкале и с относительно равномерным распределением значений измеряемой величины [23, с. 75]. Результаты визуализированы в матрице парных корреляций (табл. 2).

Так, наибольший уровень связи наблюдается между показателями доверия к объектам одного уровня власти. Существенно меньшая связь отмечается между показателями доверия к федеральным и муниципальным органам власти. Наименьшая степень корреляции прослеживается между доверием Президенту РФ и органам местного самоуправления. Несомненно, Президент РФ занимает лидирующую позицию в рейтинге доверия, однако похоже это доверие не транслируется на нижние уровни власти. Е. Н. Давыборец отмечает, что высокое доверие к Президенту РФ не связано с оценкой эффективности политики государства, а основывается прежде всего на личностных качествах политика, особенностях менталитета россиян и использовании политических технологий [24, с. 112]. В крупном российском федеративном государстве легитимность общественно-политического порядка и эффективность государственного управления не основывается лишь на доверии главе государства.

Табл. 2. Доверие органам власти: матрица парных корреляций
Tab. 2. Trust in authorities: a matrix of paired correlations

Объект доверия	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Президент РФ	–	0,65	0,56	0,39	0,37	0,36	0,25	0,21	0,25
2. Федеральные органы исполнительной власти	0,65	–	0,84	0,53	0,61	0,57	0,36	0,32	0,46
3. Федеральное собрание	0,56	0,84	–	0,50	0,59	0,61	0,37	0,39	0,48
4. Губернатор Кузбасса	0,39	0,53	0,50	–	0,76	0,74	0,56	0,54	0,56
5. Исполнительные органы региона	0,37	0,61	0,59	0,76	–	0,86	0,63	0,69	0,71
6. Парламент Кузбасса	0,61	0,57	0,61	0,74	0,86	–	0,62	0,65	0,74
7. Глава муниципального образования	0,25	0,36	0,37	0,56	0,63	0,62	–	0,83	0,72
8. Местная администрация	0,21	0,38	0,39	0,54	0,69	0,65	0,83	–	0,77
9. Представительный орган муниципалитета	0,25	0,46	0,48	0,56	0,71	0,74	0,72	0,77	–

Прим.: переменные с сильной связью выделены зеленым цветом; переменные со связью средней силы – желтым (определение переменных проводилось в соответствии со шкалой Чертока).

⁴ Похоже, что глава региона отлично осознает этот недостаток своего имиджа. С момента назначения исполняющим обязанности губернатора И. В. Середюк регулярно посещает Новокузнецк, выступает на местном телевидении и проводит прямые эфиры с жителями города в социальных сетях.

В представленной матрице доверие губернатору Кузбасса занимает уникальную позицию. За исключением доверия Президенту РФ, оно находится в связи как минимум средней силы ($< 0,5$) со всеми остальными объектами доверия. Это не вызывает удивления по отношению к региональному уровню власти, где глава региона является основным политическим актором, образ которого влияет на восприятие надежности всех органов власти. Однако, похоже, доверие главе региона также способно результативно транслироваться на федеральный и муниципальный уровни власти. Если образ Президента РФ во многом может быть идеализированным и изолированным, то образ главы региона в большей степени отражает оценку респондентами работы власти, которая непосредственно влияет на их повседневную жизнь. Современным российским губернаторам приходится лавировать между ожиданиями федеральной власти и запросами населения региона, которые часто противоречат друг другу [25, с. 320]. Полагаем, что эффективная работа глав регионов требует от них как доверия со стороны федерального центра, так и со стороны жителей возглавляемого ими субъекта.

Выявленная связь между доверием к главе региона и органами местного самоуправления может быть объяснена относительной целостностью регионального политического пространства и восприятия населением глав муниципалитетов как подчиненных губернатора. Массовое сокращение практик

прямого выбора глав муниципальных образований в пользу конкурсной модели избрания существенно усилило их зависимость от глав региона [26, с. 16] и в целом согласуется с трендом на сокращение независимости муниципальной власти, который отчетливо проявляется в недавно принятом ФЗ № 33-ФЗ от 20.03.2025⁵. Это обосновывает ожидания населения от глав регионов ответственности не только за решение системных проблем региона, но и за работу органов местного самоуправления. Следовательно, доверие главе региона можно рассматривать как интеграционный фактор легитимности социально-политического порядка в регионе, оказывающий влияние на доверие органам власти всех уровней.

Факторы доверия

Для оценки латентных факторов доверия главе региона респондентам было задано пять вопросов, каждый из которых оценивал одну из переменных, предположительно связанных с формированием образа надежности (табл. 3). Далее с использованием коэффициента Спирмена были определены корреляционные связи между указанными факторами и декларативным доверием. Установлено, что доверие зависит от оценки и мотивационного, и инструментального аспекта надежности объекта доверия. Четыре из предложенных факторов находятся в связи высокой силы ($\leq 0,70$) с декларативным доверием. Мотивационный аспект надежности проявляется в *стремлении* объекта выполнять действия,

Табл. 3. Латентные факторы доверия и доверие губернатору Кузбасса: корреляция
Tab. 3. Latent factors of trust vs. trust in Kuzbass Governor

Фактор	Формулировка вопроса	Коэффициент корреляции Спирмена
Эффективность работы	Как Вы считаете, губернатор Кузбасса работает на своем посту (должности) хорошо или плохо?	0,78*
Профессионализм	Как Вы считаете, губернатор Кузбасса является или не является профессионалом в своем деле?	0,73*
Порядочность	Как Вы считаете, губернатор Кузбасса является порядочным или непорядочным человеком?	0,71*
Инкапсуляция интересов	Как Вы думаете, при осуществлении полномочий губернатор Кузбасса заинтересован или не заинтересован учитывать интересы населения региона?	0,70*
Достаточность ресурсов	На Ваш взгляд, у губернатора Кузбасса достаточно или недостаточно полномочий и ресурсов, чтобы эффективно выполнять свою работу?	0,12**

Прим.: * – достоверность $p < 0,01$; ** – достоверность $p < 0,03$.

⁵ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. ФЗ № 33-ФЗ от 20.03.2025. СПС КонсультантПлюс.

оправдывающие доверие (порядочность, инкапсуляция интересов), а инструментальный – в способности оправдать эти ожидания (эффективность работы, профессионализм).

Неожиданно слабой оказалась связь между декларативным доверием и оценкой достаточности ресурсов (0,12). Устойчивая взаимосвязь выявлена только для максимальной оценки доверия: 88 % респондентов, оценивших доверие губернатору Кузбасса в 5 баллов, считают, что у него достаточно полномочий и ресурсов для эффективного выполнения своей работы. При оценках доверия от 1 до 4 баллов доля респондентов, считающих, что у губернатора достаточно ресурсов, была в диапазоне 50–53 %. Следовательно, высокие оценки доверия, иногда интерпретируемые как *полное доверие*, как правило, требуют согласованности с представлением о достаточности ресурсов и полномочий политического актора.

Заключение

Выявлена фундаментальная роль образа надежности высшего должностного лица в поддержании социально-политического порядка в регионе и конструировании доверия ко всей системе публичной власти. Доверие губернатору Кузбасса коррелирует с доверием органам власти всех уровней. Это объясняется наличием у глав регионов существенных ресурсов, промежуточной позицией между федеральной и местной властью, а также склонностью россиян больше доверять персонализированным объектам доверия. Мониторинг доверия для руководителей субъектов федерации является важным инструментом обратной связи, предоставляя федеральному центру возможность своевременно выявлять очаги социального напряжения и корректировать политику.

Литература / References

1. Черкашин М. Д. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества. *Коммуникология: электронный научный журнал*. 2019. Т. 4. № 3. С. 74–82. [Cherkashin M. D. Public trust in government as a factor in social consolidation. *Communicology: electronic scientific journal*, 2019, 4(3): 74–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtdzet>
2. Белова И. А., Руденко Д. С. Доверие к социально-политическим институтам и органам власти. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 11. С. 151–157. [Belova I. A., Rudenko D. S. Trust in socio-political institutions and authorities. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2022, (11): 151–157. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncdmlj>
3. Черницына Е. Н. Значение политического доверия в процессе легитимации власти: общенациональный и региональный аспекты. *Вестник Российской нации*. 2017. № 1. С. 89–99. [Chernitsina E. N. The importance of political trust in the process of legitimizing power: National and regional aspects. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 2017, (1): 88–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yfnppr>

Ввиду эпистемологических ограничений большинство граждан использует косвенную стратегию оценки надежности, а декларативное доверие не всегда объективно отражает эффективность работы органов власти и развитие региона. Это обосновывает необходимость ведения целенаправленной и последовательной работы в информационном пространстве по конструированию и поддержанию доверия главам региона. С учетом возрастания значения интернет-коммуникаций она должна в обязательном порядке реализовываться в социальных медиа и учитывать все особенности пользовательской аудитории региона. Применительно к Кузбассу важно учитывать различия в восприятии политических акторов и решений жителей Северно-Кузбасской и Южно-Кузбасской агломераций.

Результаты оценки латентных факторов доверия можно использовать для формирования доверительного имиджа глав региона. При реализации информационных кампаний рекомендуется учитывать мотивационный и инструментальный аспекты основания надежности, что требует сочетания профессионального и личного контента. Одни публикации могут демонстрировать фактические результаты работы, подчеркивая высокую компетенцию главы, а другие – освещать его моральные качества и искреннюю заботу о жителях региона.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

4. Макаренко Д. Г. Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти. *Мониторинг правоприменения*. 2021. № 2. С. 21–26. [Makarenko D. G. Mechanisms for building public trust in governmental power institutions. *Monitoring pravoprimereniya*, 2021, (2): 21–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2021-2-21-26>
5. Карпичев В. Доверие как социальный механизм стабилизации общества и государства. *Государственная служба*. 2015. № 4. С. 13–16. [Karpichev V. Confidence as a social mechanism of the society and state stabilization. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2015, (4): 13–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uerkan>
6. Брызгунова Ю. Региональная власть в системе политических сетей. *Власть*. 2007. № 4. С. 87–89. [Bryzgunova Yu. Regional authorities in political system. *Vlast'*, 2007, (4): 87–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ktwkdz>
7. Рюмшин С. А., Хагуюев Р. Р. Феномен медиаобраза региона в конфликтологическом дискурсе (на примере Чеченской Республики). *Коммуникология*. 2023. Т. 11. № 1. С. 118–129. [Ryumshin S. A., Khaguyev R. R. The phenomenon of the media image of the region in conflictological discourse (on the example of the Chechen Republic). *Communicology*, 2023, 11(1): 118–129. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-1-118-129>
8. Казакова М. Н., Напалкова И. Г. Имидж главы региона как элемент имиджа территории (на примере Республики Мордовия). *Гуманитарные и политико-правовые исследования*. 2019. № 2. С. 81–104. [Kazakova M. N., Napalkova I. G. The image of the head region as an element of the image of the territory (on the example of Republic of Mordovia). *Gumanitarnie i politiko-pravovye issledovaniya*, 2019, (2): 81–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/plheka>
9. Гагарина С. Н., Маухин Д. А. Организация интернет-коммуникаций в сфере государственного управления. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 6-1. С. 182–187. [Gagarina S. N., Maukhin D. A. Organization of Internet communications in the sphere of government. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, (6-1): 182–187. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-6-1-182-187>
10. Алексеев М. С. Доверие населения к органам власти в информационном обществе: теоретико-методологические основы изучения. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 71. С. 177–191. [Alekshev M. S. Public trust in the authorities in the information society: Theoretical and methodological bases of studying. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2023, (71): 177–191. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iunvfc>
11. Чумиков А. Н. Коммуникации государства и граждан в цифровой среде как факторы управления восприятием актуального политического контекста. *PolitBook*. 2023. № 4. С. 136–158. [Chumikov A. N. Communications of the state and citizens in the digital environment as factors of perception management of the current political context. *PolitBook*, 2023, (4): 136–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2023-4-136-158>
12. Алексеев М. С. Компонент «Общественное голосование» Платформы обратной связи (ПОС) как объект доверия региональных операторов и инструмент взаимодействия власти и населения. *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 11. С. 48–56. [Alekshev M. S. The "Public vote" component of the Feedback platform ("POS") as an object of trust for regional operators and a tool for interaction between the government and the population. *Sotsialno-gumanitarnie znaniya*, 2024, (11): 48–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mnujel>
13. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с. [Sztompka P. *Trust: A sociological theory*. Moscow: Logos, 2012, 440. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qonpxd>
14. Hardin R. *Trust and Trustworthiness*. NY: Russell Sage Foundation, 2002, 256.
15. Бенц Д. С., Белова И. А. Исследование уровня доверия к институтам региональной власти. *Управленец*. 2023. Т. 14. № 1. С. 16–32. [Bents D. S., Belova I. A. Studying the level of trust in regional authorities. *The Manager*, 2023, 14(1): 16–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2023-14-1-2>
16. Лунев А. П., Минева О. К., Мордасов А. О., Минева В. С. Влияние доверия к государственным гражданским служащим на взаимодействие власти и гражданского общества: региональные особенности. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2017. № 4. С. 50–55. [Lunev A. P., Mineva O. K., Mordasov A. O., Minev V. S. Influence of civil trust to state servants on interaction of power and civil society: Regional features. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2017, (4): 50–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysjkae>
17. Никифоров Я. А. Доверие к власти в региональном контексте: социологическое измерение. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2018. Т. 18. № 2. С. 120–123.

- [Nikiforov Ya. A. Trust to the authorities in the regional context: Sociological measurement. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2018, 18(2): 120–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xshikl>
18. Отвагина И. Е., Брокерт А. В. Управление процессом формирования доверия к власти на региональном уровне. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2022. № 9-3. С. 402–407. [Otvagina I. E., Brockert A. V. Managing the process of building trust in the authorities at the regional level. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2022, (9-3): 402–407. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/vaael.2488>
 19. Фролова Е. В., Рогач О. В. Факторы формирования доверия к местной власти в Российской Федерации на современном этапе. *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2022. Т. 14. № 4. С. 719–740. [Frolova E. V., Rogach O. V. Factors for building trust in the Russian Federation local governments under modern conditions. *Ars Administrandi*, 2022, 14(4): 719–740. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-4-719-740>
 20. Ильин Е. П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013. 288 с. [Ilin Ye. P. *The psychology of trust*. St. Petersburg: Piter, 2013, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdrksd>
 21. Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура. *Вестник общественного мнения*. 2012. № 2. С. 8–47. [Gudkov L. Trust in Russia: Meaning, functions, and structure. *Vestnik obshhestvennogo mnenija*, 2012, (2): 8–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2012-00011>
 22. Шабашев В. А., Барыльников В. В., Медведев Б. Н., Салихов В. А. Исследование особенностей Северо-Кузбасской и Южно-Кузбасской агломераций для обоснования условий перспективного развития региона. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2017. № 38. С. 73–81. [Shabashev V. A., Barylnikov V. V., Medvedev B. N., Salikhov V. A. Investigation of the North and South Kuzbass agglomerations features to justify conditions for region long-term development. *Tomsk State University Journal of Economics*, 2017, (38): 73–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988648/38/7>
 23. Гостенина В. И., Карандин К. С. Особенности применения корреляционного анализа в социологических исследованиях. *Экономика. Социология. Право*. 2017. № 4. С. 73–81. [Gostenina V. I., Karandin K. S. Peculiarities of the use of correlation analysis in sociological research. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*, 2017, (4): 73–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxqnvv>
 24. Давыборец Е. Н. «Феномен» доверия президенту России. *Социологические исследования*. 2016. № 11. С. 107–113. [Davyborets E. N. «Phenomenon» of trust to Russia's President. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, (11): 107–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzjrzb>
 25. Матюсова А. И., Данилова А. С. Политико-психологический анализ ожиданий в отношении глав регионов РФ со стороны власти и населения (на материалах исследования губернаторов нового поколения). *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2021. Т. 17. № 3. С. 311–324. [Matusova A. I., Danilova A. S. Political and psychological analysis of the authorities' and population's expectations regarding Russian governors (based on research of new generation governors). *Political Expertise: POLITEX*, 2021, 17(3): 311–324. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.306>
 26. Боброва Н. А., Сошников В. В. Анализ некоторых избирательных законов: ущемление демократии или гарантия стабильности конституционного строя? *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки*. 2022. № 2. С. 12–21. [Bobrova N. A., Soshnikov V. V. The analysis of some electoral laws: Democracy infringement or a guarantee for constitutional order stability? *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, (2): 12–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18323/2220-7457-2022-2-12-21>

оригинальная статья

eLibrary EDN: JFWKHZ

Социальный рейтинг в такси-сервисах: механизмы, эффекты и культурная адаптация систем оценки

Соколов Александр Владимирович

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
Россия, Ярославль

eLibrary Author SPIN: 9573-5606

<https://orcid.org/0000-0002-7325-8374>

alex8119@mail.ru

Бабаджаниян Папик Артурович

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
Россия, Ярославль

eLibrary Author SPIN: 5993-5096

<https://orcid.org/0000-0003-2828-5581>

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу систем социального рейтинга в такси-сервисах как социотехнического феномена, который трансформирует природу социальных взаимодействий в цифровую эпоху. На основе междисциплинарного подхода, интегрирующего концепции платформенной экономики, алгоритмического управления и цифрового доверия, раскрываются механизмы функционирования рейтинговых систем и их адаптация к локальным культурным контекстам. Цель статьи – выявить структурные особенности, социальные последствия и культурную специфику алгоритмических рейтинговых систем на примере такси-сервисов. Эмпирическая база исследования – сравнительный анализ семи ключевых платформ такси-сервисов (Яндекс Go, Citymobil, Maxim, Uber, Bolt, DiDi, Gett), анализ их документов и 32 глубинных интервью с экспертами. Установлено, что алгоритмические рейтинги выступают не только инструментом оценки, но и механизмом социального контроля, формирующим новые модели поведения. Выявлена парадоксальная двойственность глобальных систем: при универсальной технологической основе они проявляют значительную культурную пластичность, воспроизводя региональные нормы взаимодействия. Особое внимание уделено социальным эффектам рейтингов – от трансформации трудовых отношений до воспроизводства цифрового неравенства. Исследование вносит вклад в понимание алгоритмического управления социальными процессами, предлагая концептуальные рамки для анализа баланса между эффективностью платформенных решений и защитой прав пользователей. Выявлено, что рейтинговые алгоритмы такси-сервисов представляют собой не просто инструменты контроля качества, а сложные социотехнические системы, которые воспроизводят и трансформируют культурные нормы. Их развитие будет зависеть от того, насколько удастся совместить технологическую эффективность с учетом культурного разнообразия. При этом сами платформы, вероятно, будут играть все более активную роль в формировании новых моделей социального взаимодействия, выходящих далеко за рамки сферы услуг.

Ключевые слова: социальный рейтинг, цифровизация, такси-сервисы, оценка, алгоритмическое управление, коммуникация, социальное поведение

Цитирование: Соколов А. В., Бабаджаниян П. А. Социальный рейтинг в такси-сервисах: механизмы, эффекты и культурная адаптация систем оценки. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2026. Т. 11. № 1. С. 28–38. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-28-38>

Поступила в редакцию 07.08.2025. Принята после рецензирования 16.09.2025. Принята в печать 16.09.2025.

original article

Social Rating in Taxi Services: Mechanisms, Effects, and Cultural Adaptation of Rating Systems

Alexander V. Sokolov

Yaroslavl State University, Russia, Yaroslavl

eLibrary Author SPIN: 9573-5606

<https://orcid.org/0000-0002-7325-8374>

alex8119@mail.ru

Papik A. Babadzhanian

Yaroslavl State University, Russia, Yaroslavl

eLibrary Author SPIN: 5993-5096

<https://orcid.org/0000-0003-2828-5581>

Abstract: In taxi services, social rating is a sociotechnical phenomenon that transforms the nature of social interactions in the digital environment. The authors integrated the concepts of platform economics, algorithmic management, and digital trust to reveal the mechanisms of rating systems and their adaptation to local cultural contexts. The article describes the structural features, social consequences and cultural specifics of algorithmic rating systems using taxi services as an example. The comparative analysis involved seven major taxi service platforms (Yandex Go, Citymobil, Maxim, Uber, Bolt, DiDi, Gett), their document analysis, and 32 in-depth interviews with experts. The algorithmic ratings are more than a service assessment tool: they are a mechanism of social control that shapes new behavior patterns. They possess a certain paradoxical duality: sharing a universal technological basis, they nevertheless exhibit significant cultural plasticity, reproducing regional norms of social interaction. The social effects of taxi service ratings range from the transformation of labor relations to the reproduction of digital inequality. While improving the algorithmic management of social processes, the study offers a conceptual framework for analyzing the balance between the effectiveness of platform solutions and the protection of user's rights. Apart from being quality control tools, the rating algorithms of taxi services are complex socio-technical systems that reproduce and transform cultural norms. Their development will depend on how well technological efficiency can be combined with cultural diversity. The platforms are likely to shape the new models of social interaction that go far beyond the service sector.

Keywords: social rating, digitalization, taxi services, assessment, algorithmic management, communication, social behavior

Citation: Sokolov A. V., Babadzhanian P. A. Social Rating in Taxi Services: Mechanisms, Effects, and Cultural Adaptation of Rating Systems. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 28–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-28-38>

Received 7 Aug 2025. Accepted after review 16 Sep 2025. Accepted for publication 16 Sep 2025.

Введение

В условиях стремительной цифровой трансформации современного общества системы рейтинговой оценки пользователей приобретают особую значимость как новый механизм социального регулирования. Эти системы, возникшие на стыке технологических инноваций и социальных практик, представляют собой сложные социотехнические конструкции, которые коренным образом меняют традиционные модели взаимодействия участников рыночных отношений. Особенно показательным примером такой трансформации выступает сфера услуг такси, где рейтинговые механизмы достигли значительного развития и дифференциации, отражая как универсальные тенденции цифровизации, так и специфические культурные особенности различных регионов [1].

Феномен социального рейтинга в такси-сервисах требует комплексного научного осмысления, т. к. он воплощает в себе ключевые изменения, которые происходят в природе социальных отношений в цифровую эпоху [2]. Традиционные механизмы оценки качества услуг, основанные на личном опыте и устных рекомендациях, уступают место сложным многоуровневым системам взаимного контроля, где каждый участник платформы одновременно выступает и в роли оценивающего, и в роли оцениваемого субъекта. Эта двойственность создает уникальную экосистему цифрового доверия, функционирующую по особым алгоритмическим правилам, которые все чаще определяют характер и качество социальных взаимодействий [3].

Актуальность настоящего исследования обусловлена целым рядом значимых факторов. Прежде всего, масштабы распространения рейтинговых систем в такси-индустрии достигли глобального уровня, что делает их важнейшим объектом изучения для современной цифровой социологии и экономики платформ. Во-вторых, эти системы оказывают глубокое влияние на повседневные практики миллионов людей по всему миру, формируя новые стандарты социального поведения и меняя традиционные представления о доверии и ответственности в условиях анонимных рыночных взаимодействий [4]. В-третьих, тщательный анализ подобных механизмов позволяет лучше понять фундаментальные закономерности развития цифрового общества в целом, где алгоритмическое управление постепенно становится доминирующим принципом социальной организации [5].

Рейтинговые оценки в такси-сервисах представляют собой своеобразную систему цифрового общества, где наиболее четко прослеживаются как положительные эффекты алгоритмического управления (повышение прозрачности, снижение транзакционных издержек), так и его потенциальные риски (дискриминация, усиление социального контроля) [6]. При этом, в отличие от других сфер платформенной экономики, рейтинговые системы в такси-сервисах характеризуются высокой степенью взаимности – они в равной мере применяются и к поставщикам услуг (водителям), и к их потребителям (пассажирам), создавая уникальную систему сдержек и противовесов [7].

Важно отметить, что изучение данного феномена приобретает особую актуальность в контексте растущей дискуссии о цифровых правах граждан и границах приемлемого контроля в цифровую эпоху [8]. Системы социального рейтинга, с одной стороны, способствуют повышению качества услуг и безопасности взаимодействий, а с другой – вызывают обоснованные опасения относительно возможных злоупотреблений и нарушения приватности. Это делает их исследование не только академически значимым, но и имеющим важное практическое значение для разработки сбалансированных подходов к регулированию цифровых платформ. Таким образом, цель статьи – выявить структурные особенности, социальные последствия и культурную специфику алгоритмических рейтинговых систем на примере такси-сервисов.

Анализ феномена социального рейтинга в такси-сервисах требует многоуровневого теоретического осмысления, интегрирующего достижения различных социальных наук. Существенный вклад

в понимание рейтингования как явления вносит теория социального доверия, которая помогает объяснить, как цифровые рейтинги трансформируют традиционные механизмы формирования доверия в анонимных взаимодействиях. В условиях платформенной экономики рейтинговые системы становятся своеобразными *посредниками доверия*, снижающими транзакционные издержки между незнакомыми участниками рынка [9].

Важное теоретическое значение имеет концепция цифрового патернализма, которая рассматривает рейтинговые системы как форму мягкого принуждения, направленного на формирование желаемого поведения [10]. В контексте такси-сервисов это проявляется в том, что система оценок не просто фиксирует поведение пользователей, но активно формирует определенные поведенческие паттерны через механизмы позитивного и негативного подкрепления. Этот подход позволяет понять нормативную составляющую рейтинговых систем, которые выступают не только как инструменты оценки, но и как средства социального контроля.

С позиций экономической социологии рейтинговые системы можно рассматривать через призму теории сигналов [11]. В данном случае цифровой рейтинг выполняет функцию сигнала о надежности и предсказуемости пользователя, снижая информационную асимметрию между участниками взаимодействия [12]. Особенность такси-сервисов заключается в том, что здесь система сигналов работает в обоих направлениях – и для водителей, и для пассажиров, создавая уникальную экосистему взаимного доверия.

Значительный теоретический потенциал для анализа рейтинговых систем представляет концепция алгоритмической власти, которая акцентирует внимание на трансформации властных отношений в условиях цифровизации [13]. В такси-сервисах алгоритмы оценки становятся инструментом осуществления власти, определяющим правила поведения и доступа к ресурсам. При этом власть алгоритмов носит диффузный характер, т. к. формально все участники платформы подчиняются единым правилам, хотя фактически эти правила могут по-разному влиять на различные социальные группы [14].

Теория социального обмена предлагает дополнительную перспективу для понимания рейтинговых систем как механизмов регулирования взаимодействий, основанных на принципах взаимности и справедливости [15]. В контексте такси-сервисов высокий рейтинг становится своеобразной «валютой» [16] социального обмена, обеспечивающей доступ к лучшим условиям взаимодействия.

Этот подход помогает объяснить, почему пользователи стремятся поддерживать высокий рейтинг, даже когда непосредственные санкции за его снижение минимальны. Особенно ярко это проявляется в такси-сервисах, где каждый день происходят миллионы контактов между совершенно незнакомыми людьми [17]. С этой точки зрения оценка поездки становится незначительной, встроенной в более широкий комплекс цифровых практик современного человека. Такой подход позволяет понять, как формальные правила рейтинговых систем трансформируются в реальные повседневные действия пользователей.

Важным аспектом в изучении социального рейтинга стала теория цифрового следа, которая дополняет понимание рейтинговых систем, акцентируя внимание на долговременном характере цифровых оценок. В отличие от единичных впечатлений от личного контакта, цифровые рейтинги сохраняются во времени, формируя устойчивую репутацию пользователя [18]. В контексте такси-сервисов это создает эффект *цифровой памяти*, когда каждое действие пользователя может потенциально влиять на его будущие взаимодействия. При этом теория социальных сетей помогает понять, как рейтинговые системы трансформируют характер связей между участниками платформы. В традиционных такси-сервисах взаимодействия носили разовый и обособленный характер, тогда как в цифровых платформах каждое взаимодействие оставляет след в виде оценки [19]. Это приводит к формированию новых форм социального капитала, основанного не на личных знакомствах, а на цифровых показателях.

Концепция цифрового труда предлагает критическую перспективу на рейтинговые системы, рассматривая процесс оценки как форму неоплачиваемого труда пользователей. В такси-сервисах оценка поездки становится элементом взаимодействия, что можно рассматривать как извлечение дополнительной ценности из пользователей. Этот аспект особенно важен для понимания экономических основ функционирования рейтинговых систем [20]. Поэтому рейтинги выступают как важный элемент инфраструктуры платформенной экономики, который обеспечивает управление децентрализованными сетями поставщиков и потребителей услуг. В такси-сервисах рейтинговая система становится ключевым механизмом координации между независимыми водителями и пассажирами. В то же время концепция цифрового неравенства предлагает важную

критическую перспективу, обращая внимание на то, что рейтинговые системы могут воспроизводить и усиливать существующие социальные неравенства [21]. Например, определенные социальные группы могут изначально находиться в менее выгодном положении с точки зрения возможности поддержания высокого рейтинга. В такси-сервисах это может проявляться в дискриминации определенных категорий пользователей.

Теория рационального выбора помогает объяснить стратегии поведения пользователей в условиях рейтинговых систем. С этой точки зрения пользователи взвешивают затраты и выгоды от определенных действий, выбирая те стратегии, которые позволяют максимизировать их рейтинг. В такси-сервисах это приводит к формированию специфических моделей рационального поведения, которое ориентировано на получение высоких оценок. Алгоритмы оценки, первоначально призванные просто улучшить качество сервиса, со временем начинают трансформировать сами основы социального взаимодействия между водителями и пассажирами [22].

Таким образом, системы социального рейтинга в такси-сервисах представляют собой сложный социотехнический феномен, интегрирующий элементы экономического обмена, социального контроля и цифрового управления. Различные теоретические перспективы сходятся в понимании рейтингов как трансформационного механизма, который переопределяет природу доверия и взаимодействия в платформенной экономике. В итоге эти системы формируют принципиально новую логику социальных отношений, где алгоритмическая оценка становится ключевым медиатором между участниками взаимодействия. При этом они создают парадоксальную ситуацию: с одной стороны, повышают прозрачность и предсказуемость сервиса, с другой – порождают новые формы цифрового неравенства и зависимости от платформенных алгоритмов.

Методы и материалы

Методика исследования¹ базируется на комплексном подходе, который интегрирует анализ документов такси-сервисов и экспертные мнения о самом феномене социального рейтингования. Это позволило обеспечить многоуровневый анализ рейтинговых систем, учитывающий как формальные алгоритмические параметры, так и их реальное воздействие на социальные практики взаимодействия участников платформенной экономики.

¹ В статье акцент сделан именно на алгоритмах составления рейтингов, а не популярности такси-сервисов среди граждан в разных городах России.

Был проведен анализ документов ведущих такси-сервисов, включая пользовательские соглашения, правила оценки, политики блокировки аккаунтов и методические рекомендации для водителей. Особое внимание уделялось выявлению не только декларируемых принципов работы рейтинговых систем, но и латентных механизмов, определяющих их фактическое функционирование. Например, изучение материалов поддержки Яндекс Go и Uber позволило установить, что, несмотря на формальное использование пятибалльной шкалы, реальные последствия для водителей наступают уже при рейтинге < 4,0 в Яндекс Go или < 3,5 в Uber. Указанное свидетельствует о наличии неявных пороговых значений.

Для выявления скрытых аспектов функционирования рейтинговых механизмов было проведено 32 полуструктурированных интервью с экспертами из разных регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Костромская, Волгоградская, Ярославская области, Алтайский и Краснодарский край). Среди экспертов были специалисты по разработке цифровых и рейтинговых сервисов, представители органов государственной власти, ведущие исследователи по вопросам социального управления и контроля. Ключевыми вопросами, анализ которых был включен в данную статью, выступили:

- регулирование социальных рейтингов;
- критерии (показатели) социальных рейтингов;
- практики применения социальных рейтингов;
- механизмы обратной связи в системах социального рейтинга;
- роль социальных рейтингов в поведении граждан.

Результаты экспертных интервью позволили объяснить причины и вероятные последствия введения социальных рейтингов в сферу бизнеса на примере такси-сервисов. Среди ключевых причин были выделены необходимость повышения доверия между клиентами и водителями, а также стремление компаний стимулировать более ответственное поведение обеих сторон сервиса. Прогнозируемые последствия включают как позитивные эффекты (рост качества обслуживания и общей безопасности), так и риски, связанные с дискриминацией пользователей и излишней зависимостью человека от цифровой репутации.

Центральное место в исследовании занял сравнительный анализ рейтинговых систем на трех уровнях:

I. Региональный: сопоставление моделей оценки в разных странах (например, DiDi в Китае и Bolt в Эстонии), что позволило выявить культурную адаптацию алгоритмов. В частности, в DiDi акцент

делается на пунктуальность и соблюдение правил, тогда как в Bolt выше ценятся вежливость и готовность помочь.

II. Платформенный: сравнение подходов Uber, Citymobil и Maxim к расчету рейтинга. Обнаружено, что Uber учитывает последние 500 поездок, но с акцентом на последние 50–100, тогда как Maxim фокусируется только на 50 последних оценках, что делает его систему более чувствительной к краткосрочным изменениям.

III. Параметрический: изучение конкретных характеристик, таких как период учета оценок (от 50 поездок в Gett до 150 в Яндекс Go) или критерии блокировки (например, агрессия в DiDi против рейтинга < 3,5 в Uber).

В статье детально рассмотрены следующие ключевые кейсы, которые отражают региональные и платформенные особенности систем социального рейтинга: Яндекс Go, Citymobil, Maxim (Россия); Uber (США); Bolt (Эстония); DiDi (Китай); Gett (Израиль).

Результаты

По результатам проведенного анализа (таблицы 1, 2) выявлены существенные различия в функционировании рейтинговых систем такси-сервисов, обусловленные спецификой платформенных решений. Глубинное исследование механизмов оценки позволило установить, что данные системы представляют собой сложные социотехнические конструкции, в которых алгоритмические принципы тесно переплетаются с культурными нормами и социальными практиками. Российские платформы демонстрируют ярко выраженную ориентацию на формально-рациональные критерии оценки. Особенностью российских систем является их строгая алгоритмизированность, где поведенческие паттерны участников жестко регламентируются количественными показателями. Водители и пассажиры вынуждены адаптироваться к этой системе, вырабатывая стратегии поведения, направленные на формальное соответствие установленным критериям.

Западные сервисы (исходя из регламента такси-сервисов), напротив, развивают модель, в которой приоритет отдается качественным аспектам межличностного взаимодействия. Алгоритмы оценки в этих системах настроены на фиксацию и поощрение проявлений эмоционального интеллекта и коммуникативной компетентности. Интересно, что различия в алгоритмах оценки приводят к формированию принципиально разных моделей взаимодействия между водителями и пассажирами. В западных сервисах высокий рейтинг требует от водителя навыков эмоционального интеллекта, тогда как

в других регионах достаточно безупречного соблюдения регламента. Это создает различное давление на участников системы: если в одних культурах ценится спонтанная доброжелательность, то в других – безукоризненное следование инструкциям. Такая вариативность ставит вопрос о том, насколько универсальными могут быть стандарты цифровых сервисов в различных странах.

Более того, опрашиваемые нами эксперты отметили, что рейтинговые системы постепенно становятся инструментом социальной инженерии, формируя новые поведенческие нормы. Например, жесткие требования азиатских сервисов к безопасности способствуют подавлению любых форм конфликтности, что соответствует общей тенденции к поддержанию гармонии в обществе. В то же время западные

платформы, поощряя дружелюбие, могут косвенно способствовать размыванию формальных границ между клиентом и исполнителем.

Особого внимания заслуживает роль рейтинговых систем в формировании профессиональной идентичности водителей. По мнению экспертов, принявших участие в интервью, когда алгоритмы определяют допустимые модели поведения, цифровая репутация становится ключевым фактором экономического выживания. Это создает новый тип трудовых отношений, где не работодатель, а абстрактная система оценок диктует правила. Примечательно, что каждый водитель адаптируется к этим требованиям индивидуально: где-то учатся искусственно демонстрировать дружелюбие, а где-то – доводить до автоматизма соблюдение технических стандартов.

Табл. 1. Сравнительная таблица оценки пассажиров в такси-сервисах
Tab. 1. Passenger ratings across taxi services

Сервис	Оценка			Период учета	Как считается	Блокировка
	5	4	1–3			
	Критерии оценки					
Яндекс Go	Точно указал место; вышел за 1–2 минуты; вежливый; чистый салон	Небольшая задержка (2–3 минуты); нейтральное общение	Опоздание более чем на 5 минут; грубость; отмена после подачи; курение	Последние 150 поездок (но есть различия от страны к стране)	Новые оценки важнее старых	При агрессии / порче имущества
Citymobil	Вовремя вышел; вежливый, соблюдает чистоту	Допустимы небольшие задержки (до 3 минут)	Опоздание более чем на 5 минут; неадекватное поведение	Последние 100 поездок (акцент на последних 30)	Акцент на последние 30 поездок	При рейтинге < 3,5
Maxim	Быстро вышел; вежливый; не курит	Минимальные замечания (например, шум в салоне)	Грубость; мусор в салоне; курение	Последние 50 поездок	Новые оценки важнее	При вандализме
Uber	Идеальное поведение; вежливость; точность локации	Минимальные замечания (например, медленная посадка)	Курение; агрессия; частые отмены; грязный салон	Последние 500 поездок (акцент на последних 50–100)	Скользящее среднее	При рейтинге < 3,5
Bolt	Быстрая посадка; вежливость; готовность помочь	Незначительные задержки (3–4 минуты)	Задержка более чем на 5 минут; грубость; отказ от поездки	Последние 100 поездок (акцент на последних 30)	Новые оценки влияют сильнее	При вандализме
DiDi	Пунктуальность; вежливость; соблюдение правил	Мелкие недочеты (например, забыл закрыть дверь)	Грубость; порча имущества; отмена поездки	Последние 50 поездок	Новые оценки важнее	При агрессии
Gett	Точно указал адрес; вежливый; не создавал проблем	Легкие неудобства (например, звонок для уточнения адреса)	Опоздание; конфликты; мусор в салоне	Последние 50–100 поездок	Старые оценки теряют вес	При рейтинге < 4,0

Табл. 2. Сравнительная таблица критериев оценок водителей в такси-сервисах
 Tab. 2. Criteria for evaluating drivers across taxi services

Сервис	Оценка				
	5 (идеально)	4 (хорошо)	3 (удовлетворительно)	2 (плохо)	1 (очень плохо)
Критерии оценки					
Яндекс Go	<ul style="list-style-type: none"> чистый автомобиль; вежливость; точность маршрута; пунктуальность 	<ul style="list-style-type: none"> небольшое опоздание (2–3 минуты); минимальный мусор в салоне 	<ul style="list-style-type: none"> опоздание (5–7 минут); нейтральное общение; легкий беспорядок 	<ul style="list-style-type: none"> грубость; сигаретный запах; навязчивость 	<ul style="list-style-type: none"> опасное вождение; алкогольное опьянение; отказ от поездки
Uber	<ul style="list-style-type: none"> идеальная чистота; вежливое общение; точность GPS 	<ul style="list-style-type: none"> небольшое отклонение от маршрута; вежливые вопросы 	<ul style="list-style-type: none"> нейтральное поведение; средняя чистота 	<ul style="list-style-type: none"> разговор по телефону; громкая музыка 	<ul style="list-style-type: none"> расизм / сексизм; умышленный длинный маршрут
Bolt	<ul style="list-style-type: none"> комфортная температура; приятное общение; аккуратное вождение 	<ul style="list-style-type: none"> минимальные замечания; средняя пунктуальность 	<ul style="list-style-type: none"> нейтральное отношение; легкий беспорядок 	<ul style="list-style-type: none"> резкое торможение; навязчивые разговоры 	<ul style="list-style-type: none"> оскорбления; обман с оплатой
DiDi	<ul style="list-style-type: none"> безупречный сервис; бутилированная вода; идеальный маршрут 	<ul style="list-style-type: none"> хорошие условия; вежливые вопросы 	<ul style="list-style-type: none"> стандартный сервис; нейтральность 	<ul style="list-style-type: none"> неопрятность; раздражение 	<ul style="list-style-type: none"> мошенничество; опасное поведение
Gett	<ul style="list-style-type: none"> премиум-условия; профессионализм; идеальная чистота 	<ul style="list-style-type: none"> хороший сервис; минимум замечаний 	<ul style="list-style-type: none"> удовлетворительные условия; базовый сервис 	<ul style="list-style-type: none"> неприятный запах; грубость 	<ul style="list-style-type: none"> отказ от поездки; хамство

Особого внимания заслуживает трансформационная роль рейтинговых систем, которые не просто фиксируют существующие модели поведения, но активно формируют новые стандарты взаимодействия. Алгоритмы оценки становятся инструментом мягкого социального контроля, постепенно изменяющего глубинные паттерны коммуникации между участниками платформенной экономики. Полученные результаты подчеркивают необходимость дальнейшего изучения долгосрочных эффектов алгоритмического управления социальными процессами. Особую актуальность приобретает исследование влияния рейтинговых систем на социальную стратификацию и трансформацию традиционных моделей трудовых отношений в условиях цифровой экономики.

Перспективы развития рейтинговых систем связаны с их дальнейшей персонализацией и возможным

внедрением ИИ-анализа поведения. Однако это неизбежно породит новые этические вопросы, особенно в части дискриминации пользователей с низкими рейтингами. Уже сейчас заметно, что алгоритмы создают цифровые классы, где высоко-рейтинговые пользователи получают привилегии, а остальные оказываются в невыгодном положении. В будущем это может привести к усилению социального неравенства, опосредованного технологическими системами.

Таким образом, рейтинговые алгоритмы такси-сервисов представляют собой не просто инструменты контроля качества, а сложные социотехнические системы, которые воспроизводят и трансформируют культурные нормы. Их развитие будет зависеть от того, насколько удастся совместить технологическую эффективность с учетом культурного разнообразия. При этом сами платформы, вероятно, будут

играть все более активную роль в формировании новых моделей социального взаимодействия, выходящих далеко за рамки сферы услуг.

Заключение

Системы социального рейтинга в такси-сервисах представляют собой не просто технический инструмент оценки, а сложный социокультурный феномен, требующий междисциплинарного осмысления. Уже сейчас доступ к качественным услугам в такси-сервисах опосредован цифровым рейтингом, что создает потенциальные барьеры для определенных групп пользователей. Например, водители с низким рейтингом могут сталкиваться с ограниченным доступом к заказам, что усугубляет их экономическое положение. Аналогичным образом пассажиры с низкими оценками могут испытывать трудности при вызове автомобиля, особенно в условиях динамического ценообразования. Этот феномен требует углубленного анализа в контексте социальной справедливости и цифрового включения. В частности, необходимо исследовать, каким образом рейтинговые системы воспроизводят или, напротив, нивелируют существующие социальные диспропорции. Особую значимость приобретает вопрос о том, насколько алгоритмическая оценка учитывает структурные факторы, такие как уровень дохода, образование или географическую локацию пользователей.

Исследование подтверждает, что дальнейшее развитие рейтинговых систем должно основываться на постоянном диалоге между государством, технологическими компаниями, регуляторами, академическим сообществом и гражданским обществом. Только такой подход позволит обеспечить баланс между инновациями и защитой общественных интересов, способствуя устойчивому развитию цифровых экосистем. В перспективе целесообразно сосредоточиться на изучении долгосрочных эффектов рейтинговых систем, включая их влияние на социальную динамику, трудовые отношения и повседневные практики. Это позволит не только прогнозировать возможные риски, но и разрабатывать превентивные меры, направленные на гуманизацию цифровых технологий. Особую актуальность приобретает необходимость разработки международных стандартов цифрового взаимодействия, которые бы гармонизировали технологические решения с культурным многообразием и базовыми правами человека. Полученные результаты также открывают новые возможности для совершенствования бизнес-моделей платформенной экономики через создание более сбалансированных и социально ответственных систем оценки.

Перспективное направление дальнейших исследований заключается в изучении того, как рейтинговые системы влияют на социальное доверие в целом. Цифровые оценки становятся новой валютой доверия в платформенной экономике, заменяя традиционные формы социальных гарантий. Однако остается открытым вопрос, насколько такие алгоритмизированные системы способны восполнить утрату межличностного доверия в современном обществе. Также требует дополнительного анализа роль рейтингов в формировании цифрового следа пользователей. Накопление оценок создает детальный поведенческий профиль, который может использоваться платформами не только для управления качеством услуг, но и для прогнозирования поведения, персонализации цен и даже кредитного скоринга. Это открывает новые возможности для бизнеса, но одновременно создает серьезные вопросы о приватности и автономии личности в цифровую эпоху.

Интересным направлением для будущих исследований является сравнительное изучение рейтинговых систем в различных секторах платформенной экономики. Аналогичные механизмы оценки используются в сервисах аренды жилья, фриланс-платформах и маркетплейсах. Их сопоставление позволило бы выявить универсальные закономерности алгоритмического управления доверием. Не менее важным представляется анализ правовых аспектов функционирования рейтинговых систем. В условиях, когда цифровая репутация становится критически важным активом, возникает потребность в юридических механизмах защиты от несправедливых оценок и алгоритмических ошибок [23]. Особенно остро этот вопрос стоит в контексте автоматизированных блокировок аккаунтов. Технологическое развитие рейтинговых систем, вероятно, пойдет по пути интеграции новых источников данных – от анализа тона голоса до компьютерного зрения. Это потребует разработки новых этических стандартов и регуляторных правил, чтобы предотвратить злоупотребления и дискриминацию. Одновременно будет расти спрос на системы верификации оценок, способные отличить искренние отзывы от манипулятивных практик.

Особую актуальность приобретает вопрос о цифровом неравенстве, возникающем из-за различий в доступе к технологиям и цифровой грамотности. Пользователи с низким уровнем технологической компетентности могут оказаться в невыгодном положении в условиях, когда цифровая репутация определяет доступ к жизненно важным сервисам. Интересным аспектом для исследования является феномен *рейтинговой усталости* – постепенного

снижения вовлеченности пользователей в системы взаимного оценивания по мере их распространения. Этот эффект может существенно повлиять на достоверность и репрезентативность собираемых платформами данных [24].

Важным направлением будущих исследований могло бы стать изучение альтернативных моделей оценки, основанных на децентрализованных технологиях (блокчейн, системы репутации Web3.0) [25], которые потенциально могут решить отдельные проблемы современных рейтинговых систем.

Рейтинговые системы такси-сервисов представляют собой механизм более широких социальных трансформаций в цифровую эпоху. Их изучение дает уникальную возможность наблюдать, как технологии не просто отражают, но и активно формируют новые модели социального взаимодействия. Дальнейшие исследования в этой области могли бы внести значительный вклад в понимание того, как алгоритмы изменяют природу доверия, труда и межличностных отношений в современном мире.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. В. Соколов – формулирование проблемы, разработка теоретической концепции, анализ литературы по теме исследования, научное редактирование текста статьи, формулирование выводов и результатов исследования. П. А. Бабаджанян – обработка и интерпретация данных, описание методологии, формулирование выводов.

Contribution: A. V. Sokolov developed the research concept, wrote the review, formulated the research results, and proofread the manuscript. P. A. Babajanyan was responsible for data processing, interpretation, methodology, and conclusions.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан», <https://rscf.ru/project/24-28-00728/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00728: Political consequences of citizens social rating, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00728/>

Литература / References

1. Аренков И. А., Салихова Я. Ю., Сайфутдинов А. А. Цифровая трансформация: направления исследований и цифровые риски. *Креативная экономика*. 2021. Т. 15. № 7. С. 2757–2776. [Arenkov I. A., Salikhova Ya. Yu., Sayfutdinov A. A. Digital transformation: Research trends and digital risks. *Kreativnaya ekonomika*, 2021, 15(7): 2757–2776. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ce.15.7.112414>
2. Suzuki T., Horita M. Consistent social ranking solutions. *Social Choice and Welfare*, 2024, 62(3): 549–569. <https://doi.org/10.1007/s00355-023-01502-1>
3. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое. *Пермский юридический альманах*. 2021. № 4. С. 13–82. [Gabov A. V. Digital platform as a new legal phenomenon. *Permskiy yuridicheskiy almanakh*, 2021, (4): 13–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lwdbgo>
4. Fourcade M., Healy K. Classification situations: Life-chances in the neoliberal era. *Accounting, Organizations and Society*, 2013, 38(8): 559–572. <https://doi.org/10.1016/j.aos.2013.11.002>
5. Чудинов А. Н. Анализ основных проблем концепции социального рейтинга. *Социальная политика и социология*. 2024. Т. 23. № 3. С. 97–103. [Chudinov A. N. Analysis of the main problems of the concept of social rating. *Social Policy and Sociology*, 2024, 23(3): 97–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ptftto>
6. Kim P. S. New development: Competency assessment system and practice in government – the South Korean experience. *Public Money & Management*, 2020, 40(8): 611–614. <https://doi.org/10.1080/09540962.2020.1802891>
7. Кирьянов А. Е., Масюк Н. Н., Захаров А. М. Агрегаторы такси как инфраструктурные трансформирующие технологии (драйверы) цифровой экономики. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2020. Т. 9. № 3. С. 175–179. [Kiryanov A. E., Masyuk N. N., Zakharov A. M. Taxi aggregators as infrastructural transforming technologies (drivers) of digital economy. *Azimut nauchnykh issledovaniy: Ekonomika i upravleniye*, 2020, 9(3): 175–179. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0903-0038>
8. Birch K., Cochrane D., Ward C. Data as asset? The measurement, governance, and valuation of digital personal data by Big Tech. *Big Data & Society*, 2021, 8(1): 1–15. <https://elibrary.ru/jtloke>

9. Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике. *Социология власти*. 2020. Т. 32. № 1. С. 30–54. [Shevchuk A. V. From factory to platform: Autonomy and control in the digital economy. *Sotsiologiya vlasti*, 2020, 32(1): 30–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhqt0i>
10. Кулакова Т. А., Лукьянова Г. В., Волкова А. В. От экономического патернализма к цифровому контролю. *Проблемы современной экономики*. 2022. № 1. С. 79–83. [Kulakova T. A., Lukjanova G. V., Volkova A. V. From economic paternalism to digital control. *Problems of Modern Economics*, 2022, (1): 79–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hovpeu>
11. Роскин М. Д. Теория сигнализации: как связана государственная пропаганда и протестные настроения. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 6-1. С. 265–267. [Roskin M. D. Signaling theory: How state propaganda and protest sentiments are connected. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2015, (6-1): 265–267. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tzbqif>
12. Li H., Kostka G. Accepting but not engaging with it: Digital participation in local government-run social credit systems in China. *Policy & Internet*, 2022, 14(4): 845–874. <https://doi.org/10.1002/poi3.316>
13. Федорченко С. Н. Алгоритмизация власти: цифровые метаморфозы политических режимов и суверенитета. *Журнал политических исследований*. 2021. Т. 5. № 2. С. 3–18. [Fedorchenko S. N. Algorithmization of power: Digital metamorphoses of political regimes and sovereignty. *Journal of Political Research*, 2021, 5(2): 3–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-2-3-18>
14. Блудян Н. О. Оценка и прогнозирование развития мирового рынка такси. *Проблемы прогнозирования*. 2021. № 4. С. 145–154. [Bludyan N. O. Assessment and forecasting development of the global taxi market. *Studies on Russian Economic Development*, 2021, (4): 145–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47711/0868-6351-187-145-154>
15. Катрашова Ю. В., Митяшин Г. Ю., Плотников В. А. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации. *Управленческое консультирование*. 2021. № 2. С. 100–109. [Katrashova Yu. V., Mityashin G. Yu., Plotnikov V. A. Social rating system as a form of state control over society: Prospects for implementation and development, threats to realization. *Administrative consulting*, 2021, (2): 100–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-2-100-109>
16. Плотников В. А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы. *Экономическое возрождение России*. 2020. № 2. С. 104–115. [Plotnikov V. A. Digitalization as a logical stage in the evolution of an economic system. *Economic Revival of Russia*, 2020, (2): 104–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/autmfu>
17. Ахметова А. И., Сизова И. Е., Травина Д. В., Швидкая А. А. Сервис такси в эпоху цифровизации на примере Яндекс.Такси. *XII Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам: симпозиум*. (Казань, 23–24 ноября 2023 г.) Казань: ООО «ИПК "Бриг"», 2023. С. 150–154. [Akhmetova A. I., Sizova I. E., Travina D. V., Shvidkaya A. A. Taxi service in the era of digitalization on the example of Yandex.Taxi. *XII International Youth Symposium on Management, Economics, and Finance: Proc. Symposium, Kazan, 23–24 Nov 2023*. Kazan: "ООО ИПК "Brig", 2023, 150–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hoqcpl>
18. Гладилина И. П., Погудаева М. Ю., Сергеева С. А. Экономические аспекты защиты информации в рамках концепции «цифровой след». *Финансовые рынки и банки*. 2022. № 10. С. 3–7. [Gladilina I. P., Pogudaeva M. Yu., Sergeeva S. A. Economic aspects of information security within the concept of "digital footprint". *Finansovye rynki i banki*, 2022, (10): 3–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zspalc>
19. Reijers W., Orgad L., De Filippi P. The rise of cybernetic citizenship. *Citizenship Studies*, 2022, 27(2): 210–229. <https://doi.org/10.1080/13621025.2022.2077567>
20. Патраков Э. В. Цифровая трансформация субъекта труда: социальные взаимодействия, концепции, перспективы исследования. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2021. Т. 27. № 2. С. 66–73. [Patrakov E. V. Digital transformation of the subject of labour: Social interactions, concepts, research perspectives. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2021, 27(2): 66–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kmrvvxb>
21. Рицу С., Мелипатаки Г., Мате Д. А. Концепция труда: от традиционных социально-трудовых представлений к современным эффектам цифровой трансформации. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т. 1. № 1. С. 175–190. [Riczu Z., Melypataki G., Mate D. A. Concepts of work: From traditional social-labor ideas to modern effects of digital transformation. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, 1(1): 175–190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.7>

22. Ковалева Н. Н., Жирнова Н. А. Система социального рейтинга (скоринга) как инструмент влияния на поведение человека. *Закон*. 2024. № 12. С. 188–196. [Kovaleva N. N., Zhirnova N. A. Social rating system (scoring) as a tool for influencing a human behavior. *Zakon*, 2024, (12): 188–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-12-188-196>
23. Fritz F., Moretti S., Staudacher J. Social ranking problems at the interplay between social choice theory and coalitional games. *Mathematics*, 2023, 11(24). <https://doi.org/10.3390/math11244905>
24. Го Х. Социальный рейтинг как система контроля общественной деятельности граждан в современном государстве: преимущества и противоречия. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2025. № 3. С. 26–31. [Guo H. Social rating as a system of control of social activity of citizens in a modern state: Advantages and contradictions. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2025, (3): 26–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lcmajf>
25. Сюн Ц., Чжэн С., Назаров Ю. В. Новые технологии, новое искусство, новая экология: Web3.0 художественные наблюдения в цифровую эпоху. *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С. Г. Строганова*. 2023. № 2-2. С. 309–322. [Xiong J., Zheng X., Nazarov Yu. V. New technologies, new art, new ecology: Web3.0 artistic observations in the digital age. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik RGHPU im. S. G. Stroganova*, 2023, (2-2): 309–322. (In Russ.)] https://doi.org/10.37485/1997-4663_2022_2_2_309_322

оригинальная статья

eLibrary EDN: KKFBSB

Продвижение никотинсодержащей продукции и устройств для ее потребления: анализ нарушений требований действующего законодательства

Дмитриева Наталья Владимировна

Филиал Российского государственного института сценических искусств в г. Кемерово, Сибирская Высшая школа музыкального и театрального искусства, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6436-9057

<https://orcid.org/0000-0002-8859-1671>

Завьялова Екатерина Андреевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7397-1104

<https://orcid.org/0000-0001-9543-8467>e_zavyalova@mail.ru

Тихонова Ольга Юрьевна

Кемеровский государственный медицинский университет

Минздрава России, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7347-0037

<https://orcid.org/0000-0001-6146-0965>

Аннотация: Подавляющее большинство россиян, имеющих привычку курения, предпочитают обычные сигареты, однако потребление электронных сигарет и вейпов в последние годы неуклонно растет, что вызывает беспокойство у населения и государства. Для защиты интересов и прав потребителей государством предпринимаются различные меры в форме запретов на продажу несовершеннолетним никотинсодержащей продукции, а также внедряются ограничения на ее продвижение и рекламу. Цель – проанализировать нарушения требований действующего законодательства при продвижении никотинсодержащей продукции и устройств для ее потребления. Задачи: 1) проанализировать динамику спроса на табачную и никотинсодержащую продукцию и устройства для ее потребления; 2) изучить нормативные ограничения продвижения данной продукции и устройств для ее потребления; 3) провести анализ и обзор практик правонарушений действующего законодательства в сфере продвижения никотинсодержащей продукции и вейпов, выделить наиболее частые приемы и способы обхода действующего законодательства Российской Федерации. В сентябре 2024 г. – феврале 2025 г. был проведен мониторинг рекламы 152 торговых организаций, осуществляющих реализацию никотинсодержащей продукции и средств для ее потребления. Проанализирована реклама никотинсодержащей продукции в Интернете (сайты компаний, страницы в социальных сетях, поисковые системы, сервисы информационно-справочных систем, в которых организации размещают фотографии торговых залов и помещений снаружи и изнутри); витрины; наружные конструкции (билборды, стелы, штендеры и пр.); полиграфические материалы (листовки, буклеты, плакаты). Также использовалась информация о ранее зафиксированных нарушениях при продвижении никотинсодержащей продукции, отраженных в решениях Федеральной антимонопольной службы за 2020–2024 гг. В результате выявлено, что нарушения в сфере рекламы никотинсодержащей продукции весьма разнообразны по структуре. При этом наиболее частые из них связаны с размещением продукции в торговых залах, рекламой средств индивидуализации, предоставлением недостоверной информации о преимуществах продукции, не соответствующей действительности.

Ключевые слова: исследование рынка, маркетинговые исследования, никотинсодержащая продукция, вейпы, табачная продукция, продвижение, ограничительные меры, регулирование, нарушения законодательства

Цитирование: Дмитриева Н. В., Тихонова О. Ю., Завьялова Е. А. Продвижение никотинсодержащей продукции и устройств для ее потребления: анализ нарушений требований действующего законодательства. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2026. Т. 11. № 1. С. 39–50. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-39-50>

Поступила в редакцию 30.07.2025. Принята после рецензирования 14.10.2025. Принята в печать 14.10.2025.

original article

Promotion of Tobacco and Nicotine Products and Delivery Systems: Breach of Legislation Analysis

Natalia V. Dmitrieva

Russian State Institute of Performing Arts, Kemerovo Branch, Siberian

Higher School of Music and Theater, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6436-9057

<https://orcid.org/0000-0002-8859-1671>

Ekaterina A. Zavyalova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7397-1104

<https://orcid.org/0000-0001-9543-8467>e_zavyalova@mail.ru

Olga Yu. Tikhonova

Kemerovo State Medical University of the Russian Ministry of Health,

Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7347-0037

<https://orcid.org/0000-0001-6146-0965>

Abstract: While most Russian smokers prefer conventional cigarettes, e-cigarettes and vapes are becoming more and more popular. This situation causes public and governmental concern. The law prohibits to sell tobacco and nicotine products to minors, as well restricts their promotion and advertising. This article describes violations of the current legislation in the promotion of tobacco and nicotine-containing products and delivery systems. The authors analyzed the dynamics of demand for tobacco and nicotine products and delivery systems and compared the regulatory restrictions with the actual advertising practices. As a result, they identified the most popular tools and ways to circumvent the legislation in this sphere. The analysis involved advertising used by 152 trade organizations that sold tobacco and nicotine products and delivery systems between September 2024 and February 2025. It covered storefronts, exterior structures (billboards, standers, etc.), printing materials (flyers, booklets, posters), and internet publications (company websites, social media accounts, search engines, information and reference system services where the organizations post their interior and exterior photos). The research also included reports on violations published by the Federal Antimonopoly Service in 2020–2024. Violations in the field of nicotine advertising proved to be highly diverse. The most common ones referred to product placing in sales halls, advertising of individualization tools, and providing false information about the advantages of nicotine products.

Keywords: market research, marketing research, nicotine-containing products, vapes, tobacco products, promotion, restrictive measures, regulation, violations of legislation

Citation: Dmitrieva N. V., Tikhonova O. Yu., Zavyalova E. A. Promotion of Tobacco and Nicotine Products and Delivery Systems: Breach of Legislation Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 39–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-39-50>

Received 30 Jul 2025. Accepted after review 14 Oct 2025. Accepted for publication 14 Oct 2025.

Введение

Реклама является одним из средств законной неценовой конкурентной борьбы. Она вызывает интерес потребителей к товарам и услугам конкретных производителей, выступая инструментом формирования привлекательного образа. Рекламе отводится очень значимое место в маркетинге и экономике в целом, поскольку она помогает запускать многие процессы более эффективно. Например, за счет информирования покупателей и формирования спроса на продукцию предприятия, реклама способна быть драйвером увеличения объемов

производства. При развитии предприятий и выходе их на федеральный рынок усиливается уровень конкуренции, что, в свою очередь, является сдерживающим фактором при установлении ценовой политики на предприятии. Кроме того, за счет рекламодателей осуществляется косвенное финансирование средств массовой информации, что существенно поддерживает эффективность их деятельности. И, наконец, реклама способствует увеличению потребления и стимулированию потребителей к расходам, что, в свою очередь, оказывает положительное влияние

на уровень занятости населения, формируя для этого благоприятные условия [1–6].

Однако в любой экономике существуют так называемые *демериторные товары и услуги* (в том числе аддиктивные, т. е. вызывающие привыкание), противоречащие социальным установкам общества и препятствующие его развитию, спрос на которые государство стремится сократить [7–10]. Ряд подобных товаров / услуг в принципе являются запрещенными: производство, сбыт или пересылка, например, наркотиков, ядов, человеческих органов, тканей и пр. относятся к противозаконной деятельности. Другие товары / услуги разрешены, но при этом государство максимально ограничивает их продвижение (услуги по прерыванию беременности, алкоголь, табачная продукция и др.) [11–14]. К таким товарам с 2020 г. относится и никотинсодержащая продукция, курительные принадлежности, в том числе трубки, сигаретная бумага, зажигалки, а также устройства для потребления никотинсодержащей продукции и кальяны.

Условия производства и реализации никотинсодержащей продукции достаточно ужесточены по сравнению с остальными продовольственными товарами как в отношении безопасности, так и в отношении других показателей качества [14]. При этом спектр таких показателей очень объемный. Однако, по нашему мнению, наибольшую значимость для потребителя будет иметь *маркировка* (информационный показатель качества), т. к. она способна не просто проинформировать потребителя о составе продукта, но и предупредить его о возможной опасности его употребления. В отличие от остальных показателей качества продукции, маркировка всегда доступна для изучения и способна повлиять на выбор потребителя [15].

Безусловно, маркировка не является средством рекламы, однако многие производители используют ее в качестве инструмента продвижения, поэтому нормативные документы предъявляют повышенные требования к информации, вынесенной на упаковку или этикетку никотинсодержащих товаров, которая отражается в таких показателях, как соответствующее информационное содержание, контрастность фона и основного шрифта, размер шрифта и т. д. Кроме того, проведенные маркетинговые исследования показали, что потребители

регулярно сталкиваются с проблемами в сфере маркировки [16].

С целью защиты потребителей государством также принимаются определенные меры по регулированию рекламы никотинсодержащих товаров, приняты федеральные законы и иные нормативные акты в этой сфере, прежде всего законы «О рекламе», «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», «О средствах массовой информации», «О защите прав потребителей»¹ и др. Соблюдение этих законов контролирует Федеральная антимонопольная служба (ФАС России), Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека [17].

Тем не менее за последние несколько лет доля никотинзависимых россиян, курящих вейпы, увеличилась почти в три раза. Это следует из результатов опроса, проведенного сервисом по поиску работы SuperJob. В исследовании приняли участие представители 500 компаний и 2500 экономически активных россиян. 21 % респондентов используют только электронные испарители, тогда как 16 % курят и вейпы, и обычные сигареты. В 2019 г. таких людей было меньше – 8 и 12 % соответственно². Возможно, большое влияние на это оказала реклама устройств для потребления никотинсодержащей продукции, ограничения на которую, в отличие от рекламы табака, были введены относительно недавно.

Цель – проанализировать нарушения требований действующего законодательства при продвижении никотинсодержащей продукции и устройств для ее потребления. Задачи:

1) проанализировать динамику спроса на табачную и никотинсодержащую продукцию и устройства для ее потребления;

2) изучить нормативные ограничения продвижения данной продукции и устройств для ее потребления;

3) провести анализ и обзор практик правонарушений действующего законодательства в сфере продвижения никотинсодержащей продукции и вейпов, выделить наиболее частые приемы и способы обхода действующего законодательства РФ.

¹ О рекламе. ФЗ № 38-ФЗ от 13.03.2006; Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции. ФЗ № 15-ФЗ от 23.02.2013; О средствах массовой информации. Закон РФ № 2124-1 от 27.12.1991 (ред. от 23.07.2025); О защите прав потребителей. Закон РФ № 2300-1 от 07.02.1992 (ред. от 07.07.2025). СПС КонсультантПлюс.

² Курильщики вейпов в России стало в три раза больше. РБК. 27.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6513cfa69a794715e1bd11cd> (дата обращения: 06.01.2025).

Методы и материалы

Сбор первичной информации, необходимой для проведения анализа правонарушений в сфере продвижения никотинсодержащей продукции и средств для ее потребления, проводился в сентябре 2024 г. – феврале 2025 г. с помощью мониторинга соответствующей рекламы в торговых точках ($n = 152^3$). Мониторинг рекламы никотинсодержащей продукции включал анализ интернет-ресурсов (сайты компаний, страницы в социальных сетях, поисковые системы, сервисы информационно-справочных систем, в которых организации размещают фотографии торговых залов и помещений снаружи и изнутри); витрин; наружных конструкций (билборды, стелы, штендеры и пр.); полиграфических материалов (листовки, буклеты, плакаты). Также использовалась информация о ранее зафиксированных нарушениях при продвижении никотинсодержащей продукции, отраженных в решениях ФАС за 2020–2024 гг.

Информационной базой для проведения непосредственного анализа нарушений стали нормативные правовые документы, в частности ФЗ «О рекламе», «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», законы РФ «О средствах массовой информации» и «О защите прав потребителей», а также Гражданский кодекс РФ (ГК РФ). Используемый метод исследования – регистрационный. По результатам исследования сформирована база наиболее распространенных нарушений в сфере продвижения никотинсодержащей продукции и устройств для ее потребления.

Результаты

Научное сообщество до сих пор дискутирует по поводу степени вредности вейпов, отличающей их от обычного курения сигарет и табака [18; 19]. Наличие вреда для организма при употреблении любой из перечисленных видов никотинсодержащей продукции безусловно, однако, если в ситуации с обычным курением последствия для здоровья человека хорошо известны и изучены, то в отношении вейпов информация достаточно ограничена. Тем не менее специалисты уже сейчас указывают на преимущество молодежи к курению

именно таким способом [20–22]. Несмотря на то что вейпы представляют отличный от традиционного способ курения и не содержат продуктов горения, составы жидкостей для их заправки и сам процесс парообразования вызывают у ученых большие вопросы. Кроме того, жидкости для заправки вейпов имеют в составе много токсичных веществ, а происхождение отдельных из них до сих пор четко не установлено⁴.

Также медики отмечают такие последствия от использования вейпов, как нарушение выработки гормонов щитовидной железы, работы сердца и мозга, расстройство половой системы, серьезные проявления аллергических реакций и т.д. Отмечается, что даже если вейп не содержит никотина, он может быть опасен для организма человека, особенно в подростковом возрасте⁵ [23–25].

По данным исследования холдинга «Ромир», в 2025 г. 87 % опрошенных россиян употребляют обычные сигареты, при этом 18 % из них уже отдали предпочтение альтернативным электронным устройствам. Помимо этого, были выявлены различия в выборе способов курения, связанные с:

- *типом населенного пункта.* Сигареты наиболее распространены среди жителей городов-миллионников и сельской местности. При этом использование вейпов отмечается у 2 % респондентов в городах-миллионниках и у 11 % в городах с населением от 100 до 500 тыс. человек. Сигариллы же чаще используют жители городов с населением от 100 до 500 тыс. человек.
- *возрастом.* Так, сигареты используют 100 % респондентов в возрасте 55 лет и старше и 94 % в возрасте 45–54 лет. Среди респондентов 18–24 лет 69 % отдают предпочтение электронным сигаретам, а 40 % – вейпам. Кальяны используют 11 % респондентов в возрасте 25–34 лет. Сигариллы наименее популярны среди молодежи 18–24 лет.
- *семейным положением.* Сигареты чаще используют женатые или замужние респонденты, электронные сигареты и вейпы – неженатые или незамужние.
- *уровнем образования.* Так, повышенную частоту курения чаще отмечают люди со средним образованием и средним специальным. Респонденты

³ При этом взята сплошная выборка областных центров и торговых организаций, представивших свои информационные материалы.

⁴ Что такое вейпы и насколько они опасны для здоровья: почему в России хотят ограничить использование вейпов? *LENTA.RU*. 08.09.2022. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/09/09/vaping/> (дата обращения: 06.01.2025).

⁵ Дым без огня, или культура курения в России. *ВЦИОМ*. 12.08.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dym-bez-ognja-ili-kultura-kurenija-v-rossii> (дата обращения: 06.01.2025).

с высшим образованием (91 %) не наблюдают изменений в частоте потребления никотина⁶.

При этом причины употребления никотинсодержащей продукции, согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения, самые различные. По словам опрошенных, к курению их подтолкнули друзья (*из-за курящих друзей* – 55 %), интерес (29 %) и стресс (25 %). Кроме того, отмечается и такая причина потребления никотинсодержащей продукции, в частности вейпов, как способ отказа от курения обычных сигарет (40 %)⁷.

В последние годы наблюдается неуклонный рост потребления электронных сигарет и вейпов⁸: в 2023 г. доля потребителей вейпов и систем нагревания табака достигла 17,5 %, т.е. 4,5 млн пользователей электронных устройств для курения. Таким образом, данный показатель за 2023 г. вырос почти на 4 %, а за пять лет – в 46 раз⁹.

Правительства практически всех развитых стран мира ограничивают продвижение никотинсодержащей продукции [5]. Если говорить о России, то первые ограничения продвижения табачных изделий появились в 1995 г. с принятием ФЗ «О рекламе». Затем в него вносилось множество поправок, и в итоге данный закон был заново принят в 2006 г.¹⁰ В 2013 г. появился ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции». В 2019 г. Правительством РФ был утвержден системообразующий документ в сфере борьбы с табакокурением – «Концепция осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в Российской Федерации на период до 2035 года и дальнейшую перспективу», подразумевающий введение масштабных мер по снижению употребления табака в России на душу населения.

Последний нормативный правовой акт в сфере ограничения вейпинга – ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹. Документ ввел окончательные

ограничения не только на продажу, но и на продвижение устройств для вейпинга. Под такими устройствами закон понимает любые электронные и иные приборы, которые используются для получения никотинсодержащего или безникотинового аэрозоля и пара, вдыхаемых потребителем, в том числе электронные системы доставки никотина и устройства для нагревания табака, а также их составные части и элементы. К ним, в частности, относят электронные сигареты (вейпы), моды, испарители и т.д.

С 1 июня 2023 г. под ограничения также попали следующие способы розничной торговли устройствами для потребления никотинсодержащей продукции: ярмарочная торговля; выставочная торговля; развозная и разносная торговля; дистанционные продажи; использование вендинга¹². Розничная торговля устройствами для потребления никотинсодержащей продукции разрешена только в стационарных специализированных магазинах или павильонах. Размещение такой продукции осуществляется на специализированном оборудовании с указанием цены, использование графических изображений или рисунков на ценниках запрещено. Презентация устройств должна осуществляться только по требованию покупателя внутри помещения после ознакомления с ассортиментом.

С момента публикации ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был введен запрет на рекламу устройств, а также аксессуаров для вейпинга. Сегодня в рекламе не допускается демонстрировать процесс курения табака обычным способом и с помощью электронных устройств. Введены специальные меры, защищающие детей от информации о любом способе курения, включая вейпинг. Так, не допускается упоминание и тем более демонстрация вейпов или электронных сигарет в детских фильмах или мультфильмах, исключая те случаи, когда за картинкой последует осуждение и напоминание об опасности такой продукции для организма. Упоминание вейпов в детской продукции также запрещено. Кроме этого, введены

⁶ «Ромир»: 87 % курящих россиян предпочитают обычные сигареты. ТАСС. 11.07.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24488281> (дата обращения: 15.07.2025).

⁷ «Социально нежелательная продукция»: почему нужно ограничивать потребление вейпов. HSEdaily. 05.10.2023. URL: <https://daily.hse.ru/post/socialno-nezhelatel'naya-produkciya-pochemu-nuzhno-ogranichivat-potreblenie-veypov?ysclid=m2q8obse43576963289> (дата обращения: 06.01.2025).

⁸ Курильщики вейпов в России стало в три раза больше...

⁹ Радио «Ъ FM». Дым затягивает россиян. Как и почему вырос спрос на электронные сигареты. Коммерсантъ. 19.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6580184> (дата обращения: 06.01.2025).

¹⁰ Вступили в силу поправки, регулирующие продажу и рекламу никотинсодержащей продукции. ФАС России. 05.02.2021. URL: <https://fas.gov.ru/news/31109> (дата обращения: 06.01.2025).

¹¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. ФЗ № 178-ФЗ от 28.04.2023. СПС КонсультантПлюс.

¹² Одинцова Е. Вейпы и айкосы окончательно сравняли с сигаретами: главные новшества для курильщиков с 28 января 2021 года. Комсомольская правда. 28.01.2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/27232/4359147/> (дата обращения: 06.01.2025).

ограничения в маркетинговой политике предприятий, реализующих продукцию для вейпинга, например, установлен запрет на использование скидочных мотивирующих инструментов к покупке, на применение бонусов или купонов.

Таким образом, продвижение никотинсодержащей продукции может реализовываться практически единственным способом – с помощью вывески, предназначенной доводить до неопределенного круга лиц сведения о том, чем занимается компания. Важно понимать, что при продаже табака или вейпов разрешается размещать вывеску с соответствующей надписью (*Табак / Вейпы*), т. к. это информирование, а не стимуляция к покупке или реклама. При этом не разрешено использовать изображения сигарет, логотипов и торговых марок никотинсодержащей продукции, поскольку это уже будет являться рекламой и прямым призывом к действию.

Для анализа исполнения требований нормативных правовых актов к процессу продвижения никотинсодержащей продукции авторами было проведено исследование в сентябре 2024 г. – феврале 2025 г. Полученные в его ходе результаты позволили выявить 15 организаций, допускающих нарушения

законодательства в сфере рекламы (некоторые организации допускают сразу несколько типов нарушений), которые отражены в таблице.

Типы нарушений можно классифицировать следующим образом: *реклама средств индивидуализации продавцов* – размещение названий и логотипов магазинов на витринах, штендерах, фасадах и других носителях (9 случаев); *использование графических изображений и рисунков* (8); *демонстрация никотинсодержащей продукции на витрине* (2); *недостовверная реклама* – указание на необоснованное превосходство в ассортименте (2); *реклама средств индивидуализации производителей никотинсодержащей продукции* (1); *нарушение авторских прав* – использование героев мультфильмов (1); *использование запрещенной рекламной конструкции* – штендер на улице (1); *использование скидочных и промокодов* (1).

Следует отметить, что в 2025 г. были введены дополнительные ограничения, касающиеся оборота никотинсодержащей продукции. Так, с сентября 2025 г. производители данной продукции в маркировке обязаны указывать точную массу бестабачной смеси – данная мера направлена на усиление контроля и прозрачности информации о товаре.

Табл. Нарушения законодательства в сфере рекламы

Tab. Breach of legislation in advertising

Организация	Средство рекламы	Содержание обращения	Описание нарушения
Vape zone, Санкт-Петербург	Витрина	Слова <i>табак, vape, 24 часа в сутки</i> ; перечень товарных групп; изображение руки, сжимающей вейп	<ul style="list-style-type: none"> не реализуется требование ст. 19 ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», в соответствии с которым при размещении никотинсодержащей продукции в торговых залах не могут использоваться никакие украшения, рисунки или графические изображения, позиционирующие и продвигающие данные товары – только упоминание в перечне с указанием цены
Vape shop "PGVG", Новосибирск	Витрина	Персонаж в сомбреро, сжимающий вейп в руке; надпись <i>Hola, amigo</i>	
Smoking Shop, Кемерово	Витрина	Изображения кальянов, вейпов, электронных сигарет	
MR. SMOKE, Кемерово	Дверь	Изображение кальяна; логотип и название магазина	<ul style="list-style-type: none"> не реализуется требование ст. 19 ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», в соответствии с которым при размещении никотинсодержащей продукции в торговых залах не могут использоваться никакие украшения, рисунки или графические изображения, позиционирующие и продвигающие данные товары – только упоминание в перечне с указанием цены; не реализуется требование п. 4 ст. 2 ФЗ «О рекламе» в отношении запрета рекламы, позволяющей позиционировать и индивидуализировать продавцов никотинсодержащей продукции (товарные знаки, логотипы и т. д.) в местах продаж
Vape shop «Выдохай», Москва	Панель-кронштейн, фасад здания	Логотип магазина с изображением животного, выдыхающего пары никотинсодержащей продукции; перечень товарных групп	

Организация	Средство рекламы	Содержание обращения	Описание нарушения
Smoking Shop, Кемерово	Штендер в торговом центре	Логотип магазина; перечень товарных групп	<ul style="list-style-type: none"> не реализуется требование п. 4 ст. 2 ФЗ «О рекламе» в отношении запрета рекламы, позволяющей позиционировать и индивидуализировать продавцов никотинсодержащей продукции (товарные знаки, логотипы и т. д.) в местах продаж
Paradox Vape, Саратов	Витрина	Логотип магазина; название товара	
Big VapeClub, Омск	Витрина	Логотип магазина; перечень товарных групп	
Вейпер шоп, Саратов	Витрина	Логотип магазина; перечень товарных групп	
Parovoz, Новосибирск	Витрина	Логотип магазина; перечень товарных групп; демонстрация кальянов	<ul style="list-style-type: none"> не реализуется требование п. 4 ст. 2 ФЗ «О рекламе» в отношении запрета рекламы, позволяющей позиционировать и индивидуализировать продавцов никотинсодержащей продукции (товарные знаки, логотипы и т. д.) в местах продаж; не реализуется требование ст. 19 ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» в отношении запрета на демонстрацию никотинсодержащей продукции, включая средства для ее потребления в торговом объекте без соответствующего запроса со стороны покупателя, после ознакомления с ассортиментом и отпускными ценами на товары
New Tobacco, Омск	Баннер под вывеской	Изображение конкретной брендированной никотинсодержащей продукции	<ul style="list-style-type: none"> не реализуется требование п. 8 ст. 2 ФЗ «О рекламе» в отношении запрета на рекламу табака и табачной продукции, а также никотинсодержащей продукции и средств для ее употребления (включая зажигалки, трубки, кальяны, вейпы, сигаретную бумагу и т. д.)
Vapor Shop, Барнаул	Витрина	Демонстрация продукции на витрине	<ul style="list-style-type: none"> не реализуется требование ст. 19 ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» в отношении запрета на демонстрацию никотинсодержащей продукции, включая средства для ее потребления в торговом объекте без соответствующего запроса со стороны покупателя, после ознакомления с ассортиментом и отпускными ценами на товары
Табачный рай, Можайск	Витрина	Перечень продукции; фраза <i>самый лучший ассортимент в городе</i> ; логотип магазина с трубкой и табачными листьями	<ul style="list-style-type: none"> не реализуется требование ст. 19 ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», в соответствии с которым при размещении никотинсодержащей продукции в торговых залах не могут использоваться никакие украшения, рисунки или графические изображения, позиционирующие и продвигающие данные товары – только упоминание в перечне с указанием цены; не реализуется требование п. 4 ст. 2 ФЗ «О рекламе» в отношении запрета рекламы, позволяющей позиционировать и индивидуализировать продавцов никотинсодержащей продукции (товарные знаки, логотипы и т. д.) в местах продаж; не реализуется требование п. 3 ст. 5 ФЗ «О рекламе», запрещающее недостоверную рекламу, содержащую искаженную информацию о положительных качествах и преимуществах никотинсодержащей продукции, не соответствующую действительности

Организация	Средство рекламы	Содержание обращения	Описание нарушения
Da.bro, Кемерово	Штендер	Перечисление видов продукции; название магазина; герои популярных американских мультфильмов с вейпами	<ul style="list-style-type: none"> не реализуется требование ст. 19 ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», в соответствии с которым при размещении никотинсодержащей продукции в торговых залах не могут использоваться никакие украшения, рисунки или графические изображения, позиционирующие и продвигающие данные товары – только упоминание в перечне с указанием цены; не реализуется требование п. 4 ст. 2 ФЗ «О рекламе» в отношении запрета рекламы, позволяющей позиционировать и индивидуализировать продавцов никотинсодержащей продукции (товарные знаки, логотипы и т. д.) в местах продаж; не реализуется требование ст. 1229 ГК РФ, запрещающее иным лицам без соответствующего согласия правообладателя использовать результаты его интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации; не реализуется требование Решения Кемеровского городского Совета народных депутатов № 91 от 27.10.2017¹³ в отношении запрета размещения информационных средств в форме отдельно стоящих сборно-разборных конструкций
Таб-Таб, Сочи	Купон, группа в социальной сети ВКонтакте	Предложение скидки путем предъявления купона или промокода; фраза <i>самый большой в городе ассортимент</i>	<ul style="list-style-type: none"> не реализуется требование ст. 19 ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», в соответствии с которым при размещении никотинсодержащей продукции в торговых залах не могут использоваться никакие украшения, рисунки или графические изображения, позиционирующие и продвигающие данные товары – только упоминание в перечне с указанием цены; не реализуется требование п. 4 ст. 2 ФЗ «О рекламе» в отношении запрета рекламы, позволяющей позиционировать и индивидуализировать продавцов никотинсодержащей продукции (товарные знаки, логотипы и т. д.) в местах продаж; не реализуется требование ст. 16 ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» в отношении запрета на использование любых маркетинговых инструментов, ориентированных на стимулирование к покупке (акции, скидки, талоны, купоны и т. д.) никотинсодержащей продукции и средств для ее употребления; не реализуется требование п. 3 ст. 5 ФЗ «О рекламе» в отношении запрета на предоставление недостоверной или искаженной информации о преимуществах рекламируемого товара перед аналогичными товарами конкурентов (в рамках как производства, так и сбыта)

¹³ О Правилах благоустройства территории города Кемерово. Решение Кемеровского городского Совета народных депутатов № 91 от 27.10.2017 (с изм. на 29.11.2024). *СПС Кодекс*.

С марта 2026 г. в рамках борьбы с демпинговыми ценами на никотинсодержащую продукцию планируется установить запрет на реализацию товаров данной группы дешевле минимальных цен, установленных Министерством сельского хозяйства РФ¹⁴. Кроме того, были увеличены административные штрафы за продажу никотинсодержащей продукции несовершеннолетним, причем за неоднократную продажу введена уголовная мера наказания¹⁵.

Таким образом, самыми распространенными нарушениями являются *реклама средств индивидуализации продавцов и использование изображений и рисунков*. Большая часть нарушений была выявлена с помощью поисковых систем и картографических сервисов (2GIS, Яндекс-карты и пр.). Возможно, часть изображений в них уже устарела и в настоящее время витрины некоторых магазинов выглядят иначе, но данная информация до сих пор размещена в общем доступе, следовательно, она нарушает законы.

Продавцам никотинсодержащей продукции можно рекомендовать подробное изучение нормативных правовых актов с целью защиты населения от вредных последствий потребления никотинсодержащей продукции и защиты себя от штрафов. Помимо этого, им следует учитывать введенные требования к дополнительной информации в маркировке в отношении ее состава, а также размещать информацию о составе никотинсодержащей продукции с использованием максимально возможного размера шрифта (1 мм), в соответствии с нормативными правовыми актами [26].

Заключение

На сегодняшний день вред от потребления табака не вызывает сомнений, однако появление на рынке вейпов, кальянов и иных средств курения сформировало в обществе заблуждение, что этот процесс может быть безопасным. Обсуждение негативных последствий потребления никотинсодержащей продукции в последнее время становится все более актуальным среди ученых, медиков и государственных деятелей, т. к. касается непосредственно потребителей детского и подросткового возрастов (в преимущественном влиянии). В качестве отрицательного аспекта можно отметить определенную степень

неизвестности о последствиях потребления данной продукции, а также недостаточный объем просветительных мероприятий среди молодежи.

Сохранение здоровья нации является одной из приоритетных задач государственной политики, в связи с чем все введенные ограничения в отношении никотинсодержащей продукции, а также электронных устройств для вейпинга абсолютно обоснованы. Ограничение продвижения никотинсодержащей продукции в местах продаж может способствовать сокращению ее потребления населением, особенно молодежью и подростками. Нарушения в сфере рекламы никотинсодержащей продукции весьма разнообразны по структуре. При этом наиболее частые из них связаны с размещением продукции в торговых залах, рекламой средств индивидуализации, предоставлением недостоверной информации о преимуществах продукции, не соответствующей действительности. Незаконное использование средств рекламы в отношении никотинсодержащей продукции может привести к соответствующим санкциям, что будет иметь негативные последствия для реализации дальнейшей торговой деятельности продавцов продукции для вейпинга.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Н. В. Дмитриева – научное руководство проектом, сбор и анализ статистических данных, написание статьи. О. Ю. Тихонова – концептуализация, формирование методологии исследования, написание статьи. Е. А. Завьялова – научное редактирование текста, написание статьи.

Contribution: N. V. Dmitrieva supervised the project, collected and analyzed the statistical data, and wrote the manuscript. O. Yu. Tikhonova developed the research concept, designed the methodology, and wrote the manuscript. E. A. Zavyalova wrote and proofread the manuscript.

¹⁴ Морозов О. Никотиновая иллюзия. Опыт запрета, который породил рынок без правил. *LENTA.RU*. 17.06.2025. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/06/17/nikotinovaya-illyuziya/?ysclid=mdh3gebttj495104972> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁵ Либерман Т. Табачный бизнес в России-2025: кто не закроется сам, того закроют. *vc.ru*. 07.04.2025. URL: <https://vc.ru/offline/1911206-tabachnyu-biznes-v-rossii-2025> (дата обращения: 20.07.2025).

Литература / References

1. Фленкина Е. С., Васильева О. А. Роль и значение рекламы в экономике. *Проблемы и перспективы инновационного развития мирового сельского хозяйства*: IX Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 16–18 ноября 2023 г.) Саратов: Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии им. Н. И. Вавилова, 2023. С. 198–203. [Flenkina E. S., Vasilyeva O. A. The role of advertising in the economy. *Problems and prospects of innovative development of world agriculture*: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf., Saratov, 16–18 May 2023. Saratov: Saratov State University of Genetics Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, 2023, 198–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bnqylv>
2. Краснов С. В. Реклама и ее роль в современном обществе массового потребления. *Наука XXI века: актуальные направления развития*. 2016. № 2-2. С. 43–45. [Krasnov S. V. Advertising and its role in modern society of mass consumption. *Nauka XXI veka: Aktualnye napravleniya razvitiya*, 2016, (2-2): 43–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xiegr>
3. Ежакова Н. В., Аказова Н. Н. Роль рекламы как креативной индустрии в развитии экономики. *Актуальные исследования*. 2022. № 47. С. 85–87. [Ezhakova N. V., Akazova N. N. The role of advertising as a creative industry in the development of the economy. *Current Research*, 2022, (47): 85–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kebtgk>
4. Семенькова А. А. Функции рекламы в современном обществе. *XXXV Международные Плехановские чтения*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–24 марта 2022 г.) М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2022. Т. 2. С. 225–228. [Semenkova A. A. The functions of advertising in modern society. *XXXV International Plekhanov Readings*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 22–24 Mar 2022. Moscow: PRUE, 2022, vol. 2, 225–228. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ofrney>
5. Кикоть Н. А. Сущность и функции рекламы. *Энигма*. 2022. № 43. С. 17–20. [Kikot N. A. The essence and functions of advertising. *Enigma*, 2022, (43): 17–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nuxihg>
6. Игнатьев В. М., Гежина Д. А., Шум В. А. Реклама: функции, принципы и виды. *Экономика и социум*. 2015. № 2-2. С. 637–644. [Ignatev V. M., Gezhina D. A., Shum V. A. Advertising: Functions, principles, and types. *Ekonomika i socium*, 2015, (2-2): 637–644. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/unyjud>
7. Федорова Н. И., Ходачек В. М. Вопросы обоснования государственной политики регулирования производства и потребления социально опасных товаров и услуг. *Управленческое консультирование*. 2021. № 4. С. 105–114. [Fedorova N. I., Khodachek V. M. Questions of justification of state policy regulation of production and consumption of socially dangerous goods and services. *Administrative Consulting*, 2021, (4): 105–114. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-105-114>
8. Скоков Р. Ю. Экономическая теория рынков аддиктивных товаров. Волгоград: ВолГУ, 2019. 484 с. [Skokov R. Yu. *Economic theory of addictive goods markets*. Volgograd: VolSU, 2019, 484. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ricuya>
9. Скоков Р. Ю., Попова Л. В. Особенности экономического поведения потребителей аддиктивных товаров. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 11. С. 102–110. [Skokov R. Yu., Popova L. V. Peculiarities of economic behavior of consumers of addictive goods. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (11): 102–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwmfhh>
10. Скоков Р. Ю. Модель механизма институционального регулирования рынков аддиктивных товаров. *Журнал экономической теории*. 2019. Т. 16. № 2. С. 279–292. [Skokov R. Yu. Model of the mechanism of institutional regulation of addictive goods markets. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 2019, 16(2): 279–292. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-2.9>
11. Данченко Л. А., Пичугина Е. Г. Социально-опасные товары: классификация и инструменты контрмаркетинга. *Модель менеджмента для экономики, основанной на знаниях*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15–17 мая 2013 г.) М.: МЭСИ, 2013. Т. II. С. 7–11. [Danchenok L. A., Pichugina E. G. Socially dangerous goods: Classification and counter-marketing tools. *A management model for a knowledge-based economy*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 15–17 May 2013. Moscow: MESI, 2013, vol. II, 7–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/soeych>
12. Скоков Р. Ю. Сценарный подход в государственном регулировании рынков аддиктивных благ. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2015. № 4. С. 18–27. [Skokov R. Yu. The scenario approach in the state regulation of addictive goods market. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya*, 2015, (4): 18–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2015.4.2>

13. Скоков Р. Ю. Эволюция теории и практики государственного регулирования рынков аддиктивных благ. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2016. № 1. С. 7–18. [Skokov R. Yu. The evolution of the theory and practice of state regulation of addictive goods markets. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya*, 2016, (1): 7–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2016.1.1>
14. Филатов В. В., Артемьев Н. В., Новиков А. В., Григорьев В. А. Идентификация, выявление фальсификации и противодействие незаконному обороту табачных изделий в условиях ЕАЭС. *Журнал прикладных исследований*. 2023. № 12. С. 97–106. [Filatov V. V., Artemyev N. V., Novikov A. V., Grigoriev V. A. Identification, detection of falsification and countering illicit trafficking of tobacco products in the EAEU. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy*, 2023, (12): 97–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/viqiyu>
15. Тихонова О. Ю., Котова Т. В. Маркировка пищевой продукции, как фактор обоснованного выбора. *Актуальные проблемы науки и техники: II Междунар. конкурс науч.-исслед. работ (Уфа, 20 сентября 2020 г.)* Уфа: НИЦ «Вестник науки», 2020. С. 20–29. [Tikhonova O. Yu., Kotova T. V. Labeling of food products as a factor of informed choice. *Current issues of science and technology: Proc. II International Competition of Research Works, Ufa, 20 Sep 2020*. Moscow: NIC "Vestnik nauki", 2020, 20–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsvsnd>
16. Тихонова О. Ю., Дмитриева Н. В., Котова Т. В., Фролова Т. В., Грузин А. А. Маркетинговое исследование контрастности маркировки пищевой продукции. *Технология и товароведение инновационных пищевых продуктов*. 2023. № 6. С. 56–62. [Tikhonova O. Yu., Dmitrieva N. V., Kotova T. V., Frolova T. V., Gruzin A. A. Marketing research of food labeling contrast. *Tekhnologiya i tovarovedenie innovatsionnykh pishchevykh produktov*, 2023, (6): 56–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/butodz>
17. Тятенко А. К., Катаев А. С., Копылова М. И., Савина С. Д., Агаева Р. Р., Моисеева Е. В., Ивкова Е. А., Тютюнников М. С. Анализ российского рынка табака. *Актуальные вопросы отраслевых рынков и международной коммерции*. 2022. № 2. [Tyatenko A. K., Kataev A. S., Kopylova M. I., Savina S. D., Agaeva R. R., Moiseeva E. V., Ivkova E. A., Tyutyunnikov M. S. Analysis of the Russian tobacco market. *Aktualnye voprosy otraslevykh rynkov i mezhdunarodnoy kommercii*, 2022, (2). (In Russ.)]
18. Макарова И. А., Акатова Е. В., Николин О. П., Иванова О. С. Вейпинг – вредная привычка или субкультура. *Наркология*. 2024. Т. 23. № 2. С. 60–78. [Makarova I. A., Akatova E. V., Nikolin O. P., Ivanova O. S. Vaping is a bad habit or subculture. *Narkologiya*, 2024, 23(2): 60–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nnriog>
19. Скрипкина Н. В., Чувинова И. В., Белова В. В. Вейпинг – опасность XXI века. *Тамбовский медицинский журнал*. 2025. Т. 7. № 2. С. 85–93. [Skripkina N. V., Chuvinova I. V., Belova V. V. Vaping – the danger of the 21st century. *Tambov Medical Journal*, 2025, 7(2): 85–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/2782-5019-2025-7-2-85-93>
20. Боярчук О. Р., Косовская В. А., Косовская Т. М., Гариян Т. В., Добровольская Л. И. Результаты опроса школьников-подростков о вейпинге. *Профилактическая медицина*. 2021. Т. 24. № 4. С. 30–36. [Boyarchuk O. R., Kosovskaya V. A., Kosovskaya T. M., Garian T. V., Dobrovolskaya L. I. Survey results of teenage-pupils about vaping. *Russian Journal of Preventive Medicine*, 2021, (4): 30–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17116/profmed20212404130>
21. Ишбулдина А. В., Вахитов Х. М., Гайчик Е. А. Влияние вейп-курения на здоровье детей и подростков. *Российский вестник перинатологии и педиатрии*. 2024. Т. 69. № 5. С. 22–28. [Ishbuldina A. V., Vakhitov Kh. M., Gaichik E. A. The impact of vaping on the health of children and adolescents. *Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics*, 2024, 69(5): 22–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2024-69-5-22-28>
22. Якубов М. Х., Поздеева Е. А. Вейпинг и его влияние на физическую активность студентов вуза. *Культура физическая и здоровье*. 2024. № 4. С. 524–527. [Yakubov M. Kh., Pozdeeva E. A. Vaping and its impact on physical activity of university students. *Physical Culture and Health*, 2024, (4): 524–527. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fhlopn>
23. Шаломова Е. В., Коровайцева М. П. Вредное воздействие вейпов на организм несовершеннолетних. *Глобальный научный потенциал*. 2025. № 1. С. 64–66. [Shalomova E. V., Korovaitseva M. P. Harmful effects of vapes on the body of minors. *Global Scientific Potential*, 2025, (1): 64–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tairbt>
24. Оксюзян А. В., Дубинин О. А., Халиуллина К. Р. Травматическое и токсическое действие электронных испарителей на организм человека. *Modern Science*. 2021. № 2-1. С. 235–237. [Oksuzuyan A. V., Dubinin O. A.,

- Haliullina K. R. Traumatic and toxic effects of electronic vaporizers on the human body. *Modern Science*, 2021, (2-1): 235–237. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/glnnfn>
25. Авакян Г. А. Анализ правовых механизмов в формировании экономической среды табачного рынка Российской Федерации. *Вестник евразийской науки*. 2024. Т. 16. № S3. [Avakian G. A. Analysis of legal mechanisms in shaping the economic environment of the tobacco market in the Russian Federation. *The Eurasian Scientific Journal*, 2024, 16(S3). (In Russ.)] URL: <https://esj.today/PDF/32FAVN324.pdf> (дата обращения: 20.07.2025). <https://elibrary.ru/umvfgv>
26. Тихонова О. Ю., Берсенов И. И., Котова Т. В., Фролова Т. В., Дмитриева Н. В., Грузин А. А. На пути к разработке шаблонов для определения контрастности маркировки пищевой продукции. *Пищевая промышленность*. 2023. № 8. С. 41–45. [Tikhonova O. Yu., Bersenev I. I., Kotova T. V., Frolova T. V., Dmitrieva N. V., Gruzin A. A. Towards the development of templates for determining the contrast of food labeling. *Food Industry*, 2023, (8): 41–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52653/PPI.2023.8.8.008>

оригинальная статья

eLibrary EDN: KYVFAO

Социализация технологий Индустрии 5.0: исследование международного опыта

Московцева Лариса Владимировна

Липецкий филиал РАНХиГС, Россия, Липецк

eLibrary Author SPIN: 6848-3556

<https://orcid.org/0000-0002-3161-6700>

mlvl80@mail.ru

Гатина Эльвира Арслановна

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Россия, Казань

eLibrary Author SPIN: 5331-1760

<https://orcid.org/0000-0001-6512-2576>

Языкова Светлана Владимировна

Московский университет «Синергия», Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 7564-5190

<https://orcid.org/0000-0002-2176-470X>

Кулаков Сергей Александрович

Московский университет «Синергия», Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1761-9111

<https://orcid.org/0009-0008-8392-6744>

Аннотация: Разработка действенного инструментария государственной политики способна придать вектору технологического развития выраженную социальную направленность. Цель статьи – выявить специфику социально ориентированного пути развития стран-лидеров технологического развития, а также сформировать рекомендации по внедрению эффективных инструментов государственной политики, способствующих реализации принципов концепции *Индустрия 5.0*. Задачи: 1) изучить социальную ориентированность технологий, применяемых странами-лидерами технологического развития; 2) выявить соответствия технологического развития исследуемых стран принципам концепции *Индустрия 5.0*; 3) разработать инструментарий государственной политики, способствующий реализации принципов концепции *Индустрия 5.0* по укреплению социальной ориентации применяемых технологий. Применены следующие методы исследования: контент-анализ, диалектический метод, метод компаративного анализа, графический метод, метод систематизации, метод экономического анализа, системный подход. Проведен сравнительный анализ стратегических подходов, отражающих социальную ориентированность, механизмов этического регулирования, финансовых инструментов, мер образовательной политики и кадрового обеспечения в ряде стран-лидеров технологического развития (Япония, Южная Корея, Китай, США, Сингапур, Россия, Великобритания, ОАЭ, Швейцария). Оценка соответствия их технологического развития задачам Индустрии 5.0 выполнялась с применением критериев, таких как зрелость цифровых технологий, приоритет благополучия человека, устойчивость и адаптивность развития. Выявлено, что наибольшую согласованность с целями Индустрии 5.0 демонстрируют Германия и Япония. На стадии формирования стратегий перехода к пятому технологическому укладу находятся Южная Корея, Сингапур, США, Великобритания и Швейцария. Китай, Россия и ОАЭ в меньшей степени реализуют принципы Индустрии 5.0 – для них предложен набор государственных мер, направленных на ускорение внедрения социально ориентированных технологических решений.

Ключевые слова: технологическое развитие, технологии, цифровизация, Индустрия 5.0, социальная ориентация, государственная политика

Цитирование: Московцева Л. В., Гатина Э. А., Языкова С. В., Кулаков С. А. Социализация технологий Индустрии 5.0: исследование международного опыта. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2025. Т. 11. № 1. С. 51–65. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-51-65>

Поступила в редакцию 13.08.2025. Принята после рецензирования 10.10.2025. Принята в печать 13.10.2025.

original article

Socializing Industry 5.0: International Experiences

Larisa V. Moskovtseva

Lipetsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Lipetsk
 eLibrary Author SPIN: 6848-3556
<https://orcid.org/0000-0002-3161-6700>
 mlvl80@mail.ru

Elvira A. Gatina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan
 eLibrary Author SPIN: 5331-1760
<https://orcid.org/0000-0001-6512-2576>

Svetlana V. Yazykova

Moscow University "Synergy", Russia, Moscow
 eLibrary Author SPIN: 7564-5190
<https://orcid.org/0000-0002-2176-470X>

Sergey A. Kulakov

Moscow University "Synergy", Russia, Moscow
 eLibrary Author SPIN: 1761-9111
<https://orcid.org/0009-0008-8392-6744>

Abstract: Effective public policy can socialize the vector of technological development. The article describes the best practices applied by technology-advanced nations in implementing the principles of Industry 5.0. Using their experiences in socially-orientated technologies, the authors developed a public policy toolkit that promotes the principles of Industry 5.0. The methodology included content analysis, dialectical method, comparative analysis, graphical method, systematization, economic analysis, and system approach. The comparative analysis featured such technologically advanced countries as Japan, South Korea, China, the USA, Singapore, Russia, Great Britain, the UAE, and Switzerland. It covered strategic approaches to social orientation, ethical regulation tools, financial instruments, education policies, and staffing. These aspects were tested for technological compliance with the objectives of Industry 5.0 using criteria as the sustainability of digital development, as well as the priority of human well-being. Germany and Japan seem to demonstrate the greatest consistency with the goals of Industry 5.0 while South Korea, Singapore, the USA, Great Britain, and Switzerland are at the transition stage. China, Russia, and the UAE experience some difficulties in realizing the principles of Industry 5.0. The authors developed a set of government measures to promote socially oriented technological solutions that may help to overcome the transition stage.

Keywords: technological development, technology, digitalization, Industry 5.0, social orientation, public policy

Citation: Moskovtseva L. V., Gatina E. A., Yazykova S. V., Kulakov S. A. Socializing Industry 5.0: International Experiences. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 11(1): 51–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-51-65>

Received 13 Aug 2025. Accepted after review 10 Nov 2025. Accepted for publication 13 Nov 2025.

Введение

Технологическое развитие стран имеет разнородный характер, на глобальной карте возникают новые узлы высокотехнологичного роста, усиливается международная конкуренция, обостряются противоречия в стремлении к лидерству в сфере передовых технологий [1–3]. Однако технологическое развитие на современном этапе связывается не только с обеспечением роста производительности за счет автоматизации производственных систем, но и с адаптацией технологий к изменяющимся потребностям человека, с поддержанием его социально-экономического и психологического благополучия в условиях непрерывного изменения внешней среды [4–8].

Взятый мировой экономикой курс на достижение целей Индустрии 5.0 требует адаптации

информационных технологий и инноваций к решению проблем социума и выстраиванию иного характера взаимоотношений между человеком и технологиями [9–13]. Это подталкивает к поиску новых способов обеспечения технологического развития, т.к. под влиянием экономических, социальных, эпидемиологических, политических и психологических вызовов традиционные инструменты государственной политики не всегда сохраняют свою эффективность.

Динамика технологического развития различных стран отражается в оперативных отчетах международных организаций. Например, в публикациях Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития (*Organisation for Economic*

Co-operation and Development – OECD), ООН, Всемирного экономического форума, Всемирной организации интеллектуальной собственности¹.

Проблемы технологического развития стран мира привлекают ученых, которые проводят межстрановые исследования, обосновывая причины и факторы технологического лидерства или отставания. Например, Е. К. Карпунина с соавторами [1], С. В. Пономарев и др. [2], Г. А. Кочьян и коллеги [14], В. Матли и М. Маладжи [15], С. А. Сычев [16] анализируют опыт различных стран в достижении преимуществ цифрового и технологического развития, делая акцент на потенциал развивающихся экономик и оценивая возможности его реализации в условиях неопределенности.

Новый виток технологического развития связан с переходом к пятому технологическому укладу и реализацией концепции *Индустрия 5.0*. Одни исследователи раскрывают принципы концепции, подчеркивая, как проблемы цифровой инклюзии, устойчивого развития, формирования человекоцентричного общества могут быть решены с помощью различных технологических решений [4–9]. Другие же связывают Индустрию 5.0 непосредственно с формированием Общества 5.0, ориентированного на благополучие человека, тем самым придавая человекоцентричный характер новой стадии индустриального развития [4].

П. К. Р. Маддикунта с соавторами подчеркивает роль тесного взаимодействия человека и интеллектуальных машин (роботы, технологии искусственного интеллекта (ИИ)), где человек остается в центре принятия решений, а технологии адаптируются под его способности и ограничения [5]. Это приводит к сдвигу от полной автоматизации к совместному, адаптивному производству и кастомизации продуктов и услуг. Согласно такой точке зрения, концепция Индустрии 5.0 ориентируется на достижение роста производительности и одновременное создание общественной пользы [4; 5].

Х. Тинтин фокусирует внимание на анализе национальных стратегий, направленных на реализацию принципов концепции *Индустрия 5.0*. Автор рассматривает особенности регулирования, внедрения стандартов, реализацию образовательной

политики и социальной защиты, а также меры по обеспечению цифрового благополучия стран, внедряющих указанную концепцию. В связи с этим Индустрия 5.0 становится также и предметом государственной политики [6].

При раскрытии сущностных характеристик концепции Индустрии 5.0 ученые фокусируются на достижении социально-экономических и региональных эффектов от ее внедрения (качество жизни, занятость, устойчивость) [7–9]. Это требует реализации подготовительных мер, которые связаны с управлением рисками цифровизации на региональном уровне и внедрением социальных индикаторов и программ поддержки, что может нивелировать такие возможные неблагоприятные последствия, как цифровое неравенство, уязвимость данных, новые формы отчуждения. Исследования по переходу к Индустрии 5.0 подчеркивают необходимость ранней идентификации рисков и мер по их смягчению, что также способствует повышению качества региональной экономики при правильной политике цифровой трансформации.

Государственная политика может имплементировать инструментарий, который способствует укреплению социальной ориентации применяемых технологий. В работах [4–6; 17] в центре внимания стоят эффективные практики государственного регулирования, обеспечивающие использование технологий для решения конкретных проблем человека и общества.

Гипотеза проводимого исследования заключается в том, что по мере эволюции общества трансформируются ориентиры технологического развития хозяйственных систем. Новое качество технологического развития в изменяющемся мире определяется социальной ориентированностью используемых технологий, соответствующей концепции Индустрии 5.0. Укрепление социальной ориентации применяемых технологий становится возможным за счет имплементации инструментария государственной политики в соответствии с принципами рассматриваемой концепции.

Цель статьи – выявить специфику социально ориентированного пути стран-лидеров технологического развития, а также сформировать рекомендации

¹ Technology Adoption by Firms in Developing Countries. *World Bank Group*. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/competitiveness/publication/technology-adoption-by-firms-in-developing-countries>; Digital Progress and Trends Report 2023. *World Bank Group*. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/digital-progress-and-trends-report>; Research and Development Statistics. *OECD*. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/research-and-development-statistics.html>; Science, Technology and Innovation Scoreboard. *OECD*. URL: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/science-technology-and-innovation-scoreboard.html>; Technology and Innovation Report Inclusive Artificial Intelligence for Development. Geneva: United Nations, 2025. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf; Technology Convergence Report 2025. *The World Economic Forum*. URL: <https://www.weforum.org/publications/technology-convergence-report-2025/>; World Intellectual Property Report 2024. *WIPO*. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/world-intellectual-property-report-2024/en/index.html> (accessed 10 Aug 2025).

по внедрению эффективных инструментов государственной политики, способствующих реализации принципов концепции *Индустрия 5.0*. Задачи:

1) изучить социальную ориентированность технологий, применяемых странами-лидерами технологического развития;

2) выявить соответствия технологического развития исследуемых стран принципам концепции *Индустрия 5.0*;

3) разработать инструментарий государственной политики, способствующий реализации принципов концепции *Индустрия 5.0* по укреплению социальной ориентации применяемых технологий. Применены следующие методы исследования: контент-анализ, диалектический метод, метод компаративного анализа, графический метод, метод систематизации, метод экономического анализа, системный подход.

Научная новизна исследования состоит в проведении комплексного анализа использования странами-лидерами технологического развития потенциала современных технологий для решения проблем человека и социума, а также в обосновании эффективных инструментов государственной политики для стимулирования социальной ориентации технологического развития.

Результаты

За основу взят рейтинг стран по уровню технологического развития – Most Technologically Advanced Countries 2025. Он формируется на основе результатов опросов, которые отражают восприятие деятельности страны в различных областях, включая технологический опыт, инновации,

квалифицированную рабочую силу, уровень развития инфраструктуры².

В соответствии с данным рейтингом мировыми лидерами по уровню технологического развития в 2025 г. являются Япония (100,0), Южная Корея (99,5), Китай (96,1), США (94,3), Германия (93,4), Сингапур (74,8), Россия (73,3), Великобритания (66,6), ОАЭ (62,9), Швейцария (57,6)³.

Среди стран, входящих в первую десятку рейтинга, восемь стран по методологии Всемирного банка относятся к странам с высоким уровнем дохода (Япония, Южная Корея, США, Германия, Сингапур, Великобритания, ОАЭ, Швейцария). Россия была переведена в эту группу только по итогам 2024 г., в предшествующие периоды она так же, как и Китай, входила в группу стран с доходом выше среднего⁴. Величина дохода на душу населения является далеко не единственным индикатором уровня социально-экономического развития страны, но важным с точки зрения технологического развития.

Ключевыми отличиями нового этапа технологического развития, отвечающего принципам концепции *Индустрия 5.0*, являются уровень зрелости цифровых технологий, которые способны обеспечить их социальную ориентацию (акцент на развитие и обеспечение благополучия человека); устойчивость в достижении социальных и экологических целей; адаптивность экономической системы к внешней нестабильности (включая гибкость бизнес-структур и государства) [12; 13].

Проанализируем особенности государственной политики технологического развития стран-лидеров и их соответствие задачам концепции *Индустрии 5.0* (табл. 1⁵).

² Most Technologically Advanced Countries 2025. *World Population Review*. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/most-technologically-advanced-countries> (accessed 10 Aug 2025).

³ Ibid.

⁴ World Bank Country and Lending Groups. *World Bank Data Help Desk*. URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups> (accessed 10 Aug 2025).

⁵ Сост. по: Society 5: Co-Creating for Future. Keidanren Kaikan: Tokyo, 2018. URL: https://www.keidanren.or.jp/en/policy/2018/095_booklet.pdf; Moonshot R&D Program. URL: <https://www.jst.go.jp/moonshot/en/index.html>; Government Announces Overview of Korean New Deal. *Ministry of Economy and Finance*. 14 Jul 2020. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4940>; National Strategy for Artificial Intelligence. The Government of the Republic of Korea, 2019. URL: <https://www.msit.go.kr/bbs/view.do?sCode=eng&nttSeqNo=9&bbsSeqNo=46&mId=10>; H.R.4346 – CHIPS and Science Act. 117th Congress (2021–2022). *Congress.gov*. URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346>; Blueprint for an AI Bill of Rights. *The White House*. URL: <https://web.archive.org/web/20250119213350/https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/>; Model AI Governance Framework 2024 – Singapore. *Infocomm Media Development Authority*. URL: <https://www.imda.gov.sg/-/media/imda/Files/Inner/PCDG/Resource/AI/model-ai-governance-framework-2nd-edition.pdf>; AI Singapore. URL: <https://www.aisingapore.org/>; Made in China 2025. *English.gov.cn*. URL: https://english.www.gov.cn/news/202505/17/content_WS6827c405c6d0868f4e8f29cc.html; Major targets in 14th Five-Year Plan. *English.gov.cn*. URL: <https://english.www.gov.cn/w/14thfiveyearplan/>; Position Paper of the People's Republic of China on Strengthening Ethical Governance of Artificial Intelligence (AI). *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*. 17 Nov 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/wjzc/202405/t20240531_11367525.html; GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/centre-for-data-ethics-and-innovation>; Swiss Digital Initiative: Ethical principles for the digital world. *Netlify*. URL: <https://swiss-digital-initiative.netlify.app/>; Augmented Reality & Human-Centered AI. *ETH AI Center*. URL: <https://ai.ethz.ch/research/core-areas/ai-ar-human-centered.html>; О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента РФ № 145 от 28.02.2024. *ИППП Гарант*; AI Ethics Principles & Guidelines. *Digital Dubai Authority*. URL: <https://www.digitaldubai.ae/docs/default-source/ai-principles-resources/ai-ethics.pdf> (accessed 5 Aug 2025).

Табл. 1. Компоненты государственной политики по обеспечению социальной ориентации технологий
Tab. 1. State policy on social orientation of technology across countries

Стратегии, отражающие принципы социальной ориентации технологий	Этическое регулирование	Финансовые инструменты	Образование и кадры	Социальные технологии
Япония				
<ul style="list-style-type: none"> • Society 5.0 (с 2016 г.); • Moonshot R&D Program (2019–2030 гг.); • Green Growth Strategy (2020 г.); • AI Strategy 2022 	<ul style="list-style-type: none"> • Национальный совет по биоэтике и этике ИИ; • руководство по прозрачному, объяснимому ИИ; • поддержка международных инициатив (OECD, The Global Partnership on Artificial Intelligence (GPAI), ЮНЕСКО) 	<ul style="list-style-type: none"> • Государственные инвестиционные фонды (Moonshot R&D Funding; Green Innovation Fund; Smart City Grant Program; Digital Garden City Nation Initiative); • субсидии и гранты для компаний и НИОКР (METI Innovation Grants; R&D Tax Incentives; Subsidies for Assistive Technology; GIGA School Program); • партнерства и венчурные инвестиции (Japan Investment Corporation (JIC); Public-Private Partnership (PPP)); • финансовые инструменты устойчивого развития (Эмиссия государственных и корпоративных зеленых облигаций; частные инвестиции в социальные проекты с госвозвратом); • финансовая поддержка граждан (ваучеры на цифровое обучение) 	<ul style="list-style-type: none"> • Программа "Human Resource Development for Society 5.0"; • AI & Ethics (вузовские курсы); • Lifelong Learning Society 	<ul style="list-style-type: none"> • Роботы для пожилых людей (уход, реабилитация, когнитивная поддержка); • индивидуализированная медицина (ИИ-системы для персонализированных диагнозов и лечения); • технологии для удаленных районов (дроны для доставки, телемедицина, умные фермы); • доступная цифровая среда
Южная Корея				
<ul style="list-style-type: none"> • Digital New Deal (2020–2025 гг.); • National Strategy for Artificial Intelligence (2019 г.) 	<ul style="list-style-type: none"> • Этические стандарты для искусственного интеллекта; • этические комитеты в университетах и ИТ-компаниях 	<ul style="list-style-type: none"> • Фонды Digital New Deal; • фонды стратегических технологий (AI, биотех, зеленые технологии); • субсидии для малого и среднего предпринимательства; • программы R&D-грантов; • PPP 	<ul style="list-style-type: none"> • Национальные инициативы по подготовке кадров будущего (школы и университеты); • внедрение STEAM-подхода в программы школьного образования; • программы для пожилых людей и малообеспеченных слоев населения по освоению цифровых навыков 	<ul style="list-style-type: none"> • ИИ в здравоохранении (для диагностики, мониторинга здоровья и ухода); • помогающая робототехника (реабилитационные роботы, роботы-ассистенты для пожилых людей); • умные города

Стратегии, отражающие принципы социальной ориентации технологий	Этическое регулирование	Финансовые инструменты	Образование и кадры	Социальные технологии
Китай				
<ul style="list-style-type: none"> • Made in China 2025; • Digital China; • 14-й пятилетний план 	<ul style="list-style-type: none"> • Рамочные документы по этике ИИ и технологий, принятые Министерством науки и технологий КНР; • поддержка функций-анских ценностей как морально-нравственной основы цифрового развития 	<ul style="list-style-type: none"> • Государственные фонды стратегических отраслей; • субсидии; • специальные R&D-гранты и налоговые льготы; • зеленые облигации и ESG-инвестирование; • социальные инновационные зоны 	<ul style="list-style-type: none"> • Smart Education 	<ul style="list-style-type: none"> • Системы телемедицины, умные школы, цифровые деревни
США				
<ul style="list-style-type: none"> • H.R.4346 – CHIPS and Science Act (2022 г.); • National AI Initiative Act (2020 г.); • AI Bill of Rights (2022 г.); • Bioeconomy Executive Order (2022 г.) 	<ul style="list-style-type: none"> • Рекомендации по защите прав человека от негативного воздействия ИИ (AI Bill of Rights); • NIST AI Risk Management Framework (2023); • Funding for Responsible AI 	<ul style="list-style-type: none"> • Федеральное финансирование через ключевые законы и агентства (H.R.4346 – CHIPS and Science Act (2022); Infrastructure Investment and Jobs Act (2021); Inflation Reduction Act (2022)); • гранты и субсидии (Small Business Innovation Research / Technology Transfer; NIH Grants); • инновационные агентства и венчурное государственное финансирование (ARPA-H; ARPA-E); • PPP; • ESG-финансирование (Green Bonds / Climate Bonds; Social Impact Bonds (SIBs)); • финансовая поддержка граждан и образования (Pell Grants / Federal Student Aid) 	<ul style="list-style-type: none"> • Программы по STEAM-образованию; • финансирование университетов и колледжей через NSF, Department of Education, AI Institutes; • Lifelong learning 	<ul style="list-style-type: none"> • ИИ для здравоохранения, образования, социальной помощи (NIH, NSF, HHS); • программы поддержки технологий для людей с инвалидностью (Assistive Tech); • персонализированная медицина, в том числе с использованием ИИ (Precision Medicine)

Стратегии, отражающие принципы социальной ориентации технологий	Этическое регулирование	Финансовые инструменты	Образование и кадры	Социальные технологии
Германия				
<ul style="list-style-type: none"> Industrie 5.0 	<ul style="list-style-type: none"> Этические рамки для ИИ в производстве, медицине, образовании (Plattform Lernende Systeme); внедрение систем объяснимого ИИ и оценки воздействия решений (Fraunhofer) 	<ul style="list-style-type: none"> Поддержка инноваций и технологий в малом и среднем бизнесе (ZIM); финансирование пилотов и опытных производств с фокусом на устойчивость и коллаборацию (Industrie 4.0 Testbeds); исследования и разработки (High-Tech Strategy 2025); поддержка инклюзивных и этичных технологий 	<ul style="list-style-type: none"> Программы в школах и вузах по соединению технологий и креативности (MINT + Kunst); кросс-дисциплинарные лаборатории; вовлечение общества в создание технологичных ориентированных на социальную ценность 	<ul style="list-style-type: none"> Совместная работа человека и ИИ (Plattform Industrie 4.0, промышленные роботы, симбиоз ИИ и человека на производстве; исследование взаимодействия человека и технологий на рабочем месте); внедрение адаптивных рабочих мест (стимулирование экологически чистых решений в промышленности; поддержка устойчивых промышленных решений, энергосбережения; промышленный переход к экономике замкнутого цикла); инклюзия и технологии для всех (Digitale Teilhabe; Age-Inclusive Tech)
Сингапур				
<ul style="list-style-type: none"> Реализация принципов Индустрии 5.0 через государственные программы, инновационные центры, образовательные реформы 	<ul style="list-style-type: none"> Этические принципы для ИИ (Model AI Governance Framework (IMDA)); ИИ-системы в интересах граждан (AI for the Public Good (AI SG)); исследования ИИ, участвующего психологию и потребности человека (Human-Centric AI) 	<ul style="list-style-type: none"> Финансирование проектов в сфере человекоцентричного ИИ, устойчивости, STEAM (National Research Foundation (NRF)); государственные инвестиции (Research Innovation Enterprise Plan); поддержка цифровой экономики трансформаций бизнеса; финансирование стартапов и коммерческих организаций (НКО), внедряющих социально-ориентированные технологии 	<ul style="list-style-type: none"> Развитие междисциплинарных и креативных навыков (SkillsFuture for Educators); STEAM Learning in Polytechnics; программа, объединяющая инжиниринг, дизайн, социальные аспекты инноваций (Singapore University of Technology and Design) 	<ul style="list-style-type: none"> Инклюзивность и цифровое равенство (обучение цифровым навыкам пожилых людей, инвалидов и малозащищенных групп населения; адаптивные сервисы электронного самоуправления); технологии для здоровья и долголетия (персонализированная медицина, ИИ в диагностике здоровья, цифровые платформы; роботы и цифровые помощники в уходе за пожилыми людьми); устойчивое производство и зеленые технологии (ESG-фокус; индустриальные инновации в сфере устойчивости); промышленные роботы на заводах, социальные роботы в школах и медучреждениях

Стратегии, отражающие принципы социальной ориентации технологий	Этическое регулирование	Финансовые инструменты	Образование и кадры	Социальные технологии
Россия				
<ul style="list-style-type: none"> Национальная технологическая инициатива; федеральный проект «Искусственный интеллект» (2021–2030 гг.); этический кодекс в сфере ИИ (2021 г.); центры компетенций по ИИ 	<ul style="list-style-type: none"> Разработка стандартов по этике ИИ (Минцифра России, СберБанк, РАНХиГС); пилотные проекты «ответственного ИИ» для здравоохранения и госуслуг 	<ul style="list-style-type: none"> Гранты Фонда содействия инновациям («Умник», «Старт», «Развитие») и Сколково; субсидии на цифровую трансформацию в регионах; инфраструктурные кредиты для умных городов; напроекты (например, «Цифровая экономика», «Здравоохранение», «Образование»); проекты государственно-частного партнерства; концессии 	<ul style="list-style-type: none"> Программы цифровой трансформации образования («Цифровая школа», «Университет 2035»); вовлечение вузов в работу гуманитарных аспектов технологий (биоэтика, права человека, этика ИИ) 	<ul style="list-style-type: none"> Использование технологий для помощи людям с ОВЗ (госпрограмма «Доступная среда»); цифровые платформы в социальной сфере (медицина, образование, соцзащита); развитие технологий для повышения качества жизни, цифровые двойники, системы экстренного реагирования; национальная технологическая инициатива «Нейронет» (развитие нейроинтерфейсов, когнитивных технологий, персонализированной медицины); проект «Цифровой двойник пациента» (Минздрав России + Сколково) – ИИ-платформа для персонализированной медицины; платформа «Образование 4.0»; индивидуальные траектории, цифровые ассистенты, гуманитаризация ИТ; агророботы и «зеленые» фермы
Великобритания				
<ul style="list-style-type: none"> Принципы Индустрии 5.0 активно реализуются в рамках существующих инициатив по науке, технологиям, устойчивости и инклюзивному развитию 	<ul style="list-style-type: none"> Centre for Data Ethics and Innovation (CDEI); AI Regulation White Paper (2023 г.); UKRI Responsible AI Initiatives; AI for Humanity (Alan Turing Institute) 	<ul style="list-style-type: none"> UK Research and Innovation (UKRI); гранты и ко-финансирование для <i>индустрии будущего</i> с участием граждан; государственные облигации Green Gilt Bonds (с 2021 г.) на устойчивую промышленность и технологии; поддержка стартапов в сфере HealthTech, EdTech, ClimateTech; технологические хабы, объединяющие промышленность, науку и общество 	<ul style="list-style-type: none"> Развитие креативных цифровых навыков STEAM Learning for the Future; практико-ориентированное образование в ИИ, робототехнике, GreenTech, Digital Design; использование ИИ и AR / VR для персонализированного образования с учетом особенностей учащегося 	<ul style="list-style-type: none"> Устойчивость и «зеленая» промышленность (Net Zero Strategy (до 2050 г.)); инклюзивность и цифровое равенство (цифровая грамотность среди пожилых, малоимущих, людей с инвалидностью); платформа НКО для борьбы с цифровым неравенством в школах и регионах; программы и гранты для стартапов, направленных на создание технологий с социальным эффектом (здравоохранение, образование, уход за здоровьем и т.д.)

Стратегии, отражающие принципы социальной ориентации технологий	Этическое регулирование	Финансовые инструменты	Образование и кадры	Социальные технологии
<ul style="list-style-type: none"> UAE Centennial 2071; National AI Strategy 2031 	<ul style="list-style-type: none"> Министерство искусственного интеллекта, цифровой экономики и удаленной работы; UAE AI Ethics Guidelines (2020 г.); первый в мире вуз Mohammed bin Zayed University of AI (MBZUAI), специализирующийся на ИИ с акцентом на этику и общественную пользу 	<p style="text-align: center;">ОАЭ</p> <ul style="list-style-type: none"> Поддержка ESG-проектов, «зеленых» и социально-ориентированных технологий (UAE National Investment Strategy); инвестиции в стартапы в сфере чело-векоцентричных технологий (Dubai Future District Fund (DFDF)); финансирование устойчивых, инклюзивных и цифровых проектов (Green Finance Framework (ADGM, DIFC)); гранты MBZUAI, направленные на поддержку STEAM, EdTech, InclusiveTech, Smart Society Solutions 	<ul style="list-style-type: none"> Программы перекавалификации и непрерывного образования, направленные на адаптацию населения к цифровым и технологическим изменениям; образование будущего (ИИ, биотех, этика, нейротехнологии); центры Индустрии 4.0 (Всемирный экономический форум + ОАЭ); школьное и вузовское обучение на стыке технологий, искусства, предпринимательства (UAE Innovation Strategy); лаборатории и акселераторы для креативных проектов (Dubai Future Foundation) 	<ul style="list-style-type: none"> Использование ИИ в здравоохранении, экологическом мониторинге, социальной помощи; устойчивое производство и экология (Green Industry Framework (2023 г.)); инклюзия и цифровое равенство (Smart Dubai Strategy / Digital UAE); ассистивные ИИ-системы, brain-computer interfaces, цифровая диагностика; персонализированная медицина, телемедицина, предиктивные системы
<ul style="list-style-type: none"> Ключевые принципы Индустрии 5.0 внедряются через национальные программы, технологические хабы и науку 	<ul style="list-style-type: none"> Разработка этических стандартов для цифровых сервисов и ИИ (Swiss Digital Initiative (SDI)); исследования ИИ 	<p style="text-align: center;">Швейцария</p> <ul style="list-style-type: none"> Гранты и акселераторы для технологических и социально ориентированных стартапов (Innosuisse (Agentство инноваций)); финансирование устойчивых и «зеленых» технологий (Swiss Green Bond Framework (с 2022 г.)); финансирование междисциплинарных научных проектов на стыке технологий и общества (SNF + NRP); инвестиции в EdTech, HealthTech, human-AI interaction и инклюзивные инновации 	<ul style="list-style-type: none"> Сотрудничество вузов, искусства и технологий (Swissnex Network (при поддержке SEFRI); междисциплинарность инноваций (ArtTech Foundation); создание пространства в университетах, которое объединяет инженеров, дизайнеров, философов (FabLabs & Makerspaces) 	<ul style="list-style-type: none"> Устойчивое производство и «зеленая» экономика (CleanTech Strategy Switzerland); энергетический переход (Swiss Energy Strategy 2050); стимулирование повторного использования ресурсов и экологичного дизайна (Circular Economy Action Plan); инклюзивные технологии и цифровое равенство; доступ к цифровым услугам (для пожилых, людей с инвалидностью и мигрантов); поддержка технологий для людей с ограниченными возможностями (Assistive Tech & HealthTech Startups)

Япония является первой страной, приступившей к реализации концепции *Индустрия 5.0*, основанной на человекоцентрированном подходе к технологиям [8]. Данное государство является мировым лидером в робототехнике, электронике, технологиях искусственного интеллекта, уступая по объему инвестиций и числу ведущих ИИ-стартапов США и Китаю⁶. Япония активно использует технологические решения и инновации в социальной сфере, включая *здравоохранение* (ИИ-диагностика, телемедицина, роботы-помощники для ранней диагностики заболеваний, роботы (Papo, Pepper) для поддержки пожилых людей); *образование* (EdTech, ИИ-наставники, цифровые классы для выстраивания персонализированных образовательных траекторий в начальной и средней школе); *проектирование умных городов*, таких как Kashiwa-no-ha, Fujisawa, Woven City, которые строятся с учетом устойчивости, цифровой инфраструктуры и комфортной среды для человека; *проекты обеспечения инклюзии*, т. е. технологии для людей с ограниченными возможностями (например, очки-переводчики с распознаванием речи, нейроинтерфейсы, голосовые интерфейсы на японском языке); *промышленность* (коботы (*collaborative robots*), роботы в логистике и на производстве); *государственное управление*, а именно автоматизация госуслуг с сохранением участия человека и контролем прозрачности решений⁷. Япония реализует программы по снижению выбросов, развитию возобновляемой энергетики, обеспечению карбоновой нейтральности. Реализуя гибкую промышленную политику и быструю цифровизацию, эта страна демонстрирует готовность к кризисам, однако демографические вызовы остаются существенными.

В **Южной Корее** реализацию принципов Индустрии 5.0 координирует Национальный комитет по искусственному интеллекту. Министерство науки и ИКТ разработало этические нормы для ответственного использования ИИ, включая уважение автономии, безопасность, справедливость, прозрачность и защиту личных данных. Созданный в 2024 г. Институт безопасности ИИ наделен функциями внешней оценки ИИ. Правительство страны усиливает

финансирование приоритетных направлений, в том числе квантовых технологий, биотехнологии, образовательных ИИ-технологий, технологий цифрового правительства⁸.

Китай осуществляет переориентацию от массового к инновационному высокотехнологичному производству, учитывая принципы Индустрии 5.0: «умные» производства; роботизация и обучение кадров; ИИ, воплощенный в повседневной жизни (дроны-доставщики, гуманоидные роботы); упор на синергии финансовой политики и промышленных преобразований с учетом требований экологичности и эффективности⁹.

США ориентируется на принципы Индустрии 5.0 при оснащении производственных систем человекоцентричными технологиями (роботами, коботами, автоматизированными системами). Принципу экологичности соответствует разработка гибких производственных систем, способных быстро адаптироваться к изменениям спроса и индивидуальным требованиям потребителей. Государственная поддержка проявляется как в части финансирования стратегического плана по передовым технологиям, так и при развитии стартап-экосистемы¹⁰.

Германия активно развивает принципы Индустрии 5.0 в рамках европейской технологической повестки. Страна имеет развитую промышленную базу, качественную среду для функционирования НИОКР, а также реализует прогрессивную политику в области устойчивости, цифровизации и инклюзивности. Важную роль в реализации принципов инженерной строгости, социальной ответственности играет малый и средний бизнес [18; 19].

Сингапур реализует принципы Индустрии 5.0 (включая гуманизацию технологий, устойчивость, инклюзивность и синергию человека и машин) при проведении государственной политики технологического развития, фокусируя внимание на ценности технологий для общества и человека, совершенствуя вопросы этики, инклюзии и устойчивости. Значительные средства государство направляет на финансирование образования, инвестиции и инновации. Технологии, которые улучшают качество жизни, используются в процессе вакцинации,

⁶ Robotics – Japan. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/robotics/japan> (accessed 5 Aug 2025).

⁷ Society 5.0: Aiming for a New Human-centered Society. *Hitachihoron*. URL: https://www.hitachihoron.com/rev/archive/2017/r2017_06/trends/index.html (accessed 5 Aug 2025).

⁸ South Korea's Evolving AI Regulations. *Stimson Center*. URL: <https://www.stimson.org/2025/south-koreas-evolving-ai-regulations> (accessed 5 Aug 2025).

⁹ China pledges more financial support for advanced manufacturing. *Reuters*. 5 Aug 2025. URL: <https://www.reuters.com/markets/asia/china-pledges-more-financial-support-advanced-manufacturing-2025-08-05> (accessed 5 Aug 2025).

¹⁰ United States (USA) Industry 5.0 Market worth \$65.1 billion by 2029. *Markets and Markets*. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/PressReleases/usa-industry-5.asp> (accessed 5 Aug 2025).

обеспечения безопасности, в получении доступа к образованию. В стране проводятся исследования по активному долголетию через технологии и формируются геномные данные. Широкое распространение получили персонализированные рекомендации, а также адаптивные платформы для учеников и врачей. В уходе за пожилыми людьми активно используются коботы, в том числе в государственных учреждениях. Сингапур является страной, где иммерсивные технологии отражают индивидуальные потребности человека, а AR / VR используются в системе образования и для реабилитации пациентов.

Россия движется в направлении перехода к Индустрии 5.0. Отдельные усилия в реализации ее ключевых принципов прослеживаются при проведении национальных проектов и расширении цифровой инфраструктуры, в частности, в обеспечении равного доступа к Сети для всех граждан [20]. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», реализуемый с целью обеспечения цифровой трансформации государства, направлен на проектирование умных городов, разработку квантовых и фотонных технологий, платформ для данных и ИИ [21]. Стандартизация «сквозных» технологий, организация «умного» производства, использование аналитических сервисов и цифровых двойников в промышленности является следствием перехода к ориентированной на человека устойчивой модели развития [22; 23].

Великобритания без привязки непосредственно к концепции *Индустрия 5.0* реализует принципы социальной ориентации технологического развития, формирует этику ИИ, внедряет проекты по развитию «зеленой» промышленности, цифровому равенству и внедрению STEAM-подхода в образование. Сильная позиция страны в части формирования институциональных основ технологического перехода, включая развитие государственного центра, которое разрабатывает этические нормы и рекомендации по применению ИИ и данных¹¹.

В **ОАЭ** концепция Индустрии 5.0 реализуется через политику, ориентированную на гуманизацию технологий, устойчивость, цифровую трансформацию и счастье человека. Правительство активно инвестирует в ИИ, устойчивое развитие, персонализированное образование, медицину и нейротехнологии. Так, создана платформа для анализа медицинских данных с ИИ, ориентированная

на пациента; внедрены цифровые инструменты оценки счастья и удобства городской жизни; реализуется персонализированное обучение учеников с разными потребностями; применяются роботы-помощники и цифровые ассистенты для пожилых граждан; реализована экосистема стартапов в сфере «зеленых» и человекоцентричных технологий.

Швейцария активно внедряет принципы человекоцентричности, устойчивости, инклюзивности и синергии человека и технологий в процессе реализации национальных программ, организации работы технологических хабов и при проведении научных исследований. Например, в стране реализуется инициатива *My Data Geneva Hub* по управлению персональными данными в интересах человека. Акцент в ней делается на использовании технологических решений при оказании услуг персонализированной медицины с учетом биологических и социальных факторов. В здравоохранении, образовании и праве проводится этический анализ ИИ-систем. Для повышения качества жизни продвинутые технологии внедряются в городскую цифровую инфраструктуру с приоритетом доступности [24].

В таблице 2 отражена степень соответствия технологического развития исследуемых стран задачам концепции *Индустрии 5.0*. Для его оценки была использована экспертная балльная шкала от 1 до 5, где 1 – начальный уровень; 2 – низкий уровень; 3 – средний уровень; 4 – высокий уровень; 5 – очень высокий уровень реализации соответствующей задачи. Оценка проводилась по четырем направлениям, которые отражают основные целевые ориентиры Индустрии 5.0:

- 1) уровень зрелости цифровых технологий (степень внедрения технологий ИИ, Интернета вещей, робототехники, Big Data и т.д.);
- 2) акцент на развитие и обеспечение благополучия человека (наличие человекоцентричных инициатив, реализуемых по таким направлениям, как качество жизни, здоровье, образование и этика технологий);
- 3) устойчивость развития (интеграция принципов экологической, экономической и социальной устойчивости в технологическое развитие);
- 4) адаптивность развития (гибкость институтов и промышленной политики, способность быстро адаптироваться к технологическим и социальным изменениям).

¹¹ Centre for Data Ethics and Innovation publishes world first roadmap to catalyse development of AI assurance ecosystem. GOV.UK. 8 Dec 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/news/centre-for-data-ethics-and-innovation-publishes-world-first-roadmap-to-catalyse-development-of-ai-assurance-ecosystem> (accessed 5 Aug 2025).

Табл. 2. Соответствие технологического развития исследуемых стран задачам концепции Индустрии 5.0
Tab. 2. Technological development vs. Industry 5.0

Страна	Уровень зрелости цифровых технологий	Акцент на развитие и обеспечение благополучия человека	Устойчивость	Адаптивность	Итоговая оценка*
Япония	4	5	4	4	4,25
Южная Корея	4	4	4	4	4,0
Китай	4	2	3	3	3,0
США	5	3	4	4	4,0
Германия	4	5	5	4	4,5
Сингапур	4	4	4	4	4,0
Россия	3	1	1	2	1,75
Великобритания	4	3	4	3	3,5
ОАЭ	3	2	2	2	2,25
Швейцария	4	4	4	4	4,0

Прим.: * – высчитывалась путем нахождения среднего арифметического значения по четырем направлениям.

В Германии и Японии технологическое развитие в наибольшей степени соответствует целям и задачам Индустрии 5.0. Германия делает акцент на человека, устойчивость, поддержку малого и среднего предпринимательства и «зеленую» трансформацию. Япония демонстрирует высокий уровень технологического развития и человекоцентричного подхода. Южная Корея, Сингапур, США, Великобритания и Швейцария являются менее социально ориентированными по сравнению с Японией и Германией, находясь в стадии формирования стратегии перехода к пятому технологическому укладу. Китай как технологический лидер в большей степени ориентируется на экономический эффект, нежели на социальную устойчивость и человекоцентризм. Россия и ОАЭ в своей политике технологического развития делают акцент на автоматизацию, технологический суверенитет и цифровизацию, оставляя без пристального внимания человеческий фактор и обеспечение устойчивости.

Для укрепления принципов Индустрии 5.0 в России, ОАЭ, Китае необходимо реализовать комплекс как частных мер, адресованных конкретной стране с учетом ее особенностей, так и общих. К последним относятся:

- принятие национальной стратегии в соответствии с принципами Индустрии 5.0;
- принятие и внедрение стандартов по этике ИИ, биотехнологий, нейросетей;

- изменение подхода к образованию и подготовке кадров, включая переход от STEM к STEAM, при котором к традиционным техническим дисциплинам добавляются искусство и гуманитарные науки для обеспечения более человекоцентричного, креативного и этически корректного подхода к технологиям [25];
- государственная поддержка проектов с социальной и экологической направленностью;
- создание институтов (комитетов, министерств) по этичному ИИ;
- реализация программ повышения цифровой инклюзии, привлечение к участию НКО;
- стимулирование ESG-подходов, обоснование и внедрение индикаторов социальной пользы технологий.

Частными мерами для **России**, которые повышают социальную ценность технологий, могут стать: включение принципов Индустрии 5.0 в Стратегию социально-экономического развития до 2036 г.; поддержка технологий для социальной инклюзии (доступные ИИ-решения, нейротехнологии, цифровое здравоохранение); внедрение критериев социальной эффективности при оценке инноваций; повышение прозрачности и расширение возможностей для участия общества в формировании цифровой среды.

Мерами, отражающими специфику технологического и экономического развития **Китая**, являются

гуманизация цифровой трансформации, снижение цифрового неравенства (в разрезе городских и сельских территорий, возрастных и социальных групп); принятие международных этических стандартов ИИ и ответственности технологий (ЮНЕСКО, OECD); участие в разработке глобальной повестки по устойчивому технологическому развитию; повышение прозрачности, доверия населения к технологиям и защита их прав; продвижение экологически и социально ответственных производств, повышающих социальную и экологическую устойчивость.

В ОАЭ необходима институционализация принципов Индустрии 5.0 через принятие государственной стратегии с конкретными целевыми ориентирами; обеспечение инклюзивного доступа мигрантов, женщин, уязвимых групп к высокотехнологичным возможностям (образование, работа, медицина); развитие систем социальной поддержки; ускоренная трансформация экономики в сторону человекоцентричных секторов (медицина, социальные инновации, GreenTech, образование) и увеличение инвестиций в НИОКР в социально значимых отраслях, что также поможет снизить зависимость страны от нефтяного сектора.

Заключение

Для анализа особенностей социально направленного развития государств отобраны десять стран-лидеров технологического развития и проведен подробный анализ реализуемых ими инициатив, отвечающих принципам концепции *Индустрия 5.0*.

Проанализированы стратегии, которые отражают принципы социальной ориентированности, элементы этического регулирования в исследуемых странах, применяемые правительствами финансовые инструменты. Особый акцент сделан на изучении мер государства в области образовательной политики и кадрового обеспечения для того, чтобы отследить динамику базовых изменений общества для формирования устойчивой системы.

Литература / References

1. Karpunina E. K., Yakovleva E. A., Shurupova O. S., Oganesyanyan T. L., Gorbunova O. N. Enhancing BRICS scientific and educational potential as a prerequisite for knowledge-based development and digital leadership. *International Journal of Knowledge-Based Development*, 2024, 14(3): 290–313. <https://doi.org/10.1504/IJKBD.2024.141632>
2. Пономарев С. В., Языкова С. В., Шапошникова И. В., Плеханова Е. О. Перспективы экономического и технологического развития БРИКС в период изменения геополитического ландшафта. *Вестник Сургутского государственного университета*. 2025. Т. 13. № 1. С. 70–85. [Ponomarev S. V., Yazykova S. V., Shaposhnikova I. V., Plekhanova E. O. Prospects for BRICS economic and technological development during geopolitical landscape change. *Surgut State University Journal*, 2025, 13(1): 70–85. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-8>

На основе результатов исследования проведена оценка соответствия технологического развития исследуемых стран задачам концепции Индустрии 5.0 с помощью таких критериев, как уровень зрелости цифровых технологий, акцент на развитие и обеспечение благополучия человека, устойчивость развития, адаптивность развития.

В итоге выявлены страны, где в наибольшей степени технологическое развитие соответствует целям и задачам Индустрии 5.0, а именно Германия и Япония. Обосновано, что Южная Корея, Сингапур, США, Великобритания и Швейцария являются менее социально ориентированными, находясь в стадии формирования стратегии перехода к пятому технологическому укладу. Китай, несмотря на свои лидерские позиции, ориентируется на экономический эффект, нежели на социальную устойчивость и человекоцентризм. Россия и ОАЭ на данном этапе в меньшей степени демонстрируют приверженность принципам пятого технологического уклада.

Также предложен комплекс частных (адресованных конкретной стране с учетом ее особенностей) и общих мер государственной политики, которые способствуют реализации принципов концепции Индустрии 5.0 в России, ОАЭ и Китае.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

3. Karpunina E. K., Magomaeva L. R., Kochyan G. A., Ponomarev S. V., Borshchevskaya E. P. Digital inequality and forms of its appearance: A comparative analysis in the OECD and BRICS countries. *Proceedings of the 37th International Business Information Management Association Conference Innovation Management and information Technology impact on Global Economy in the Era of Pandemic*, Cordoba, 30–31 May 2021. Cordoba: IBIMA Publishing, 2021, 1028–1039. <https://elibrary.ru/kejumr>
4. Matsuoka H., Hirai C. Habitat innovation. *Society 5.0: A people-centric super-smart society*. Singapore: Springer, 2020, 25–42. https://doi.org/10.1007/978-981-15-2989-4_2
5. Maddikunta P. K. R., Pham Q.-V., Pradabevi B., Deepa N., Dev K., Gadekallu T. R., Ruby R., Liyanage M. Industry 5.0: A survey on enabling technologies and potential applications. *Journal of Industrial Information Integration*, 2022, 26. <https://doi.org/10.1016/j.jii.2021.100257>
6. Ху Т. Обзор национальных стратегий перехода к Индустрии 5.0. *Экономика и управление инновациями*. 2022. № 3. С. 28–38. [Hu T. Review of national strategies for the transition to Industry 5.0. *Economics and Innovation Management*, 2022, (3): 28–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2022-3-28-38>
7. Deguchi A., Hirai C., Matsuoka H., Nakano T., Oshima K., Tai M., Tani S. What is a Society 5.0? *Society 5.0: A people-centric super-smart society*. Singapore: Springer, 2020, 1–23. https://doi.org/10.1007/978-981-15-2989-4_1
8. Karpunina E. K., Kosorukova I. V., Dubovitski A. A., Galieva G. F., Chernenko E. M. State policy of transition to Society 5.0: Identification and assessment of digitalisation risks. *International Journal of Public Law and Policy*, 2021, 7(4): 334–350. <https://doi.org/10.1504/IJPLAP.2021.118895>
9. Pilipchuk N. V., Shvetsova I. N., Chudaeva A. A., Ruzhanskaya N. V., Ponomarev S. V. The change in the quality of the economic space of the region in a period of uncertainty. *Sustainable development of business 4.0. a path of transition to the new quality of growth of the digital economy*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2025, 33–38. https://doi.org/10.1007/978-3-031-83595-7_6
10. Пономарев С. В., Кукина Е. Е., Иода Ю. В., Труфанова С. А. Условия и факторы цифрового развития: сравнительный анализ в России и Китае. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 1. С. 156–169. [Ponomarev S. V., Kukina E. E., Ioda Yu. V., Trufanova S. A. Conditions and factors of digital development in Russia and China. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 156–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-156-169>
11. Akhtar F., Senadji A., Vija Kumaran V. Sustainability meets digital culture: The influence of ESG on financial performance in Malaysian manufacturing SMEs. *Journal of Innovative Digital Transformation*, 2025, 2(1): 90–108. <https://doi.org/10.1108/jidt-10-2024-0031>
12. Ghobakhloo M., Iranmanesh M., Mubarak M. F., Mubarik M., Rejeb A., Nilashi M. Identifying Industry 5.0 contributions to sustainable development: A strategy roadmap for delivering sustainability values. *Sustainable Production and Consumption*, 2022, 33: 716–737. <https://doi.org/10.1016/j.spc.2022.08.003>
13. Ordieres-Meré J., Gutierrez M., Villalba-Díez J. Toward the Industry 5.0 paradigm: Increasing value creation through the robust integration of humans and machines. *Computers in Industry*, 2023, 150. <https://doi.org/10.1016/j.compind.2023.103947>
14. Kochyan G. A., Borshchevskaya E. P., Ponomarev S. V., Magomaeva L. R., Lavrikova N. I. Assessing the digital divide in OECD and BRICS countries: Implications for public policy. *International Journal of Technology, Policy & Management*, 2024, 24(3): 285–302. <https://doi.org/10.1504/IJTPM.2024.139453>
15. Matli W., Malatji M. A review of Internet use and access for BRICS sustainable futures: Opportunities, benefits, and challenges. *Journal of InFormaTion Systems and InFormatics*, 2024, 6(1): 435–452. <https://doi.org/10.51519/journalisi.v6i1.636>
16. Сычев С. А. Статистическая оценка влияния факторов «технологического лидерства» на динамику производительности труда в субъектах РФ. *Статистика и Экономика*. 2017. № 2. С. 29–38. [Sychev S. A. Statistical estimation of the influence of the factors of "technological leadership" on the dynamics of labor productivity in the subjects of the Russian Federation. *Statistics and Economics*, 2017, (2): 29–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-2-29-38>
17. Adel A. Future of Industry 5.0 in society: Human-centric solutions, challenges and prospective research areas. *Journal of Cloud Computing*, 2022, 11(40). <https://doi.org/10.1186/s13677-022-00314-5>

18. Hein-Pensel F., Winkler H., Brückner A., Wölke M., Jabs I., Mayan I. J., Kirschenbaum A., Friedrich J., Zinke-Wehlmann C. Maturity assessment for Industry 5.0: A review of existing maturity models. *Journal of Manufacturing Systems*, 2023, 66: 200–210. <https://doi.org/10.1016/j.jmsy.2022.12.009>
19. Zincume P. N., Maier M. Human-centred SME factories: The future of work in SMEs under Industry 5.0. *Future Business Journal*, 2025, 11(133). <https://doi.org/10.1186/s43093-025-00553-3>
20. Salimova T., Guskova N., Krakovskaya I., Sirota E. From Industry 4.0 to Society 5.0: Challenges for sustainable competitiveness of Russian industry. *IOP conference series: Materials science and engineering: Proc. 2nd Intern. Sci. Conf., DTMS 2018. St. Petersburg, 21–22 Nov 2018. IOP Publishing, 2019, vol. 497. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/497/1/012090>*
21. Romanova O. A., Sirotin D. V. From Industry 4.0 to Industry 5.0: Problems and opportunities for the metal industry development in Russia. *Steel in Translation*, 2024, 54: 120–126. <https://doi.org/10.3103/S0967091224700438>
22. Hanefi Calp M., Bütüner R. Chapter 7 – Society 5.0: Effective technology for a smart society. *Artificial Intelligence and Industry 4.0*, eds. Hassanien A. E., Chatterjee J. M., Jain V. Academic Press, 2022, 175–194. <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-88468-6.00006-1>
23. Гайворонская Я. В. Люди, роботы, искусственный интеллект: проблемы регулирования. *Advances in Law Studies*. 2021. Т. 9. №. 2. С. 26–30. [Gayvoronskaya Ya. V. People, robots, artificial intelligence: Regulatory challenges. *Advances in Law Studies*, 2021, (2): 26–30 (In Russ.)] <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2021-9-2-26-30>
24. Ramírez-Márquez C., Posadas-Paredes T., Raya-Tapia A. Y., Ponce-Ortega J. M. Natural resource optimization and sustainability in Society 5.0: A comprehensive review. *Resources*, 2024, 13(2). <https://doi.org/10.3390/resources13020019>
25. Rame R., Purwanto P., Sudarno S. Industry 5.0 and sustainability: An overview of emerging trends and challenges for a green future. *Innovation and Green Development*, 2024, 3(4). <https://doi.org/10.1016/j.igd.2024.100173>

оригинальная статья

eLibrary EDN: OJNTGC

Устойчивое развитие региональных хозяйственных систем и потенциал цифровых технологий

Алехина Ольга Федоровна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 2855-0929
<https://orcid.org/0000-0002-8757-8993>

Галиева Гульназ Физратовна

Башкирский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ, Россия, Уфа
Башкирский государственный аграрный университет, Россия, Уфа
eLibrary Author SPIN: 2796-7428
<https://orcid.org/0000-0002-0199-7784>

Труфанова Светлана Александровна

Московский университет «Синергия», Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 8099-8688
<https://orcid.org/0000-0002-0246-5616>
egenkak@gmail.com

Конищев Егор Валерьевич

Московский университет «Синергия», Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 3778-3967
<https://orcid.org/0000-0003-4290-1045>

Аннотация: Цель – изучить возможности обеспечения устойчивого развития регионов России на основе использования цифровых технологий. Задачи: 1) определить региональные различия в уровне устойчивого развития территорий Российской Федерации, выявить регионы-лидеры, регионы-средняки и регионы-аутсайдеры; 2) провести сравнительный анализ показателей цифрового развития регионов России; 3) сформировать рекомендации по использованию потенциала цифровых технологий для обеспечения устойчивого развития регионов России. Научная новизна исследования состоит в выявлении территориальной специфики использования цифровых технологий, определяющей дифференциацию между регионами России в достижении целей устойчивого развития. Применен метод систематизации данных из открытых источников; экономический анализ; графический метод; индукция и дедукция; сравнение. Информационная база – материалы Федеральной службы государственной статистики, Statista, ООН, результаты выборочных исследований, реализованных Московским государственным институтом международных отношений МИД РФ, Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», а также законодательные и нормативные акты, регулирующие устойчивое и цифровое развитие регионов России. В результате установлены противоречия между региональными программами обеспечения устойчивого развития и стратегиями цифровой трансформации исследуемых регионов. Выявлено цифровое неравенство. Определены ключевые проблемы и ограничения устойчивого развития регионов России на основе использования потенциала цифровых технологий. Обосновано, что в настоящее время обеспечение устойчивого развития регионов определяется эффективностью мер политики цифрового выравнивания, определены ее направления и комплекс мер, ориентированных на преодоление существующих ограничений в устойчивом развитии регионов.

Ключевые слова: регион, региональная экономика, цифровые технологии, цифровое неравенство, устойчивое развитие, благополучие, государственная политика

Цитирование: Алехина О. Ф., Галиева Г. Ф., Труфанова С. А., Конищев Е. В. Устойчивое развитие региональных хозяйственных систем и потенциал цифровых технологий. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2026. Т. 11. № 1. С. 66–80. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-66-80>

Поступила в редакцию 17.07.2025. Принята после рецензирования 14.08.2025. Принята в печать 18.08.2025.

original article

Sustainable Development of Regional Economic Systems and Digital Technologies

Olga F. Alyokhina

Nizhny Novgorod National Research State University,
Russia, Nizhny Novgorod
eLibrary Author SPIN: 2855-0929
<https://orcid.org/0000-0002-8757-8993>

Gulnaz F. Galieva

Bashkir State Medical University Ministry of Health of the Russian
Federation, Russia, Ufa
Bashkir State Agrarian University, Russia, Ufa
eLibrary Author SPIN: 2796-7428
<https://orcid.org/0000-0002-0199-7784>

Svetlana A. Trufanova

Moscow University "Synergy", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 8099-8688
<https://orcid.org/0000-0002-0246-5616>
egenkak@gmail.com

Egor V. Konishchev

Moscow University "Synergy", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 3778-3967
<https://orcid.org/0000-0003-4290-1045>

Abstract: The current digital transformation makes Russia's regions look for new digital tools for sustainable development. The authors explored the possibilities of sustainable development across Russia and classified the regions as advanced, medium, or outsiders. A comparative analysis of indicators of digital development made it possible to formulate recommendations on using digital technologies for local sustainable development. The research revealed a gap between the goals of sustainable development and the implemented digitalization policy in some regions. The research relied on data systematization, economic analysis, graphical method, and other standard methods. The materials were obtained from the public sources of the Federal State Statistics Service, Statista, the United Nations, legislative and regulatory acts that regulate the sustainable and digital development of Russian regions, and sample studies conducted by the Moscow State Institute of International Relations and the Higher School of Economics. The contradictions between the regional programs for sustainable development and the actual digital transformation strategies correlated with digital inequality. The analysis highlighted the major problems and limitations of the sustainable development in Russian regions. Currently, the regional sustainable development depends on the effectiveness of digital alignment policy, its directions, and a set of measures aimed at overcoming the existing constraints in the sustainable development.

Keywords: region, regional economy, digital technologies, digital inequality, sustainable development, well-being, public policy

Citation: Alyokhina O. F., Galieva G. F., Trufanova S. A., Konishchev E. V. Sustainable Development of Regional Economic Systems and Digital Technologies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 66–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-66-80>

Received 17 Jul 2025. Accepted after review 14 Aug 2025. Accepted for publication 18 Aug 2025.

Введение

Современная концепция устойчивого развития предполагает использование цифровых технологий для достижения экономического, социального и экологического благополучия человека [1–3]. Это обусловлено укреплением наметившегося тренда проникновения цифровых технологий во все сферы деятельности жизни людей.

В настоящее время производственные процессы обеспечиваются частичной или полной автоматизацией. Система государственного управления функционирует в онлайн-режиме благодаря внедрению

цифровых решений в большинстве регионов [2]. Социальная сфера, прежде всего медицина и образование, имеет спектр услуг, осуществляемых полностью в удаленном формате, например телемедицина или онлайн-образование. Другие услуги, такие как регистрационные функции, связь с потребителем, продвижение услуг, также постепенно оцифровываются [3]. Однако доступность цифровых сервисов для населения и возможности их использования для повышения устойчивости региональных хозяйственных систем значительно дифференцированы.

Наблюдаемое цифровое неравенство между регионами РФ определяется различиями в доступе к сети Интернет, использованием цифровых сервисов, цифровой грамотностью населения территорий, а также дифференцированной онлайн-активностью населения. Такие различия создают барьер для устойчивого развития регионов и государства в целом. В связи с этим поиск преодоления существующих ограничений цифрового развития становится важной задачей для органов государственного управления всех уровней.

Научную основу статьи составляют:

1) работы [3; 4–7], в рамках которых обосновано существование цифрового разрыва между территориями и систематизированы связанные с этим угрозы для хозяйственных систем;

2) труды [8–12], раскрывающие проблемы обеспечения устойчивого развития территорий в эпоху цифровизации; в них исследуются новые возможности обеспечения устойчивого развития регионов России, в том числе за счет использования потенциала цифровых технологий, а также выделены существующие трудности и обоснованы инструменты их преодоления.

Кроме того, важное теоретико-методологическое значение для нас имеют публикации, в которых изучаются особенности воздействия факторов нестабильности на устойчивость региональных хозяйственных систем, например экономические шоки, эпидемиологические угрозы, внешнеэкономическая нестабильность и т. д. [12–14].

Гипотеза проводимого исследования заключается в предположении о том, что в настоящее время обеспечение устойчивого развития регионов определяется эффективностью мер политики цифрового выравнивания, направленной на расширение доступа к возможностям, инновациям и социальной инфраструктуре.

Цель исследования – изучить возможности обеспечения устойчивого развития регионов России на основе использования цифровых технологий. Задачи: 1) определить региональные различия в уровне устойчивого развития территорий России, выявить регионы-лидеры, регионы-середняки и регионы-аутсайдеры; 2) провести сравнительный анализ показателей цифрового развития регионов России; 3) сформировать рекомендации по использованию потенциала цифровых технологий

для обеспечения устойчивого развития регионов России. Научная новизна исследования состоит в выявлении территориальной специфики использования цифровых технологий, определяющей дифференциацию между регионами России в достижении целей устойчивого развития.

Применен метод систематизации данных из открытых источников; экономический анализ; графический метод; индукция и дедукция; сравнение. Информационная база – материалы Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Statista, ООН, результаты выборочных исследований, реализованных Московским государственным институтом международных отношений МИД РФ, Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», а также законодательные и нормативные акты, регулирующие устойчивое и цифровое развитие регионов России.

Результаты

Мировыми лидерами в области устойчивого развития в 2024–2025 гг. были Финляндия, Швеция и Дания¹. В России же, несмотря на среднюю позицию страны (51 место из 167 стран), утвержден перечень национальных показателей целей устойчивого развития (ЦУР)², сформирована институциональная база, определяющая инструменты и механизмы достижения поставленных целей. Однако анализ законодательных актов, формирующих институциональные основы обеспечения устойчивого развития и цифровизации в РФ, показал слабую степень пересечения целевых ориентиров документов, регулирующих обеспечение устойчивого развития России и регионов и стратегических задач реализации государственной политики цифрового развития. В частности, лишь в Национальной программе «Цифровая экономика РФ» определено, что «устойчивое развитие должно быть обеспечено за счет создания цифровой инфраструктуры, человеческого капитала и государственного управления»³.

Следует также отметить, что на региональном уровне существует большее количество комплементарных целей устойчивого и цифрового развития, представленных в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ и региональных программах цифрового развития, чем на национальном. Например, в постановлении «О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга

¹ Rankings. *Sustainable Development Report*. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/rankings> (accessed 10 Jul 2025).

² Национальный набор показателей ЦУР. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (дата обращения: 10.07.2025).

³ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017. СПС КонсультантПлюс.

на период до 2030 г.» прописаны задачи роста качества городской среды (транспорт, жилищные проблемы, инфраструктура), устойчивого экономического роста (в том числе с акцентом на высокотехнологичный сектор и экономику знаний) и развития человеческого капитала на основе внедрения автоматизированных систем мониторинга и планирования⁴. В Удмуртской Республике реализуется цифровизация государственных услуг, поддержка бизнеса через онлайн-платформы (ВКонтакте, MyTeam, myTarget), внедрение Big Data и технологий искусственного интеллекта, что повышает доступность государственных услуг, расширяет цифровую инфраструктуру и устойчивый бизнес-рост⁵. Цифровизация коммуникаций в Рязанской области (перевод эфирного вещания на цифровой формат, создание центров консультационной поддержки, охват населения цифровым телесигналом) напрямую поддержала социальное благополучие и доступ к информации для большей части населения⁶.

Между тем, говоря о современной интерпретации концепции устойчивого развития в рамках Индустрии 5.0, следует отметить, что на первый план среди инструментов обеспечения устойчивости выходят цифровые технологии. Другими словами, использование цифровых технологий и искусственного интеллекта происходит не ради самих технологий, а для достижения задач устойчивого развития – улучшения качества жизни населения и поддержания экологического благополучия.

Кроме того, внутри страны имеются регионы, которые в реализации политики устойчивого развития достигли значительных успехов. Так, согласно рейтингу устойчивого развития 2023 г., определены следующие **лидеры** – Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Белгородская область, Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)⁷. В программах социально-экономического развития указанных регионов заложены цели совершенствования цифровой инфраструктуры, ориентации применяемых технологий на обеспечение благополучия населения, повышение цифровой грамотности. Например, в рамках реализации этих целей в московском регионе определены десять отраслей цифровизации, включая применение Big Data и искусственного интеллекта,

биометрии и промышленного Интернета, используемых, в частности, в телемедицине, предоставлении электронных социальных услуг, образовании. В Санкт-Петербурге намечено применение технологий по таким направлениям, как искусственный интеллект, нейротехнологии, беспроводная связь, распределенные реестры, промышленный Интернет, электронные услуги. В Татарстане, помимо уже перечисленного, в программах развития используются цифровые двойники и платформенные решения, а доля электронных услуг в соответствии с целевыми ориентирами должна достигнуть в 2024 г. 95 % [15].

ЦУР в исследуемых регионах обычно не выделены отдельным документом, а интегрированы в региональные стратегии социально-экономического развития и программы цифровизации, экологии, социальной сферы и экономики:

1. О стратегии развития города Москвы на период до 2025 г. Постановление Правительства Москвы № 513-пп от 26.07.2007: ЦУР 3 (здоровье), 4 (образование), 7 (энергия), 9 (индустриализация, инфраструктура), 11 (устойчивые населенные пункты), 13 (климат);

2. О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г. Закон Санкт-Петербурга № 771-164 от 19.12.2018 (с изм. на 15.12.2025): ЦУР 3, 4, 8 (достойная работа и экономический рост), 9, 11, 13;

3. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.: ЦУР 3, 4, 7, 8, 9, 11, 13;

4. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2030 г. Постановление Правительства Белгородской области № 371-пп от 11.07.2023 (с изм. на 17.03.2025): ЦУР 2 (питание), 3, 4, 8, 9, 11, 12 (ответственное потребление и производство), 13;

5. О Стратегии социально-экономического развития ЯНАО до 2035 г. Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа № 478 от 24.07.2021 (с изм. на 17.12.2024): ЦУР: 3, 4, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 15 (сохранение экосистем суши).

Средняками рейтинга являются Республика Саха (Якутия), Рязанская область, Хабаровский край,

⁴ О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 г. Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 355 от 13.05.2025 (с изм. на 14.06.2017). *СПС Кодекс*.

⁵ Об утверждении Стратегии цифровой трансформации в Удмуртской Республике на период до 2030 г. Указ Главы Удмуртской Республики № 74 от 31.03.2020 (с изм. на 31.09.2022). *СПС Кодекс*.

⁶ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Рязанской области до 2030 г. (с изм. на 30.05.2023). *СПС Кодекс*.

⁷ Ренкинг регионов РФ по показателям достижения ЦУР ООН. *МГИМО Университет МИД России*. URL: <https://ranking.mgimo.ru/> (дата обращения: 10.07.2025).

Ставропольский край, Ненецкий автономный округ (НАО), Пензенская область. Стратегии этих регионов включают цели устойчивого развития, соответствующие федеральной повестке и международным стандартам:

1. О проекте Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 г. с определением целевого видения до 2050 г.: удовлетворение потребностей текущего периода без ущерба для будущих поколений и бережное отношение к природным экосистемам и окружающей среде;

2. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Рязанской области до 2030 г. (с изм. на 30.05.2023): экологическая политика, повышение инвестиционного потенциала, поддержка малого и среднего бизнеса, эффективное управление и общественное участие;

3. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 г. Постановление Правительства Хабаровского края № 215-пр от 13.06.2018: накопление человеческого капитала, развитие социальной сферы, создание и развитие инфраструктуры, поддержка предпринимательства и улучшение качества жизни населения;

4. О Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 г. Закон Ставропольского края № 110-кз от 27.12.2019: развитие человеческого потенциала, улучшение качества жизни, поддержка предпринимательства, развитие инфраструктуры и экологическая устойчивость;

5. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 г. Постановление Собрания депутатов Ненецкого автономного округа Восемнадцатой сессии 28-го созыва № 256-сд от 07.10.2019: оценка траекторий развития, улучшение социально-экономических факторов, развитие инфраструктуры и устойчивое использование природных ресурсов;

6. О Стратегии социально-экономического развития Пензенской области на период до 2025 г. Закон Пензенской области № 3323-зпо от 15.05.2019 (с изм. на 21.11.2025): обеспечение стабильного роста благосостояния населения, развитие человеческого капитала, улучшение качества жизни и экологическая устойчивость.

Аутсайдеры рейтинга – Республика Дагестан, Забайкальский край, Республика Алтай, Еврейская автономная область (АО), Республика Тыва. Стратегии социально-экономического развития

для указанных регионов, а также информация о включении целей устойчивого развития в эти документы следующие:

1. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 г. Закон Республики Дагестан № 70 от 12.10.2022: приоритеты, задачи и направления социально-экономического развития, согласованные с приоритетами и целями устойчивого развития РФ;

2. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Забайкальского края до 2035 г. Постановление Правительства Забайкальского края № 272 от 02.06.2023 (с изм. на 07.06.2024): разработана с учетом ключевых целей развития, определенных на федеральном уровне, включая цели устойчивого развития;

3. О Стратегии социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 г. Постановление Правительства Республики Алтай № 60 от 13.03.2018 (с изм. на 21.04.2025): основные стратегические приоритеты (но конкретное упоминание целей устойчивого развития не указано);

4. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2030 г. Постановление Правительства Еврейской автономной области № 419-пп от 15.11.2018 (с изм. на 11.06.2025): определение системы целей, задач и приоритетов, являющихся основой региональной системы стратегического планирования, включая цели устойчивого развития;

5. О Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 г. Постановление Правительства Республики Тыва № 638 от 24.12.2018 (с изм. на 17.01.2023): определение приоритетов, целевых ориентиров, задач и направлений социально-экономического развития республики, включая цели устойчивого развития.

Проанализируем, каким образом регионы-лидеры устойчивого развития реализуют задачи цифровизации, внедряют цифровые технологии для обеспечения благополучия территорий и какие цели регионального цифрового развития соответствуют концепции *Индустрия 5.0*.

Одним из ключевых показателей цифрового развития территории является сформированность цифровой инфраструктуры. Однако данные, представленные на рисунке 1⁸, не позволяют идентифицировать четкой зависимости между реализацией

⁸ Сост. по: Информационное общество. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 10.07.2025).

целей устойчивого развития и уровнем сформированности цифровой инфраструктуры региона. Например, в регионах-аутсайдерах по устойчивому развитию достигнут высокий уровень проникновения Интернета (доступ к нему имеют 96,7 % домашних хозяйств и 78,5 % организаций региона) и поддерживается широкополосный доступ к Сети. Вместе с тем регион-лидер по устойчивому развитию Санкт-Петербург имеет сравнительно скромные показатели развития цифровой инфраструктуры (доступ к сети Интернет имеют 88 % домохозяйств и 81,2 % организаций региона).

Анализируя показатели развития цифровой инфраструктуры, следует обратить внимание на такой фактор, как соотношение между сельскими и городскими территориями, а также между населением, проживающим в них. Так, в исследуемых регионах выявлены существенные различия в доли городского населения. В Москве и Санкт-Петербурге она составляет 100,0 %, в ЯНАО – 85,3 %, в Хабаровском крае – 83,5 %, в Татарстане – 76,7 %, в НАО – 74,9 %, в Рязанской области – 71,5 %, в Еврейской АО – 71,0 %, в Забайкальском крае – 70,0 %. В остальных регионах доля городского населения составляет менее 70,0 % (в Пензенской области, Якутии, Белгородской области, Ставропольском крае, Алтае и Тыве – 69,0, 67,8, 65,4, 60,8, 58,7, 56,1 % соответственно). Регионом с наименьшей долей городского населения является Дагестан (45,2 %)°.

Данный фактор следует учитывать при реализации государственной политики цифрового развития регионов, т.к. доступ к сети Интернет традиционно выше в городских домохозяйствах, а сельское население чаще сталкивается с проблемой низкой цифровой грамотности, ограниченной скоростью распространения Интернета. Динамика использования интернет-сервисов в сельских поселениях ниже, чем в городских. Кроме того, сельские и отдаленные территории в меньшей степени обеспечены широкополосным доступом к сети Интернет, поэтому мобильный доступ частично компенсирует существующий разрыв. Например, по данным Statista, в 2023 г. 89,5 % городских домохозяйств России имели доступ к Интернету, тогда как доля домохозяйств в сельской местности, имеющих доступ к Интернету, была значительно ниже –

83,1 %¹⁰. Помимо этого, частота использования сети Интернет в сельских территориях значительно ниже, чем в городских. Так, по данным Statista за 2023 г., 7,7 % сельского населения никогда не использовали Интернет¹¹.

Доступ к сети Интернет определяет возможности населения и организаций осуществлять различные виды онлайн-деятельности и вносить вклад в обеспечение устойчивого развития территории. В данном контексте речь идет о реализации предпринимательской активности населения в онлайн-пространстве, о расширении способов приобретения товаров и услуг в сети Интернет, о получении государственных и муниципальных услуг в онлайн-режиме, о возможностях доступа к образовательным и медицинским услугам, об организации деятельности, направленной на минимизацию экологических рисков.

Цифровизация открывает новые направления предпринимательской активности в рамках реализации ЦУР 8, 9 и 10 «Сокращение неравенства» (табл.).

Таким образом, примеры регионов-лидеров демонстрируют успешное использование цифровых технологий и решения для стимулирования предпринимательской активности населения в рамках обеспечения устойчивого развития.

Важной составляющей цифрового развития регионов является цифровизация системы государственного управления и оказания государственных услуг. Слабое развитие цифровых государственных сервисов ограничивает участие населения в принятии государственных решений, мониторинге бюджета и экологических рисков, что делает государственную систему менее адаптивной и устойчивой.

Среднее значение доли населения, использовавшего Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, по исследуемым регионам составляет 50,3 %. Среди них лидирует Москва (98,1 %), остальные десять регионов (ЯНАО, Ставропольский край, Татарстан, Санкт-Петербург, Якутия, Хабаровский край, Дагестан, Забайкальский край, Белгородская область) превосходят указанное среднее значение (66,3 64,0, 63,0, 62,0, 60,7, 58,0, 57,0, 53,0, 51,1 % соответственно). Последние шесть регионов отстают: минимальное значение 11,0 % зафиксировано в Республике Тыва, далее следуют

° Численность и состав населения. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>; Иволгин А. Сколько россиян живет в городах, а сколько – в селах. *Т-Ж*. 26.05.2025. URL: <https://t-j.ru/gorod-i-selo/> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁰ Share of households with internet access in Russia in 2023, by area. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1004225/household-internet-usage-by-area-russia> (accessed 10 Jun 2025).

¹¹ Internet usage frequency in Russia in 2023, by area. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1004675/internet-usage-frequency-russia/> (accessed 10 Jun 2025).

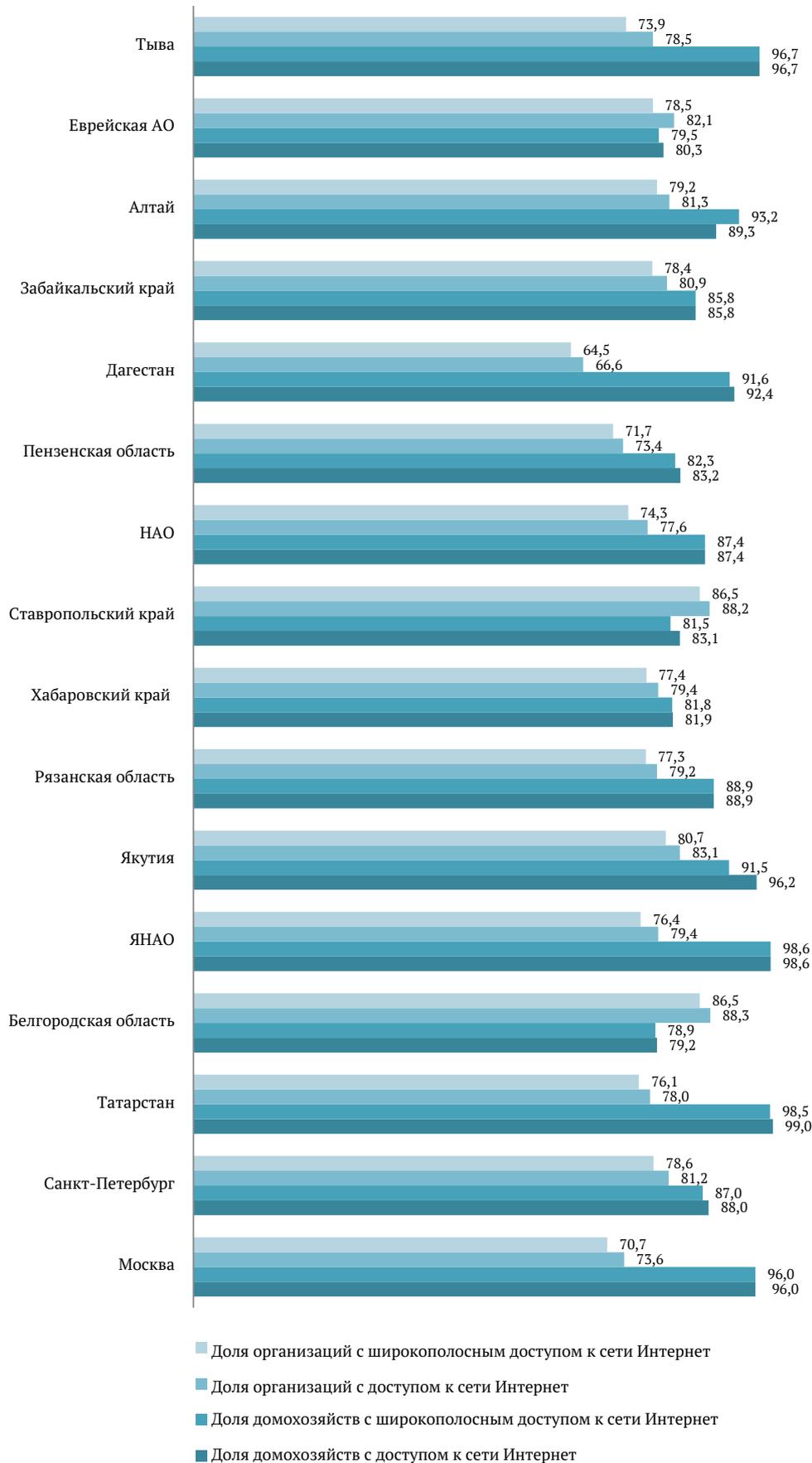

Рис. 1. Доступ к сети Интернет и широкополосный доступ к сети Интернет в домохозяйствах и организациях регионов России, 2023 г.

Fig. 1. Internet access and broadband internet access in households and companies across Russia, 2023

Еврейская АО, НАО, Алтай, Пензенская и Рязанская области (48,1, 47,7, 29,0, 19,4, 16,0 % соответственно)¹². Таким образом, в крупных городах доля онлайн-пользователей государственных услуг высокая, тогда как в отдаленных регионах она сильно варьируется.

Существующее неравенство в получении государственных и муниципальных услуг препятствует:

- обеспечению равного доступа к услугам для всех социальных групп (ЦУР 10);
- созданию возможностей для использования онлайн-сервисов населением отдаленных

и сельских территорий, лицами с ограниченными возможностями без необходимости личного визита в государственные структуры (ЦУР 10);

- повышению прозрачности и эффективности государственного управления (ЦУР 16 «Сильные институты»);
- снижению административных барьеров, облегчению контроля за процессами и уменьшению рисков коррупции (например, электронная регистрация бизнеса и получение лицензий в Москве и Татарстане);

Табл. Региональные инициативы по применению цифровых технологий и решений для реализации предпринимательской активности населения в рамках достижения ЦУР

Tab. Regional initiatives on the use of digital technologies for sustainable business solutions

Регион	Инициатива	Соответствие ЦУР
Москва	Реализация программ Московского инновационного кластера ¹⁵ по поддержке ИТ-стартапов и предприятий	ЦУР 8; ЦУР 9
	Развитие цифровых платформ для малого бизнеса и самозанятых (стимулирование занятости, создание новых рабочих мест) ¹⁴	ЦУР 8
	Внедрение и совершенствование цифровых сервисов развития городской инфраструктуры ¹⁵	ЦУР 9
	Расширение доступа к государственным и финансовым услугам для населения	ЦУР 10
Санкт-Петербург	Реализация проектов с применением технологий искусственного интеллекта и FinTech ¹⁶	ЦУР 9
	Развитие технологических центров и промышленных парков для создания новых рабочих мест	ЦУР 8; ЦУР 9
	Реализация специальных мер для расширения доступа социально-уязвимых слоев населения к онлайн-сервисам государственных услуг ¹⁷	ЦУР 10
Татарстан	Подготовка ИТ-специалистов на базе Иннополиса ¹⁸	ЦУР 8; ЦУР 9
	Реализация программ развития предпринимательства через цифровые платформы	
	Обеспечение доступа жителей сельских территорий к онлайн-образовательным платформам и порталам предпринимательства ¹⁹	ЦУР 10

¹² Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 10.07.2025).

¹³ Московский инновационный кластер. URL: <https://i.moscow/> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁴ Цифровое деловое пространство. URL: <https://cdp.moscow/> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁵ Московский инновационный кластер...

¹⁶ Журавлева А. Цифровизация Петербурга пойдет по платформенному пути. *РБК+*. 27.11.2024. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/6746e7197a8aa9ee0f3d3500> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁷ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Санкт-Петербурга. *Комитет по информатизации и связи*. URL: <https://kis.gov.spb.ru/proekty/strategiya-v-oblasti-cifrovoj-transformacii-otraslej-ekonomiki-socialnoj-sfery-i-gosudarstvennogo-up/> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁸ Университет Иннополис. *Татарстан – республика достижений*. URL: <https://tatarstan.top/achievement/universitet-innopolis> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁹ Университет Иннополис представил Единую образовательную платформу для студентов, преподавателей, сотрудников коммерческих компаний и госсектора. *Министерство образования и науки Республики Татарстан*. URL: <https://mon.tatarstan.ru/index.htm/news/2195897.htm> (дата обращения: 10.07.2025).

- оптимизации затрат и рациональному использованию ресурсов (ЦУР 12);
- упрощению получения социальных услуг, связанных со здоровьем и образованием (ЦУР 3 и 4);
- повышению качества жизни населения регионов путем организации онлайн-записи к врачам, оформления пособий, подачи заявлений в образовательные учреждения (ЦУР 3 и 4);
- развитию городской и региональной инфраструктуры на основе применения цифровых технологий (ЦУР 11), например, путем внедрения системы «Умный город» с онлайн-платформами для оплаты коммунальных услуг, получения справок и решения повседневных вопросов в Казани, Москве и Сочи.

Цифровая трансформация сферы образования отдаленных и малозаселенных территорий способствует не только повышению уровня образованности людей, но и сокращению неравенства. Рассмотрим региональные особенности цифровой трансформации сферы образования и их соответствие ЦУР на примере отдаленных и малозаселенных территорий:

6. ЯНАО: разработка и реализация систем дистанционного образования в условиях отдаленности и с учетом климатических особенностей территории; разработка электронных учебников и организация онлайн-обучения для школ в малочисленных поселениях²⁰ (ЦУР 4 и 10);

7. Якутия: организация дистанционного образования в отдаленных районах региона; адаптация цифровой образовательной среды к особым географическим и климатическим условиям²¹ (ЦУР 4 и 10);

8. Хабаровский край: развитие цифровых образовательных ресурсов для школ и колледжей; обеспечение доступа к получению дистанционного образования в отдаленных районах²² (ЦУР 4 и 10);

9. НАО: адаптация моделей дистанционного обучения к отдаленным территориям с малой плотностью населения; реализация программ оснащения школ высокоскоростным Интернетом и современным программным обеспечением²³ (ЦУР 4 и 10);

10. Алтай: цифровизация образовательных учреждений для развития малых и горных населенных пунктов; реализация онлайн-программ для школьников в труднодоступных районах региона²⁴ (ЦУР 4 и 10);

11. Тыва: развитие платформ дистанционного обучения для отдаленных школ; оборудование образовательных учреждений в рамках реализуемых национальных проектов²⁵ (ЦУР 4 и 10).

В труднодоступных и отдаленных районах ограничен доступ к высокоскоростному Интернету, а реализация образовательных программ в дистанционном формате оказывается затрудненной. Профессиональная переподготовка кадров и подготовка педагогических кадров онлайн также ограничены [16; 17]. Анализ региональных инициатив в данной области показывает, что усилия регионов с отдаленными, малозаселенными территориями во многом схожи.

Важным направлением развития социальной сферы регионов является цифровизация медицинских услуг. Проблему удаленности территории и нехватки специалистов стали решать сервисы телемедицины [18–21]. Реализации целей устойчивого развития также способствует внедрение электронных медицинских карт, работа порталов государственных услуг, которые упрощают запись в лечебные учреждения и оптимизируют обмен медицинской информацией. Помимо этого, в регионах со специфическими географическим и климатическими условиями создаются мобильные медицинские комплексы с цифровым оборудованием. Рассмотрим более подробно направления

²⁰ Цифровая школа ЯНАО. *Моя школа в online*. URL: <https://cifra-school.ru/cifrovaya-shkola-yanao> (дата обращения: 10.07.2025).

²¹ Сеть школ – спутников Арктической школы. *Arctic School. Арктическая школа*. URL: <https://arctic-school.com/netschool/>; В 40 образовательных организациях нашей республики открылись новые пространства проекта «Цифровая образовательная среда». *Институт новых технологий Республики Саха (Якутия)*. 09.09.2024. URL: <https://intsakha.ru/2024/09/09/v-40-obrazovatelnyh-organizaciyah-nashej-respubliki-otkrylis-novye-prostranstva-proekta-czifrovaya-obrazovatel'naya-sreda>; Романова И. Новый вектор развития образования. *Саха Парламент*. 28.11.2020. URL: <https://www.sakharparliament.ru/ekonomika/tsifrovizatsiya/3960-novyy-vektor-razvitiya-obrazovaniya> (дата обращения: 10.07.2025).

²² «Хабаровский технологический колледж». *Профессионалитет 2024*. URL: <https://khtk27.ru/distsionnaya-forma-obucheniya>; Дистанционное обучение в Хабаровске. *vuz24.ru*. URL: <https://vuz24.ru/regions/khabarovsk> (дата обращения: 10.07.2025).

²³ Цифровое образование: «Ростелеком» в Надыме обеспечил интернет для школьников на дистанте. *Ростелеком*. 09.02.2022. URL: https://www.company.rt.ru/press/news_fill/d462092 (дата обращения: 10.07.2025).

²⁴ Более трех тысяч жителей Алтая изучают контент в сфере цифровых технологий. *Национальные проекты России*. 24.01.2022. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/bole-3-tys-zhiteley-altaya-izuchayut-kontent-v-sfere-tsifrovoykh-tekhnologiy>; Маленьким регионам – большие и современные школы. *Официальный портал Республики Тыва*. 18.04.2024. URL: <https://rtyva.ru/press/news/1538/> (дата обращения: 10.07.2025).

²⁵ Об утверждении Концепции внедрения целевой модели цифровой образовательной среды в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях Республики Тыва в 2020–2022 гг. Распоряжение Правительства Республики Тыва № 280-р от 25.06.2019 (с изм. на 21.03.2022). *СПС Кодекс*.

цифровой трансформации медицинской сферы и их соответствие ЦУР на примере отдельных регионов Российской Федерации:

1. Белгородская область: совершенствование региональной системы ЕМИАС Белгородской области (электронная запись, электронная карта); реализация программ по оборудованию автоматизированных рабочих мест врачей с доступом к цифровым данным²⁶ (ЦУР 3 и 9);

2. Рязанская область: развитие цифровой платформы «Электронное здравоохранение Рязанской области» (электронная запись, интеграция с федеральными сервисами); внедрение электронных рецептов и системы дистанционного консультирования²⁷ (ЦУР 3 и 9);

3. Пензенская область: развитие системы электронной записи и ее интеграция с федеральными платформами; адаптация системы электронных рецептов к специфике региона²⁸ (ЦУР 3 и 9);

4. Ставропольский край: развитие цифровой платформы «Здоровье Ставрополя» (электронная медицинская карта, онлайн-запись, дистанционные консультации); оснащение медицинских учреждений в сельской местности доступом к сети Интернет и цифровыми сервисами²⁹ (ЦУР 3 и 9);

5. Дагестан: цифровизация поликлиник и районных больниц в рамках реализуемого национального проекта «Здравоохранение»; развитие спектра телемедицинских консультаций между районными и республиканскими больницами³⁰ (ЦУР 3 и 9);

6. Забайкальский край: создание электронного хранилища медицинских данных пациентов; реализация проектов по развитию сервисов

телемедицины для приграничных и отдаленных районов³¹ (ЦУР 3 и 9);

7. Еврейская АО: развитие сети телемедицинских кабинетов на базе районных больниц; создание единой региональной информационной медицинской системы³² (ЦУР 3 и 9).

Итак, реализуемые меры в области цифровизации медицинской сферы в различных регионах страны схожи. Однако географическая и климатическая специфика некоторых регионов требует большего внимания региональных властей к развитию сервисов телемедицинских услуг как инструмента обеспечения устойчивого развития отдаленных, труднодоступных и малозаселенных территорий.

Проекты в области разработки цифровых платформ, мониторинга окружающей среды и поддержки экоприложений активно внедряются регионами-лидерами устойчивого развития. Например, в Москве внедрена Единая система государственного экологического мониторинга, объединяющая стационарные и мобильные пункты контроля загрязнения воздуха, воды, шума, зеленых насаждений, почв и геологических процессов³³; создана автоматизированная информационная система «Реестр зеленых насаждений», и спроектированы интеллектуальные датчики, позволяющие производить мониторинг деревьев с высокой точностью для своевременного предотвращения их деградации [22]; внедряются зеленые стартапы и экосервисы (в частности, карта несанкционированных свалок и оповещения «МусорНЕТ», сервисы выдачи контейнеров и сбора твердых коммунальных отходов «Убери» и «Sborbox», фандоматы для приема

²⁶ Об утверждении государственной программы Белгородской области «Развитие здравоохранения Белгородской области». Постановление Правительства Белгородской области № 733-пп от 18.12.2023 (с изм. на 25.06.2025). *СПС Кодекс*.

²⁷ Запись к врачу на портале Госуслуг. *ГДП* 7. 01.08.2023. URL: <https://gdp7.medgis.ru/materials/view/zapis-cherез-portal-gosuslugi-9973>; В Рязанской области в 2023 году внедряют электронные медицинские карты. *Издательство «Пресса»*. 29.11.2022. URL: <https://ryazpressa.ru/v-ryazanskoj-oblasti-v-2023-godu-vnedryat-elektronnye-medicinskie-karty> (дата обращения: 10.07.2025).

²⁸ Сурский доктор. URL: <https://doktor.gorpnz.ru> (дата обращения: 10.07.2025); Об использовании рецептов на лекарственные препараты в форме электронных документов. Постановление Правительства Пензенской области № 226-пп от 28.03.2023. *ИПП Гарант*.

²⁹ Ставропольский край повышает уровень цифровизации здравоохранения. *ComNews*. 15.08.2023. URL: <https://www.comnews.ru/content/228151/2023-08-15/2023-w33/stavropolskiy-kрай-povyshaet-uroven-cifrovizacii-zdravookhraneniya>; На Ставрополье телемедицина становится доступнее. *ВЕСТИ Ставрополье*. 08.06.2021. URL: <https://vesti26.ru/news/151105> (дата обращения: 10.07.2025).

³⁰ Около 130 медорганизаций в Дагестане подключены к государственной системе здравоохранения. *Интерфакс*. 26.05.2023. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/main/okolo-130-medorganizaciy-v-dagestane-podklyucheny-k-gosudarstvennoy-sisteme-zdravookhraneniya>; Алимирзаева З. Оздоровление медицины. Реализация программы «Здравоохранение» в Дагестане. *Aif.ru*. 24.12.2019. URL: https://aif.ru/society/healthcare/ozdorovlenie_mediciny_realizaciya_programmy_zdravookhranenie_v_dagestane (дата обращения: 10.07.2025).

³¹ Телемедицина в Забайкалье. *EverCare*. 27.12.2019. URL: <https://evercare.ru/news/telemedicina-v-zabaykayle>; «Забайкалье.Здоровье»: для жителей края начнут работать медицинские telegram-чаты. *Официальный портал Забайкальский край*. 28.02.2023. URL: <https://75.ru/news/310352> (дата обращения: 10.07.2025).

³² Телемедицинский комплекс запустили в областной больнице ЕАО. *Известия*. 15.01.2020. URL: <https://iz.ru/964360/2020-01-15/telemeditsinskii-kompleks-zapustili-v-oblastnoi-bolnitse-eao>; Около 300 млн рублей направят на цифровизацию здравоохранения к 2024 году в ЕАО. *ТАСС*. 18.04.2019. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6347094> (дата обращения: 10.07.2025).

³³ Французова П. Эксперты обсудили цифровую трансформацию экологии. *vm.ru*. URL: <https://vm.ru/society/991544-eksperty-obsudili-cifrovuyu-transformaciyu-ekologii> (дата обращения: 10.07.2025).

пластика и алюминия BottleBank)³⁴. В Татарстане создана и активно развивается Цифровая платформа отрасли экологии и природопользования, которая позволяет оперативно диагностировать состояние недр, оформлять нарушения и штрафы, осуществлять контроль воздуха, отображать пункты раздельного сбора отходов³⁵. Это соответствует реализации нескольких ЦУР: 6 (чистая вода и санитария), 9, 11, 13, 15. Однако реализация подобных проектов в регионах-середняках и аутсайдерах устойчивого развития затруднена из-за необходимости серьезных финансовых вложений и иной приоритезации их развития.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о существовании ряда проблем и противоречий в обеспечении устойчивого развития регионов России на основе использования цифровых технологий (рис. 2).

Для преодоления существующих ограничений в устойчивом развитии прежде всего регионами-середняками и аутсайдерами, по мнению авторов, требуется реализация комплекса мер государственной политики с акцентом на следующие зоны:

1. Совершенствование нормативно-правовой и управленческой базы в регионах.

1.1. Интеграция нормативно-правовой базы, регулирующей цифровое развитие региона, с целями устойчивого развития (конкретизация цели устойчивого развития в рамках принятой региональной стратегии или программы цифровой трансформации (примером может стать институциональная база,

сформированная в Москве и Татарстане)); создание межведомственных координационных советов и рабочих групп, объединяющих представителей профильных министерств (экономики, связи, экологии, образования, здравоохранения) с привлечением представителей бизнес-структур и некоммерческих организаций для синхронизации цифровых проектов с задачами в социальной и экологической сферах. В региональных стратегиях социально-экономического развития Белгородской, Рязанской, Пензенской областей и Дагестана следует закрепить целевые показатели цифровизации как инструменты повышения качества жизни и устойчивого развития.

1.2. Важным моментом является реактуализация нормативно-правовой базы на региональном уровне в части принятия региональных законов и подзаконных актов по вопросам оказания цифровых государственных услуг, работы сервисов электронного образования и здравоохранения, обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных.

1.3. Для регионов, которые отстают в обеспечении устойчивого развития важно участие в федеральных инициативах и грантовых программах для получения возможных выгод и внешней поддержки. В частности, подобный эффект может обеспечить вовлечение в программы Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Министерства экономического развития РФ и Министерства науки и высшего образования РФ по поддержке развития цифровой инфраструктуры

Рис. 2. Проблемы и ограничения устойчивого развития регионов России на основе использования потенциала цифровых технологий
Fig. 2. Problems and limitations of sustainable development of Russian regions based on digital potential

³⁴ Парфененкова М. Москва поддерживает зеленые стартапы. *Ведомости*. 30.11.2023. URL: https://www.vedomosti.ru/esg/science_and_technology/articles/2023/11/30/1008728-moskva-podderzhivaet-zelenie-startapi (дата обращения: 10.07.2025).

³⁵ Реализация проектов по цифровой трансформации. *Министерство экологии и природных ресурсов Республики Татарстан*. URL: <https://eco.tatarstan.ru/realizatsiya-proektov-po-tsifrovoy-transformatsii.htm> (дата обращения: 10.07.2025).

и цифровой грамотности. Это становится особенно актуальным для регионов-аутсайдеров, таких как Тыва, Алтай, Забайкальский край, т.к. может стать определяющим фактором в процессе привлечения ресурсов и экспертизы.

2. Расширение цифровой инфраструктуры.

2.1. Для малых населенных пунктов и отдаленных территорий (ЯНАО, Якутии, Тывы, Забайкальского края) инфраструктурные меры должны включать реализацию проектов по установке базовых станций мобильной связи, расширение сети магистральных и распределительных волоконно-оптических линий связи (при поддержке федерального центра), а также внедрение спутниковых интернет-технологий (мера особенно актуальная для труднодоступных территорий, где строительство традиционных сетей экономически нецелесообразно) [23–25]. В условиях ограниченной скорости связи (например, в Якутии и на Алтае) необходимо проектирование локальных цифровых платформ, которые будут оптимизированы под специфику территорий.

2.2. Проблему финансирования указанных проектов может решить привлечение частных инвесторов и организация государственно-частных партнерств, что особенно важно в Дагестане, на Алтае, в НАО. Развитие цифровых сетей в сельской местности требует расширения применительной практики субсидий и грантов.

2.3. Необходима организация надлежащего контроля реализации проектов расширения цифровой инфраструктуры, в связи с чем требуется создание региональных центров мониторинга цифрового развития с открытым доступом к данным о покрытии, скорости интернет-соединения, мониторинг цифрового неравенства [26]. Следует создать механизм получения обратной связи от населения и предприятий, а также обеспечить регулярное обновление карт покрытия Сети и общественного доступа.

3. Реализация мер по сглаживанию цифрового неравенства среди населения.

3.1. Регионам-лидерам устойчивого развития, прежде всего Москве, Санкт-Петербургу, Татарстану, Белгородской области, повысить эффективность государственной политики могут помочь такие меры, как конструирование общественных цифровых пространств, например библиотек, многофункциональных центров, коворкинг-центров с бесплатным интернет-доступом, а также реализация нарративных программ по обеспечению малообеспеченных групп населения цифровыми устройствами и интернет-доступом.

3.2. Для отдаленных и труднодоступных регионов, а также сельских территорий (Якутия, Тыва, Алтай,

НАО, ЯНАО) рекомендованы меры, которые направлены на создание точек коллективного доступа и связаны с внедрением спутникового Интернета.

3.3. Во всех регионах России существует проблема низкой цифровой грамотности населения, преодоление которой кроется в популяризации и проведении образовательных программ и курсов по цифровой грамотности для различных возрастных и социальных групп; проектировании обучающих платформ с учетом специфики территорий (например, культурных и языковых особенностей для Дагестана, Якутии, Тывы); реализации программ цифрового наставничества для пожилых граждан и представителей социально уязвимых групп населения.

3.4. Регионы с высокой долей сельского населения (Белгородская область, Ставропольский край, Якутия, Дагестан, Алтай, Тыва) могут реализовать специализированные программы цифровизации, адаптированные для аграрного сектора и обучения фермеров и предпринимателей. Также для этих регионов актуально создание мобильных сервисов в сфере здравоохранения, образования, оказания государственных услуг.

3.5. Решению проблемы цифрового неравенства способствует организация регулярного мониторинга на основе утвержденной системы показателей регионального развития, адаптация реализуемых мер по снижению цифрового разрыва в процессе наблюдения.

Заключение

В статье отражена специфика обеспечения устойчивого развития регионов РФ на основе использования цифровых технологий. Проанализирован рейтинг регионов России по устойчивому развитию. Для анализа выбраны пять регионов-лидеров (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Белгородская область, ЯНАО), пять регионов-середняков (Якутия, Рязанская область, Хабаровский и Ставропольский край, НАО, Пензенская область) и пять регионов-аутсайдеров (Дагестан, Забайкальский край, Алтай, Еврейская АО, Тыва).

Проведен анализ программ и стратегий устойчивого развития регионов и установлено их соответствие целям и задачам цифровой трансформации территорий. Анализ реализовывался по следующим направлениям: развитие цифровой инфраструктуры, влияние цифровизации на развитие предпринимательских структур в регионе (как источник роста благосостояния населения), доступность цифровых государственных услуг, реализация проектов по цифровизации социальной сферы (образование, медицина), а также экологических инициатив регионов.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о существовании противоречий между региональными программами обеспечения устойчивого развития и стратегиями цифровой трансформации территорий. Выявлены факты проявления цифрового неравенства.

Определены ключевые проблемы и ограничения устойчивого развития регионов России на основе использования потенциала цифровых технологий. Обосновано, что в настоящее время обеспечение устойчивого развития регионов определяется эффективностью мер политики цифрового выравнивания, направленных на расширение доступа к возможностям, инновациям и социальной инфраструктуре.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Karpunina E. K., Kosorukova I. V., Dubovitski A. A., Galieva G. F., Chernenko E. M. State policy of transition to Society 5.0: Identification and assessment of digitalisation risks. *International Journal of Public Law and Policy*, 2021, 7(4): 334–350. <https://doi.org/10.1504/IJPLAP.2021.118895>
2. Карпунина Е. К., Горбунова О. Н. Потенциал технологий Индустрии 4.0 в решении социально-экономических проблем современного общества. *Друкерровский вестник*. 2020. № 5. С. 48–60. [Karpunina E. K., Gorbunova O. N. Industry 4.0 technologies potential in solving socio-economic problems of modern society. *Drukerovskij vestnik*, 2020, (5): 48–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-5-48-60>
3. Petrov I. V., Plyasova S. V., Kolomytseva O. Yu., Yakovleva I. K., Kuzmenko N. I. Regional features of digital transformation during the pandemic. Challenges of the modern economy. *Digital technologies, problems, and focus areas of the sustainable development of country and regions*, eds. Buchaev Ya. G., Abdulkadyrov A. S., Ragulina J. V., Khachatryan A. A., Popkova E. G. Cham: Springer, 2023, 515–521. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29364-1_101
4. Karpunina E. K., Beilina A. F., Butova L. M., Trufanova S. A., Astakhin A. S. Towards sustainable development through bridging digital penetration gaps. *Scientific and technical revolution: Yesterday, today and tomorrow*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2020, 476–485. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_53
5. Karpunina E. K., Lapushinskaya G. K., Arutyunova A. E., Lupacheva S. V., Dubovitski A. A. Dialectics of sustainable development of digital economy ecosystem. *Scientific and technical revolution: Yesterday, today and tomorrow*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2020, 486–496. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_54
6. Karpunina E. K., Zabelina O. V., Lupacheva S. V., Mirzabalaeva F. I., Alieva P. R. Assessment of interregional divides in digital development as a basis for the policy of overcoming Russia's digital lag. *International Journal of Technology Policy and Management*, 2023, 23(2): 148–169. <https://doi.org/10.1504/ijtpm.2023.131373>
7. Плясова С. В., Языкова С. В., Конищев Е. В., Арасланбаев И. В. Теоретико-методические основы исследования цифровой инклюзии в России. *Вестник Сургутского государственного университета*. 2023. Т. 11. № 2. С. 46–60. [Plyasova S. V., Yazykova S. V., Konishchev E. V., Araslanbaev I. V. Theoretical and methodological foundations of digital inclusion in Russia. *Surgut. State University Journal*, 2023, 11(2): 46–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-2-46-60>
8. Корякина Т. В., Башлыков Т. В., Шевцов Н. А., Плеханова Е. О. Перспективы реализации модели ответственного производства и потребления в период нестабильности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 1. С. 109–118. [Koryakina T. V., Bashlykov T. V., Shevtsov N. A., Plekhanova E. O. Prospects for implementing a responsible production and consumption model in a period of instability. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 109–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-109-118>
9. Materova E. S., Petrov I. V., Pilipchuk N. V., Ponomarev S. V., Shvetsova I. N. Ensuring the sustainable development of Russian regions: The practice of new times. Ecological footprint of the modern economy

- and the ways to reduce it. *The role of leading technologies and responsible innovations*, eds. Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Chursin A. A., Ragulina Yu. V. Cham: Springer, 2024, 469–475. https://doi.org/10.1007/978-3-031-49711-7_77
10. Галиева Г. Ф., Грибок Н. Н., Иода Ю. В., Пономарев С. В. Развитие регионов России в условиях неопределенности внешней среды. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 378–390. [Galieva G. F., Gribok N. N., Ioda Yu. V., Ponomarev S. V. Development of the Russian regions under environmental uncertainty. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 378–390. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-378-390>
 11. Хашир Б. О., Удовик Е. Э., Швецова И. Н., Кузьменко Н. И. Устойчивость региональных хозяйственных систем в условиях санкционных ограничений внешнеэкономической деятельности. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2023. Т. 17. № 2. С. 79–91. [Khashir B. O., Udovik E. E., Shvetsova I. N., Kuzmenko N. I. Stability of regional economic systems in the conditions of sanctions restrictions of foreign economic activity. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management*, 2023, 17(2): 79–91. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/em230206>
 12. Региональные хозяйственные системы и риски современности, ред. Б. О. Хашир. М.: Рускайнс, 2023. 256 с. [*Regional economic systems and modern risks*, ed. Khashir B. O. Moscow: Ruscience, 2023, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hwayuv>
 13. Карпунина Е. К., Галиева Г. Ф., Федотова Е. В. Что день грядущий нам готовит: о новых вызовах экономической безопасности в эпоху нестабильности. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2022. № 1. С. 86–103. [Karpunina E. K., Galieva G. F., Fedotova E. V. What the coming day has in store for us: On new challenges to economic security in an era of instability. *Bulletin of Tver State University. Series: Economy and Management*, 2022, (1): 86–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2022.1.086-103>
 14. Mejokh Z., Korolyuk E., Sozaeva D., Pilipchuk N., Karpunina E. Economic security of Russian regions: Risk factors and consequences of the COVID-19 pandemic. *Proceedings of the 36th IBIMA Conference*, Granada, 4–5 Nov 2020. IBIMA, 2020, 8197–8205. <https://elibrary.ru/ijnevm>
 15. Ястребов А. П. Управление процессами развития цифровой экономики регионов. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2022. № 1. [Yastrebov A. P. Management of the development processes of the digital economy of the regions. *Regional economy and management: Electronic scientific journal*, 2022, (1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1999-2645-2022-169-2>
 16. Черненко Е. А., Соловьева Т. В. Дистанционное образование в регионе: опыт, проблемы, пути развития. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 5-3. С. 115–119. [Chernenko E. A., Soloveva T. V. Distance education in the regions: Experience, problems, ways of development. *International Research Journal*, 2022, (5-3): 115–119. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.119.5.095>
 17. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120. [Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels. *RUDN Journal of Sociology*, 2019, 19(1): 108–120. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>
 18. Левахина Ю. С., Поликарпов А. В., Голубев Н. А., Себелев А. И. Анализ применения телемедицинских технологий при оказании медицинской помощи пациентам Волгоградской области. *Волгоградский научно-медицинский журнал*. 2025. Т. 22. № 1. С. 66–72. [Levakhina Yu. S., Polikarpov A. V., Golubev N. A., Sebelev A. I. Analysis of the use of telemedicine technologies in providing medical care to patients in the Volgograd Region. *Volgograd Journal of Medical Research*, 2025, 22(1): 66–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19163/2658-4514-2025-22-1-66-72>
 19. Рылов А. В., Бакланова Ю. О., Осокина А. А. Развитие региональных телемедицинских сетей в России (на примере Приволжского федерального округа). *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2007. № 4. [Rylov A. V., Baklanova Yu. O., Osokina A. A. Development of regional telemedicine networks in Russia (for example, the Volga Federal District). *Regional economy and management: Electronic scientific journal*, 2007, (4). (In Russ.)] URL: <http://eee-region.ru/article/1202/> (дата обращения: 10.07.2025).
 20. Kazarin S. V., Svechnikova N. Y., Pogorelova E. V. Digital healthcare in the Russian Federation: Systems and technologies. *Global challenges and prospects of the modern economic development: Proc. II Intern. Sci.*

- Conf., Samara, 7–8 Nov 2019. European Publisher, 2020, vol. 79, 1445–1449. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.03.207>
21. Akhmedzyanova D. A., Shumskaya Yu. F., Vasilev Yu. A., Vladzimirskyy A. V., Omelyanskaya O. V., Alyмова Yu. A., Mnatsakanyan M. G., Panferov A. S., Taschyan O. V., Kuprina I. V., Yurazh M. V., Eloev A. S., Reshetnikov R. V. Effectiveness of telemedicine in inflammatory bowel disease in Russia: TIGE-Rus (telemonitoring for IBD goodness examination in Russia) study protocol of a randomized controlled trial. *Journal of Clinical Medicine*, 2024, 13(24). <https://doi.org/10.3390/jcm13247734>
 22. Семутникова Е. Г. Цифровизация в сфере экологии: новые возможности для города. *Вестник Университета Правительства Москвы*. 2023. № 2. С. 61–66. [Semutnikova E. G. Digitalization in the environment domain: New possibilities for the city. *Vestnik Universiteta Pravitelstva Moskvy*, 2023, (2): 61–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rswuuk>
 23. Bychkova N. P., Tavbulatova Z. K., Ruzhanskaya N. V., Tamov R. M., Karpunina E. K. Digital readiness of Russian regions. *Proceedings of the 36th IBIMA Conference*, Granada, 4–5 Nov 2020. IBIMA, 2020, 2442–2460. <https://elibrary.ru/oxfwph>
 24. Molchan A. S., Karpunina E. K., Kochyan G. A., Petrov I. V., Velikanova L. I. Effects of digitalization: New challenges for economic security systems. *Vision 2025: Education excellence and management of innovations through sustainable economic competitive advantage*: Proc. 34rd Intern. IBIMA Conf., Madrid, 13–14 Nov 2019. IBIMA, 2019, 6631–6639. <https://elibrary.ru/ymgcyoh>
 25. Fomenko N. M., Markova O. M., Ermolaev K. N., Ioda Yu. V., Zhigunova T. S. Assessment of the level of digitalization of Russian regions under conditions of socio-economic uncertainty. *Smart green innovations in Industry 4.0 for climate change risk management*, ed. Popkova E. G. Cham: Springer, 2023, 461–472. https://doi.org/10.1007/978-3-031-28457-1_47
 26. Алехина О. Ф., Иода Ю. В., Пономарев С. В., Шарафутдинов А. Г. Цифровая трансформация региональных хозяйственных систем: что изменила пандемия. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 5. С. 132–143. [Alyokhina O. F., Ioda Yu. V., Ponomarev S. V., Sharafutdinov A. G. Digital transformation of regional economic systems: What the pandemic changed. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(5): 132–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ocxdly>

оригинальная статья

eLibrary EDN: SVFYAP

Развитие креативных индустрий в России (на примере анимации)

Бугаева Хадижа Бахтияровна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

Селиванова Марина Александровна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3525-1363

<https://orcid.org/0000-0001-7562-4414>maaselivanova@fa.ru

Аннотация: В России развитие креативных индустрий, в том числе анимации, за последние несколько лет вышло на новый уровень, что связано в первую очередь с пониманием необходимости разработки мер поддержки со стороны государства и принятием закона о развитии креативных индустрий. В настоящее время креативные индустрии могут стать важным драйвером роста экономики страны. Цель – рассмотреть пути развития отечественной анимации как одного из направлений креативных индустрий с учетом цифровой трансформации. Задачи: провести анализ развития креативных индустрий в России и зарубежных странах, выделив их особенности; рассмотреть основные меры поддержки креативных индустрий в России; провести анализ рынка анимации в России и выявить проблемы его развития; предложить рекомендации по развитию анимации в России в условиях цифровизации. Применены такие методы исследования, как анализ открытых статистических данных о динамике развития креативных индустрий в России и зарубежных странах, синтез, обобщение. Выделены особенности развития креативных индустрий и анимации в России, уделено внимание осуществляемой со стороны государства поддержке, применению новых технологий в анимации. В качестве драйверов развития анимации в России выделены: доступ к высокоскоростному Интернету и цифровым платформам; повышение уровня привлекательности за счет применения цифровых технологий (искусственный интеллект, 3D-анимация, виртуальная и дополненная реальность); ориентир на подбор персонализированного контента для уникальных жанров, культурных тем или определенных демографических групп зрителей.

Ключевые слова: креативные индустрии, анимация, предпринимательство, цифровизация, цифровые технологии, инновации

Цитирование: Бугаева Х. Б., Селиванова М. А. Развитие креативных индустрий в России (на примере анимации). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2026. Т. 11. № 1. С. 81–88. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-81-88>

Поступила в редакцию 21.05.2025. Принята после рецензирования 26.08.2025. Принята в печать 01.09.2025.

original article

Development of Creative Industries in Russia: Animation

Hadizha B. Bugaeva

Financial University Under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow

Marina A. Selivanova

Financial University Under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3525-1363

<https://orcid.org/0000-0001-7562-4414>maaselivanova@fa.ru

Abstract: The 2024 Federal Law on the Development of Creative Industries in Russia provided the legal framework for extensive state support and the institutionalization of the domestic creative art sector. For instance, the art of animated cartoons has reached a totally new level over the past few years. Today, creative industries are strong enough to become a major driver of the domestic economy. This article describes the effect of digital transformation on Russian animation as a creative industry. While comparing creative industries in Russia and abroad, the authors

summarized the current state support measures, analyzed the domestic animation market, and formulated a set of recommendations on the development of Russian animation in digital environment. Public statistical data revealed the degree of government support and the use of new technologies in animation. Access to high-speed internet and digital platforms is a driver of domestic animation, which raises its attractiveness through digital technologies, e.g., AI, 3D, virtual or augmented reality, etc. Its current focus is on the content tailored for unique genres, cultural topics, or certain demographic audiences.

Keywords: creative industries, animation, entrepreneurship, digitalization, digital technologies, innovations

Citation: Bugueva H. B., Selivanova M. A. Development of Creative Industries in Russia: Animation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 81–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-81-88>

Received 21 May 2025. Accepted after review 26 Aug 2025. Accepted for publication 1 Sep 2025.

Введение

В последнее время в РФ большое внимание стало уделяться развитию креативных индустрий, в том числе анимации. На успешное совершенствование анимационной отрасли в России повлияли следующие факторы: богатое историческое наследие (например, студия «Союзмультфильм»), программы государственной поддержки¹, появление новых технологий и развитие международного сотрудничества в данной области. По данным Ассоциации анимационного кино, в 2024 г. насчитывается около 80 анимационных студий, объем производства контента достигает около 200 часов ежегодно, что говорит о развитости данной индустрии и ее больших перспективах².

В феврале 2025 г. в силу вступил ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», регулирующий предпринимательство в сфере креативных индустрий. В нем выделены субъекты и виды креативных индустрий, а также отражены полномочия федерального органа исполнительной власти в сфере креативных индустрий³. Также в указанном ФЗ представлено несколько направлений государственной поддержки креативных индустрий:

- информационная: предоставление данных и аналитики для информирования стратегий;
- образовательная: предложение обучения и консультационных услуг для профессионалов;
- финансовая: обеспечение ресурсов для развития креативных проектов;
- имущественная: предоставление пространства и инфраструктуры для творческой работы.

На современном этапе развития общества успех анимации обусловлен не только кинотеатрами, но и товарами, стриминговыми платформами и аттракционами в тематических парках, которые еще больше расширяют влияние рынка на экономику страны (получение дохода, создание новых рабочих мест, привлечение и расширение аудитории клиентов и т.д.). При этом анимация легко интегрируется в развлекательную индустрию как источник развлечений, позволяющий формировать культурные ценности нового поколения.

Анимация стала важным инструментом маркетинга, применяемым при продвижении продукции и услуг, т.к. обладает способностью привлекать внимание и заинтересовывать покупателя. Это, во-первых, требует от художников поиска новых подходов в искусстве с учетом актуальных запросов современного общества, а во-вторых, рождает спрос на креативных специалистов. Цифровые технологии оказали значительное влияние на развитие и изменение подходов в анимации. Так, в настоящее время активно развивается искусственный интеллект, который позволяет в разы увеличить скорость создания анимационного продукта, а также технологии виртуальной реальности, которые могут визуально представить данный продукт и вовлечь пользователя.

Вопросы развития анимации отражены в научных работах [1–9]. В данной статье рассмотрено общее состояние креативных индустрий, но акцент сделан на анализе развития анимации, которая играет важную роль в индустрии развлечений. В настоящее время под анимацией понимается не только

¹ Дом с атлантами: новые меры поддержки российской анимации. *Бюллетень Кинопрокатчика*. URL: https://www.kinometro.ru/analytics/show/name/domsatlantami_animation_10072025 (дата обращения: 15.05.2025).

² Виницкая А. Возрождение анимации в России: технологии и жанры. *Ведомости*. URL: https://www.vedomosti.ru/25/yarkiy_kinematograf/articles/2024/10/17/1069386-vozhrozhdenie-animatsii-v-rossii-tehnologii-i-zhanri (дата обращения: 15.05.2025).

³ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации. ФЗ № 330-ФЗ от 08.08.2024. СПС КонсультантПлюс.

мультипликация, но и кино, видеоигры, реклама, образование и даже социальные сети. По данным Data Bridge Market Research, мировой рынок анимации в 2023 г. составил 353,6 млрд долл. США и будет расти с каждым годом на 5,3 %, что позволит ему достигнуть 534,4 млрд долл. США к 2031 г.⁴

Цель – рассмотреть пути развития отечественной анимации как одного из направлений креативных индустрий с учетом цифровой трансформации. Задачи:

- 1) провести анализ развития креативных индустрий в России и зарубежных странах, выделив их особенности;
- 2) рассмотреть основные меры поддержки креативных индустрий в России;
- 3) провести анализ рынка анимации в России и выявить проблемы его развития;
- 4) предложить рекомендации по развитию анимации в России в условиях цифровизации.

Применены такие методы исследования, как анализ открытых статистических данных о динамике развития креативных индустрий в России и зарубежных странах, синтез, обобщение.

Результаты

Креативные индустрии в России представляют собой быстроразвивающийся и важный сектор национальной экономики, демонстрирующий удивительную адаптивность к серьезным геополитическим и экономическим вызовам. За последнее десятилетие этот сектор претерпел глубокие преобразования, став ключевым фактором инноваций, занятости и культурного развития общества.

По данным ЮНЕСКО, в 2019 г. доля креативных индустрий в ВВП России составляла 3,0 %, в 2020–2022 гг. – по 3,20 %, а в 2023 и 2024 гг. достигла 3,5 % соответственно, тем самым опередив среднемировые показатели (3,1 %)⁵. В 2023 г. Россия по данному показателю даже опережала некоторые развитые страны, например Германию (3,1 %), и догоняла Италию (3,8 %). Самое высокое значение данного показателя в этом же году было

у Великобритании (5,5 %), следом за ней шли США (4,2 %)⁶. Цифровизация послужила основным толчком роста креативных индустрий, позволив творческим предпринимателям обойти традиционные барьеры для входа на рынок и охватить как отечественную, так и международную аудиторию с помощью цифровых платформ и новых каналов сбыта. В основе креативной экономики РФ лежит экосистема, которая включает в себя взаимосвязанные элементы (участники, ресурсы, процессы), взаимодействие которых стимулирует творческую деятельность и инновации.

В России государство уделяет серьезное внимание развитию данного направления, в связи с чем был разработан национальный проект «Креативная экономика», запущенный в 2021 г., с целью выделения средств на развитие инфраструктуры, образовательные программы и гранты для малого креативного бизнеса⁷. Для IT-компаний и культурных организаций введены специальные налоговые льготы (для аккредитованных IT-компаний – льготная ставка по налогу на прибыль до 2030 г. в размере 5 %⁸) и упрощенные административные процедуры, а Инновационный центр «Сколково» и другие технопарки предоставляют программы резидентства с юридическими и финансовыми льготами для стартапов в сфере игр, анимации и цифровых медиа. Помимо этого, на региональном уровне в таких городах, как Москва и Санкт-Петербург, были созданы и успешно функционируют креативные кластеры, например «Хлебозавод» и «Севкабель Порт», которые предлагают субсидируемые рабочие места и сетевые платформы.

В связи с тем, что наблюдается спрос на кадры данной сферы, все больше российских университетов стали предлагать абитуриентам образовательные программы по креативному предпринимательству. Отдельное внимание стоит уделить анимации, которая явно выделяется в креативном предпринимательстве, т. к. в настоящее время появляются новые возможности для создания контента и направлений ее применения: мультфильмы, спецэффекты в кино

⁴ Gupta M. Global Animation Market Size, Share, and Trends Analysis Report – Industry Overview and Forecast to 2032. *Data Bridge Market Research*. URL: <https://www.databridgemarketresearch.com/reports/global-animation-market?srsltid=AfmBOoqAnC2HzQc2ekspfe4AnRoGEwrtw4S1VKersVGzOGzRSGmuTpiR2Z> (accessed 15 May 2025).

⁵ Боос В. О., Куценко Е. С., Шарапова А. С. Креативные индустрии в России на подъеме. *ИСИЭЗ*. 23.01.2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1009094163.html> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶ Боос В. О., Иванова Е. А., Куценко Е. С. От «сделано в Китае» к «создано в Китае». *ИСИЭЗ*. 02.11.2022. URL: <https://issek.hse.ru/news/791075231.html> (дата обращения: 05.05.2025).

⁷ Креативная экономика. URL: <https://creative-economy.ru/> (дата обращения: 05.05.2025).

⁸ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации. ФЗ № 176-ФЗ от 12.07.2024. *СПС КонсультантПлюс*.

и на телевидении, рекламные ролики, визуализация данных в науке и образовании, создание интерфейсов в веб-дизайне и мобильных приложениях, а также в компьютерных играх.

Российская анимация в мультфильмах успешно перешла от классики советской эпохи к современным постановкам и трендам, что подтверждает деятельность старейшей анимационной студии России «Союзмультфильм». Помимо этого, Ассоциацией предприятий индустрии детских товаров было выделено три самых успешных и кассовых отечественных мультпроекта по итогам 2023 г.⁹:

1. «Маша и Медведь» (студия «Анимаккорд»): доходы от лицензий и продажи сопутствующих товаров – около 500 млн долл. в год; самый кассовый фильм – «Маша и Медведь в кино: 12 месяцев» (109 млн руб.);

2. «Три богатыря» (студия «Мельница»): совокупные сборы в кино составили 7 млрд руб.; самый кассовый фильм – «Три богатыря и Пуп Земли» (1,3 млрд руб.);

3. «Снежная королева» (студия «Воронеж»): совокупные сборы в кино – 6,2 млрд руб.; самый кассовый фильм – «Снежная королева 3: Огонь и лед» (2,3 млрд руб.).

Активную работу в области международного сотрудничества и совместного производства ведет отечественная анимационная студия Wizart Animation.

Число зрителей российской анимации в 2019 г. – 4,8 млн человек, в 2020 г. – 2,4 млн человек, в 2021 г. – 3,8 млн человек, в 2022 г. – 10,3 млн человек, в 2023 г. – 33,3 млн человек. Следует отметить, что, несмотря на многочисленные пакеты санкций, этот показатель увеличился втрое в 2023 г. по сравнению с 2019 г. Указанное доказывает, что российская анимация остается конкурентоспособной на рынке. Правительство РФ реализовало ряд политических мер по поддержке креативных индустрий, признавая их экономический потенциал и потенциал мягкой силы. Так, национальный проект «Креативная экономика» предусматривает целевое финансирование культурного предпринимательства, а особые экономические зоны подразумевают налоговые льготы и инфраструктурную поддержку¹⁰. Министерство культуры РФ и Министерство цифрового

развития, связи и массовых коммуникаций РФ выступили с совместными инициативами по оцифровке культурного наследия и содействию в создании цифрового контента.

Создание креативных кластеров и коворкингов в крупных городах способствовало сотрудничеству и инновациям в различных творческих направлениях. Так, в России успешно функционирует Ассоциация анимационного кино, в которую входят национальные анимационные студии, продюсерские компании, дистрибуторы, телеканалы и другие организации, работающие в сфере анимации. Деятельность Ассоциации направлена на привлечение государственных и частных инвестиций в сферу анимации, тиражирование успешных проектов как внутри страны, так и за рубежом¹¹.

Помимо этого, в апреле 2024 г. холдингом «Национальная Медиа Группа» и Российским Фондом Прямых Инвестиций был создан Коммерческий фонд развития кино и анимации в России, основная задача которого – финансирование производства полнометражных фильмов для проката на коммерческой основе. Объем инвестиций в Фонд составил 8 млрд руб. Холдинг «Национальная Медиа Группа» обеспечит экспертизу отбора проектов, а финальное решение об их финансировании будет приниматься на контентном комитете Фонда¹².

На 2025 г. в «Сколково» запланировано открытие первого в России кластера видеоигр и анимации, который будет местом притяжения представителей индустрии: ведущие компании отрасли смогут создавать видеоигры любого типа и сложности. «Начинающие компании-разработчики и анимационные студии получают доступ к высокотехнологичной профессиональной аппаратуре. Присоединиться к кластеру планируют уже более 40 компаний»¹³.

Анимационные студии инвестируют значительные средства в производственную инфраструктуру и развитие талантов, что приводит к созданию всемирно известных работ, в которых традиционные сюжеты сочетаются с передовыми технологиями.

Развитие креативных индустрий в России обусловлено определенными территориальными особенностями: Москва и Санкт-Петербург являются основными центрами, где расположены крупные

⁹ День отечественной анимации: рэнкинг мультипликационных студий-лидеров России. АИДТ. 08.04.2024. URL: <https://acgi.ru/news/industry/den-rossiyskoy-animatsii-top-5-samykh-uspeshnykh-multiplikatsionnykh-proektov/> (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁰ Креативная экономика...

¹¹ Об Ассоциации. ААК. URL: <https://aakr.ru/about/> (дата обращения: 05.05.2025).

¹² НМГ и РФПИ создают Коммерческий фонд развития кино и анимации в России. НМГ. 01.04.2024. URL: <https://nmg.ru/news/nmg-irfpi-sozdayut-kommercheskiy-fond-razvitiya-kino-i-animatsii-v-rossii/> (дата обращения: 05.05.2025).

¹³ «Агентство креативных индустрий» презентовало первый в России кластер видеоигр и анимации. СNews. 01.08.2024. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2024-08-01_agentstvo_kreativnyh_industrij (дата обращения: 05.05.2025).

анимационные студии, дизайнерские агентства, технологические стартапы и учреждения культуры. При этом наблюдается заметная тенденция региональной децентрализации: такие города, как Казань, Екатеринбург, Новосибирск и Владивосток, развивают свои собственные творческие экосистемы. Эти региональные центры часто специализируются на определенных нишах. Например, Казань стала центром анимации и исламской моды, в то время как Новосибирск ориентирован на развитие визуальных эффектов и создание образовательного контента.

Анимация весьма эффективна в рекламе, т.к. позволяет привлечь внимание аудитории за счет динамичного воспроизведения контента и визуальной привлекательности. Анимационная реклама позволяет достаточно просто визуализировать идеи и объяснить сложные термины аудитории, в связи с чем наблюдается ежегодное увеличение использования анимационных эффектов в рекламе на 7 % [10]. Особой популярностью графическая реклама (короткие видеоролики, GIF-анимация или графические эффекты в публикации) пользуется в социальных сетях, т.к. помогает обеспечить узнаваемость бренда, преподнести информацию в креативной форме [11–13]. Стоимость такой рекламы зависит от множества факторов (например, дизайн, сложность анимации или длительность ролика), но в целом гораздо дешевле, чем реклама с традиционными съемками [14]. В России анимационную рекламу активно применяют СберБанк, МТС, Яндекс и др. Многие стриминговые платформы не только используют анимационную рекламу, но и предлагают зрителям широкий выбор анимационных шоу и фильмов [15].

Стоит отметить, что в эпоху цифровизации онлайн-платформы произвели революцию и в креативных индустриях. Несмотря на трудности с международными платежами, российские разработчики игр, аниматоры и разработчики программного обеспечения продолжают находить аудиторию по всему миру с помощью альтернативных каналов.

В условиях цифровизации анимация приобрела новые формы и техники, например 2D, 3D, стоп-моушн и др., которые в основном применяются при создании визуальных эффектов и движущихся персонажей в игровом кино [16; 17]. Лучшими анимационными фильмами в 2024 г. стали

«Атака титанов: Последняя атака» (Япония), «Поднятие уровня в одиночку: Второе пробуждение» (Япония), «Дикий робот» (США).

Развитие виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности кардинально изменило способы создания анимационного контента и восприятие зрителя [18; 19]. VR позволяет погрузиться в цифровое пространство, а AR – создавать гибридный опыт взаимодействия. Данные технологии эффективно используют при создании анимационных фильмов такие мировые студии, как Pixar и DreamWorks. Объем мирового рынка VR- и AR-контента неуклонно растет. По итогам 2023 г. объем мирового рынка VR-технологий составил приблизительно 21,1 млрд долл., а объем мирового рынка устройств AR достиг 12,77 млрд долл., тогда как годом ранее он оценивался в 10,34 млрд долл.¹⁴

Инструменты VR и AR позволяют создавать уникальные, интерактивные формы искусства, проводить виртуальные выставки, представлять художественные инсталляции, мультимедийные проекты и даже виртуальные музыкальные концерты. Реализация указанного возможна благодаря Метавселенной – не просто платформенному решению, а принципиально новой экономической модели, в которой основную ценность представляют не материальные товары и услуги, а уникальные переживания, вовлечение и интерактивное взаимодействие пользователей. По прогнозам Statista, в ближайшие несколько лет будет наблюдаться бурный рост мирового рынка Метавселенных, который к 2030 г. может достичь 507,8 млрд долл. США¹⁵.

Также VR- и AR-анимация начала применяться и в сфере образования: отечественные передовые вузы стали создавать различные симуляторы и тренажеры, например бизнес-игры и медицинские симуляторы, которые используются в обучении и для отработки определенных профессиональных навыков [20]. Серьезное влияние на использование таких технологий в образовании оказала пандемия, вызванная COVID-19, которая заставила представителей этой сферы начать искать новые технологии обучения. Таким образом, в школах, колледжах и вузах нашей страны стали популярны анимационные видеоролики, симуляторы и тренажеры, в том числе на основе VR- / AR-технологий, которые позволили вовлечь учеников и студентов в процесс обучения [21–23].

¹⁴ Рынок устройств виртуальной и дополненной реальности. *TAdviser*. 30.12.2025. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рынок_устройств_виртуальной_и_дополненной_реальности (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁵ Мировой рынок метавселенных может достичь \$5,8 трлн к 2030 году. *РБК*. 07.09.2023. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/64f92d839a79471a8727a84e?from=soru> (дата обращения: 05.05.2025).

Помимо этого, адаптация к новым экономическим реалиям стимулировала инновации в бизнес-моделях, и многие креативные предприятия стали разрабатывать гибридные подходы, сочетающие цифровые и физические возможности.

Однако отрасль анимации сталкивается со значительными структурными проблемами. Экономические санкции нарушили традиционные каналы экспорта и ограничили доступ к международному финансированию.

Заключение

В отношении креативных индустрий и анимации в Российской Федерации наблюдается бурный интерес. Государство же со своей стороны осуществляет поддержку, предоставляя гранты, налоговые льготы и т.д., и создает возможности для их развития. Кроме того, применение новых цифровых технологий (например, искусственного интеллекта) позволяет небольшим студиям и независимым создателям конкурировать с известными игроками, что потенциально демократизирует творческое производство. В креативных технологиях также наблюдается импортозамещение (создание отечественных альтернатив зарубежному программному обеспечению для 3D-моделирования, видеомонтажа и игровых движков), реализуемое на базе государственных грантов и благодаря институциональной поддержке.

Однако все еще существуют проблемы:

- 1) неравномерности доступа к финансированию креативных проектов (например, компании, ориентированные на технологии, имеют больший доступ к венчурному капиталу, чем традиционные культурные организации);
- 2) защиты интеллектуальной собственности, т.к. пиратство продолжает влиять на доходы авторов [24].

Несмотря на имеющиеся трудности, российские креативные индустрии демонстрируют удивительную адаптивность. Многие предприятия успешно освоили внутренние и альтернативные международные рынки, в то время как другие использовали цифровую трансформацию для создания новых форм культурного производства и потребления.

В качестве драйверов развития анимации в РФ можно выделить:

- доступ к высокоскоростному Интернету и цифровым платформам, который гарантирует спрос на анимированный контент (онлайн-

платформы, стриминговые сервисы и социальные сети);

- повышение уровня привлекательности за счет применения цифровых технологий (искусственный интеллект, 3D-анимация, VR и AR), позволяющих создать захватывающие и реалистичные впечатления [25];
- подбор персонализированного контента для уникальных жанров, культурных тем или определенных демографических групп зрителей.

Технологические достижения в таких областях, как искусственный интеллект, VR и блокчейн, создают новые возможности для творческих предпринимателей в разработке инновационных продуктов и услуг.

Траектория развития креативных индустрий в Российской Федерации в предстоящее десятилетие представляет собой сложное переплетение вызовов и возможностей для преобразований. По мере адаптации отрасли к новым экономическим реалиям появляется несколько ключевых тенденций, которые будут определять ее развитие. Например, сектор кино и анимации переживает парадоксальный момент: несмотря на ограничения в международной копродукции, он выигрывает от увеличения государственного финансирования патриотического контента и детских программ, что приводит к росту популярности высокобюджетных анимационных фильмов и исторических драм. Студии же, в свою очередь, разрабатывают инновационные гибридные технологии, сочетающие традиционное повествование с ультрасовременными визуальными эффектами. К тому же стриминговые платформы реагируют на спрос на местный контент, значительно увеличивая свои инвестиции в оригинальные российские сериалы и фильмы.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Бадзгарадзе Е. Ш. История развития анимации как феномена экранной культуры в цифровую эпоху. *Обществознание и социальная психология*. 2022. № 8. С. 81–88. [Badzgaradze E. Sh. The history of animation development as a phenomenon of screen culture in the digital age. *Obshchestvoznaniye i sotsialnaya psikhologiya*, 2022, (8): 81–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gfyniu>
2. Бондарь Ю. К. Американская анимация в системе информационного противостояния периода Второй мировой войны: на примере анимаций студий "Warner Brothers" и "Disney". *Sciences of Europe*. 2021. № 74-1. С. 22–26. [Bondar Yu. K. American animation in the system of information confrontation during the Second World War: On the example of animation studios "Warner Brothers" and "Disney". *Sciences of Europe*, 2021, (74-1): 22–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/3162-2364-2021-74-22-26>
3. Косинова М. И., Игнатова П. Н. Цифровизация киноиндустрии в условиях пандемии COVID-19. *E-Management*. 2022. Т. 5. № 2. С. 28–34. [Kosinova M. I., Ignatova P. N. Digitalisation of the film industry in the context of the COVID-19 pandemic. *E-Management*, 2022, 5(2): 28–34. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-28-34>
4. Кравцов Н. О. История анимации: как рождается искусство. М.: ЛитРес: Самиздат, 2020. 191 с. [Kravtsov N. O. *The history of animation: How art is born*. Moscow: LitRes: Samizdat, 2020, 191. (In Russ.)]
5. Ланина Л. А., Малышев А. В., Ромодановская Н. Б. Анализ развития аудиовизуального кластера в регионе (на примере международного опыта). *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2020. Т. 13. № 6. С. 31–40. [Lanina L. A., Malyshev A. V., Romodanovskaya N. B. Analysis of the development of the audiovisual cluster in the region (based on international experience). *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2020, 13(6): 31–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JE.13603>
6. Левченко Н. В. Мультипликация как средство формирования ценностных установок в СССР в 1950–90-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022. № 4. С. 80–87. [Levchenko N. V. Animation as a means of forming value attitudes in the USSR in 1950–90s. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2022, (4): 80–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-80-87>
7. Осокина И. В. Современные проблемы развития анимационной деятельности в сфере туризма и гостеприимства в РФ и возможные пути их решения. *In situ*. 2022. № 2. С. 9–12. [Osokina I. V. Modern problems of the development of animation activities in the field of tourism and hospitality in the Russian Federation and possible ways to solve them. *In situ*, 2022, (2): 9–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nnrdus>
8. Рожицына Ю. П. История анимации. *Молодой ученый*. 2022. № 25. С. 424–428. [Rozhitsyna Yu. P. The history of animation. *Molodoi uchenyi*, 2022, (25): 424–428. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ipvmoe>
9. Яровая Н. Ю. Анимация в цифровой среде. *Вестник ВГИК*. 2024. Т. 16. № 1. С. 145–157. [Yarovaya N. Yu. Animation in digital media. *Vestnik VGIK*, 2024, 16(1): 145–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.69975/2074-0832-2024-59-1-145-157>
10. Полишко М. В. Анимация в современной рекламе. *Научная палитра*. 2021. № 4. [Polishko M. V. Animation in contemporary advertising. *Nauchnaya palitra*, 2021, (4). (In Russ.)] URL: <https://culture.esrae.ru/ru/61-1194> (дата обращения: 15.05.2025). <https://elibrary.ru/zshjyb>
11. Иксанов А. Р., Рафиков Р. И. Особенности графического дизайна в сфере рекламы. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2023. № 5. С. 304–308. [Iksanov A. R., Rafikov R. I. Features of graphic design in the field of advertising. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*, 2023, (5): 304–308. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrbcza>
12. Ракова В. В. Роль анимаций в мобильном приложении и их влияние на пользователя. *Вестник науки*. 2024. Т. 3. № 4. С. 478–481. [Rakova V. V. Role of animations in mobile application and their impact on the user. *Vestnik nauki*, 2024, 3(4): 478–481. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zasvqs>
13. Харечко Д. Е. Анимация как средство визуализации журналистских текстов в социальных сетях. *Медиасреда*. 2021. № 1. С. 30–35. [Kharechko D. E. Animation as a means of visualizing journalistic texts in social networks. *Mediasreda*, 2021, (1): 30–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/2070-0717-2021-10106>
14. Рубайлов Н. Н., Никишкин В. В. Стратегии продвижения и монетизации анимационных проектов в социальных сетях: сравнительный анализ подходов и практик. *Практический маркетинг*. 2025. № 4. С. 12–15. [Rubailov N. N., Nikishkin V. V. Strategies for promotion and monetisation of animation projects in social networks: Comparative analysis of approaches and practices. *Prakticheskij marketing*, 2025, (4): 12–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2025-4334-12-15>

15. Огнева О. К. Современное состояние американских стриминговых платформ и специфика экранного контента. *Телекинет*. 2023. № 4. С. 6–13. [Ogneva O. K. The current state of US live streaming platforms and specifics features of on-screen content. *Telekinet*, 2023, (4): 6–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2618-9313-2023-425-6-13>
16. Зуйкова К. В., Леонченко А. В. Визуальные эффекты в кино как синтез разных отраслей кинопроизводства. *ДИСК-2021: Всерос. науч.-практ. конф.* (Москва, 22–26 ноября 2021 г.) М.: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2021. Ч. 2. С. 129–133. [Zuykova K. V., Leonchenko A. V. Visual effects in cinema as a synthesis of different branches of film production. *DISK-2021: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 22–26 Nov 2021. Moscow: RSU named after A. N. Kosygin, 2021, pt. 2, 129–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qanmwr>
17. Зайцев А. Я. Художественный образ в анимационном кино как интегративный многоуровневый динамический феномен. *Человек и культура*. 2023. № 5. С. 39–46. [Zaitcev A. Ya. Artistic image in animated cinema as an integrative multilevel dynamic phenomenon. *Man and Culture*, 2023, (5): 39–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2023.5.29996>
18. Чжан С. Технологии создания и визуализации 3D-анимации. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2023. Т. 14. № 1. [Zhang S. Technologies of creation and visualization of 3D animation. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2023, 14(1). (In Russ.)] URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/27KLSK123.pdf> (дата обращения: 15.05.2025). <https://elibrary.ru/gmsdua>
19. Яровая Н. Ю. VR-технологии в анимации. *Вестник ВГИК*. 2021. Т. 13. № 1. С. 46–57. [Yarovaya N. Yu. VR-technologies in animation. *Vestnik VGIK*, 2021, 13(1): 46–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hddkod>
20. Гулов Т. У., Иванченко С. А., Сысоев Н. Д. Технологии виртуальной и дополненной реальности в играх, образовании, медицине, туризме. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. № 12-3. С. 63–69. [Gulov T. U., Ivanchenco S. A., Sysoev N. D. Virtual and augmented reality technologies in games, education, medicine, and tourism. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024, (12-3): 63–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-12-3-63-69>
21. Блинов Д. М. Образовательные анимационные видеоролики в школьном образовании. *Информатика в школе*. 2022. № 1. С. 30–33. [Blinov D. M. Educational animated videos in school education. *Informatika v shkole*, 2022, (1): 30–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32517/2221-1993-2022-21-1-30-33>
22. Горева О. М., Осипова Л. Б. Современное состояние дистанционного образования в российском вузе. *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2-1. [Goreva O. M., Osipova L. B. The current state of distance education in the Russian high school. *Modern problems of science and education*, 2015, (2-1). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20810> (дата обращения: 15.05.2025). <https://elibrary.ru/uhxfyz>
23. Степанова Я. Д. Компьютерная анимация и мультипликация. Создание анимационного персонажа. *Культура и технологии*. 2020. Т. 5. № 4. С. 211–226. [Stepanova Ya. D. Computer animation and animation. Creating an animated character. *International Culture & Technology Studies*, 2020, 5(4): 211–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/srdfip>
24. Борисов И. А. Анализ влияния пиратства на видеоигровую индустрию. *In situ*. 2023. № 6. С. 36–40. [Borisov I. A. Analysis of the impact of piracy on the video game industry. *In situ*, 2023, (6): 36–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nniyih>
25. Зайцев А. Я. Нейросети в современном анимационном искусстве: эстетические инновации и новые горизонты. *Культура и искусство*. 2024. № 12. С. 68–86. [Zaitcev A. Ya. Neural networks in modern animation art: Aesthetic innovations and new horizons. *Culture and Art*, 2024, (12): 68–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2024.12.72074>

оригинальная статья

eLibrary EDN: SXGDUF

Особенности расчета стоимости услуг по передаче электрической энергии (мощности) для промышленных предприятий по региональным объектам электросетевого хозяйства

Дзюба Анатолий Петрович

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 1528-8220

<https://orcid.org/0000-0001-6319-1316>

dzyuba-a@yandex.ru

Аннотация: Все потребители электрической энергии (мощности), функционирующие в составе объединенных изолированных энергосистем нашей страны, имеют прямое либо опосредованное технологическое присоединение к электрическим сетям сетевой организации и оплачивают услуги по передаче (транспортировке) электроэнергии. Учитывая высокие затраты на оплату услуг транспортировки электрической энергии, особенности расчета их стоимости для каждого потребителя имеют высокую актуальность и включают: важность планирования собственных энергозатрат; необходимость контроля ценовых параметров, выставляемых сетевыми организациями за оплату услуг по передаче электроэнергии; управление затратами на оплату услуг по ее транспортировке. Цель – исследовать методику расчета стоимости услуг на транспортировку электрической энергии по объектам электросетевого хозяйства. В результате описаны: 1) алгоритм расчета стоимости услуг по транспорту электроэнергии; 2) особенности параметров расчетов и применения единых общерегиональных (котловых) тарифов на оказание услуг по передаче электрической энергии; 3) различные виды тарифных уровней напряжения (ВН, ВН-1, СН-I, СН-II, НН). Приведены формулы расчета со ссылкой на нормативные акты, регулирующие описываемые составляющие расчета стоимости тарифов на транспортировку в одноставочном и двухставочном выражении. Описана методика расчета величины обязательств по оплате услуг за содержание объектов электросетевого хозяйства. На примере промышленного предприятия, подключенного к объектам электросетевого хозяйства «Россети Сибирь» (Кемеровская область – Кузбасс), рассчитана фактическая цена (тариф) на транспортировку электроэнергии по объектам электросетевого хозяйства. Полученные результаты могут быть полезны для сотрудников энергетических компаний, промышленных предприятий, а также представителей органов исполнительной власти, осуществляющих функции контроля и регулирования в области электроэнергетики.

Ключевые слова: передача электроэнергии, единые котловые тарифы, одноставочный тариф, двухставочный тариф, ставка за содержание электрических сетей, ставка за оплату технологического расхода

Цитирование: Дзюба А. П. Особенности расчета стоимости услуг по передаче электрической энергии (мощности) для промышленных предприятий по региональным объектам электросетевого хозяйства. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2026. Т. 11. № 1. С. 89–104. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-89-104>

Поступила в редакцию 15.04.2025. Принята после рецензирования 03.07.2025. Принята в печать 07.07.2025.

original article

Calculating Energy Transmission Service Costs and Capacity Tariffs for Industrial Consumers in Regional Power Grids

Anatoly P. Dzyuba

Yeltsin Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 1528-8220

<https://orcid.org/0000-0001-6319-1316>

dzyuba-a@yandex.ru

Abstract: All consumers of electric energy (capacity) operating as part of the national energy systems have direct or indirect technological connection to the electric networks of a grid organization and have to pay for the electricity transmission. The cost of electricity transmission is high, and its pricing is different for each industrial consumer. As a result, energy consumers have to plan their energy consumption, monitor the electricity transmission pricing, and manage the costs for transportation services. The author developed a new methodology for calculating the cost of energy transmission services and capacity tariffs. The algorithm relies on the specific calculation parameters, unified regional tariffs for energy transmission, and various types of tariff voltage levels. The formulae refer to the official regulations in single-rate and double-rate terms. The article also provides a method for calculating the payment obligation for the maintenance of grid facilities. The calculations were illustrated by the example of an industrial enterprise connected to the Rosseti Siberia electric grid, Kemerovo Region. The results can be useful for energy companies, industrial enterprises, and state regulators of the electric power industry.

Keywords: electricity transmission, single boiler tariffs, single-rate tariff, double-rate tariff, rate for maintenance of electric networks, rate for payment of technological expenses

Citation: Dzyuba A. P. Calculating Energy Transmission Service Costs and Capacity Tariffs for Industrial Consumers in Regional Power Grids. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 89–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-89-104>

Received 15 Apr 2025. Accepted after review 3 Jul 2025. Accepted for publication 7 Jul 2025.

Введение

Промышленные предприятия, крупные потребители электрической энергии (мощности), субъекты сельского хозяйства и т.п. оплачивают услуги по транспортировке электроэнергии по механизмам, называемым *единые котловые тарифы на передачу электроэнергии* [1–3]. Они действуют в рамках территорий всех субъектов РФ и индивидуально утверждаются для каждого из них [4–6].

Отечественные ученые изучали особенности передачи (транспортировки) электрической энергии по региональным распределительным сетям по следующим направлениям:

- исследование вопросов тарифного регулирования услуг по передаче электроэнергии [6–8];
- разработка рекомендаций по совершенствованию системы оплаты услуг по передаче электрической энергии со стороны потребителей с учетом сложности и даже противоречивости (в некоторых случаях) данной системы [9–11];
- рассмотрение специфики ценообразования на услуги по передаче электроэнергии, раскрытие

специфики элементов механизмов формирования составляющих цен [12–14];

- анализ особенностей нормативно-правовой деятельности формирования тарифов на оказание услуг по передаче электрической энергии по региональным распределительным электрическим сетям [15–17].

Поскольку механизмы ценообразования на оплату услуг по передаче электроэнергии имеют прямое влияние на затраты на закупку электрической энергии промышленными предприятиями [18–20], то особую актуальность приобретает выявление механизмов снижения величины оплаты услуг по передаче электроэнергии. Так, было предложено сделать это посредством использования систем собственной распределенной генерации [21–23] и на основе управления собственным спросом промышленных предприятий [24; 25].

Руководителей и специалистов энергетических служб промышленных предприятий России все еще беспокоят вопросы, связанные с механизмом

ценообразования тарифов на передачу электрической энергии в региональных распределительных сетях. Во-первых, остаются непонятными сравнительные показатели тарифов на передачу электроэнергии для разных вариантов ставок (одноставочные и двухставочные). Во-вторых, не до конца ясны сравнительные характеристики тарифов для различных тарифных уровней направления и методики определения их величин [26; 27].

В 2024 г. был утвержден ФЗ № 185-ФЗ от 13.07.2024¹, который предполагает создание с 1 января 2025 г. в каждом субъекте федерации системообразующих сетевых организаций. Системообразующая сетевая организация является единой централизованной сетевой организацией региона, обеспечивающей энергоснабжение потребителей, которые оплачивают электроэнергию в адрес данной организации по котловым тарифам на передачу электроэнергии, что подчеркивает важность исследования особенностей расчета стоимости услуг по передаче электрической энергии для промышленных предприятий.

Цель – исследовать методику расчета стоимости услуг на транспортировку электрической энергии по объектам электросетевого хозяйства.

Результаты

Единые котловые тарифы на услуги по передаче электроэнергии утверждаются во исполнение ряда государственных нормативно-правовых актов². Например, как следует из приложения к Постановлению Региональной энергетической комиссии Свердловской области № 267-ПК от 29.12.2023³ (далее – Приложение), представленные единые котловые тарифы на транспортировку электроэнергии действуют на первое и второе полугодие 2024 г. Рассматриваемое Приложение имеет ряд особенностей:

- по вертикали единые котловые тарифы на транспортировку электроэнергии дифференцированы на различные уровни напряжения, а именно ВН, ВН-1, СН-I, СН-II, НН;
- по горизонтали единые котловые тарифы на транспортировку электроэнергии дифференцированы на два основных блока: двухставочный и одноставочный тариф;
- двухставочный тариф состоит из двух ставок: 1) за содержание электрических сетей (руб./МВт·мес.) и 2) оплату технологического расхода (потерь) в электрических сетях (руб./МВт·ч).

Уровни напряжения, по которым дифференцируются ставки тарифов на услуги по передаче электрической энергии, в нормативных актах представлены следующим образом:

- ВН (высокое напряжение): 110 кВ и выше (за исключением ВН-1); данный тарифный уровень учитывает также электрические сети уровнем напряжения 150 кВ, которые встречаются в некоторых энергетических системах России, например в Мурманской и Новосибирской областях;
- ВН-1 (высокое напряжение первое): объекты Единой национальной (общероссийской) электрической сети, переданные в аренду территориальных сетевых организаций; данный тарифный уровень в современных условиях не имеет распространения, что подтверждается сведениями из Приложения, в котором тариф для уровня напряжения в ячейке ВН-1 отсутствует;
- СН-I (среднее напряжение первое): 27,5–60 кВ; данный тарифный уровень, как правило, применяется к уровню тарифного напряжения 35 кВ;
- СН-II (среднее напряжение второе): 1–20 кВ; указанный тарифный уровень включает распространенные в РФ уровни номинального напряжения трансформаторов – 6 и 10 кВ;

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации. ФЗ № 185-ФЗ от 13.07.2024. *СПС КонсультантПлюс*.

² О внесении изменений в Постановление Региональной энергетической комиссии Свердловской области от 28.11.2022 № 240-ПК «Об установлении единых (котловых) тарифов на услуги по передаче электрической энергии по сетям Свердловской области». Постановление Региональной энергетической комиссии Свердловской области № 267-ПК от 29.12.2023. *СПС Кодекс*; Об электроэнергетике. ФЗ № 35-ФЗ от 26.03.2003; Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). Постановление Правительства РФ № 861 от 27.12.2004 (ред. от 19.12.2025); О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике (вместе с Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике). Постановление Правительства РФ № 1178 от 29.12.2011 (ред. от 27.12.2025); Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке (Зарегистрировано в Минюсте России 20.10.2004 № 6076). Приказ ФСТ России № 20-э/2 от 06.08.2004 (ред. от 15.02.2022, с изм. от 22.01.2025). *СПС КонсультантПлюс*.

³ О внесении изменений в Постановление Региональной энергетической комиссии Свердловской области...

- НН (низкое напряжение): ниже 1 кВ; этот тарифный уровень включает распространенные уровни номинального напряжения электроустановок – 380 и 220 В.

Таким образом, по мере снижения уровня напряжения ставки тарифов имеют возрастающую тенденцию. Это объясняется тем, что электросетевое оборудование с низким уровнем напряжения требует, во-первых, значительно большего количества временных и финансовых затрат на его эксплуатацию и ремонт, во-вторых, в таком оборудовании возникает наибольшее количество потерь, в-третьих, переток электроэнергии через данное оборудование меньше, что также определяет необходимость увеличения абсолютных ставок тарифов на транспортировку⁴.

Расчет **цены (тарифа) на транспортировку электроэнергии по одноставочной цене (тарифу)** производится по формуле:

$$\text{ЦП}_{i,m}^{\text{одн.}U} = [T_{F,m}^{\text{одн.}U} \times W_m^{i,U}] / W_m^{i,U}.$$

В упрощенном виде она выглядит следующим образом:

$$\text{ЦП}_{i,m}^{\text{одн.}U} = T_{F,m}^{\text{одн.}U},$$

где $\text{ЦП}_{i,m}^{\text{одн.}U}$ – цена на транспортировку электроэнергии по одноставочному тарифу по тарифному уровню напряжения (одн. U) для потребителя (i) в месяц (m) (руб./МВт·ч); $T_{F,m}^{\text{одн.}U}$ – одноставочный тариф на транспортировку электрической энергии, утвержденный для региона (F) по тарифному уровню напряжения в месяц (руб./МВт·ч); $W_m^{i,U}$ – объем месячного потребления электроэнергии потребителем по тарифному уровню напряжения из электрических сетей территориальной сетевой организации (МВт·ч).

Ставки на транспортировку электроэнергии по тарифному уровню напряжения ВН по одноставочным тарифам для различных регионов могут существенно различаться (табл. 1)

Таким образом, для регионов Приволжского федерального округа (ПФО) ставки тарифов отличались в 3,4 раза.

Табл. 1. Одноставочные тарифы на транспортировку электроэнергии по уровню напряжения ВН, утвержденные для некоторых регионов ПФО, I полугодие 2024 г.
Tab. 1. Rates of single-rate tariffs for electricity transmission (HV voltage) in Volga Federal District, initial six months of 2024

Регион	Ставка, руб./кВт·ч,
Республика Татарстан	0,79
Удмуртская Республика	1,31
Пермский край	1,42
Республика Башкортостан	1,44
Кировская область	1,53
Самарская область	1,61
Саратовская область	1,83
Чувашская Республика	1,90
Оренбургская область	2,16
Ульяновская область	2,21
Республика Мордовия	2,27
Нижегородская область	2,49
Пензенская область	2,64
Республика Марий Эл	2,69

Одноставочные тарифы на транспортировку электроэнергии по уровню напряжения ВН, СН-I, СН-II и НН в Самарской области на первое полугодие 2024 г. равнялись 1,61, 2,45, 3,63 и 5,23 руб./кВт·ч соответственно. Данные сведения указывают на то, что, во-первых, ставки тарифов по всем уровням тарифного напряжения существенно отличаются друг от друга, а во-вторых, изменение тарифных ставок, как правило, обратно пропорционально уровню напряжения. Так, ставки тарифов на электроэнергию для одного региона при использовании различных уровней напряжения могут различаться в 1,5–2 раза.

На рисунке 1 представлены одноставочные тарифы на транспортировку электроэнергии по всем уровням напряжения, утвержденные для некоторых регионов ПФО на первое полугодие 2024 г. Структура изменения ставок тарифов в зависимости от изменения уровня тарифного напряжения в регионах также является различной. Например,

⁴ Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых тарифов...; О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии (вместе с Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии, Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии). Постановление Правительства РФ № 442 от 04.05.2012 (ред. от 19.12.2025); Об утверждении Регламента установления цен (тарифов) в электроэнергетике и (или) их предельных уровней и формы решения исполнительного органа субъекта Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов об установлении цен (тарифов) в электроэнергетике и (или) их предельных уровней (Зарегистрировано в Минюсте России 18.09.2024 № 79517). Приказ ФАС России № 489/24 от 22.07.2024. СПС КонсультантПлюс.

Рис. 1. Одноставочные тарифы на транспортировку электроэнергии по всем уровням напряжения, утвержденные для некоторых регионов ПФО, первое полугодие 2024 г.
Fig. 1. Single-rate tariffs for electricity transmission for all voltage levels in Volga Federal District, initial six months of 2024

если в Нижегородской области ставки тарифов на транспортировку прирастают пропорционально – от уровня ВН до НН, то в Чувашии ставки тарифов ВН, СН-I и СН-II являются примерно одинаковыми (при этом ставка тарифа НН прирастает относительно СН-II сразу в 1,5 раза).

Итак, ключевыми особенностями ставок одноставочных тарифов на транспортировку электроэнергии являются неравномерность величин ставок тарифов на одинаковых уровнях напряжения в рамках различных регионов России [28; 29]; пропорциональный рост величин ставок тарифов в зависимости от снижения уровня тарифного напряжения; неодинаковая структура прироста ставок тарифов в зависимости от изменения уровня тарифного напряжения в регионах.

Расчет цены (тарифа) на транспортировку электроэнергии по двухставочной цене (тарифу) производится по формуле:

$$\text{ЦП}_{i,m}^{\text{двух}_U} = [(T_{F,m}^{\text{содерж}_U} \times P_m^i) + (T_{F,m}^{\text{потери}_U} \times W_m^{i,U})] / W_m^{i,U}$$

В упрощенном виде формула выглядит следующим образом:

$$\text{ЦП}_{i,m}^{\text{двух}_U} = (T_{F,m}^{\text{содерж}_U} \times P_m^i) / W_m^{i,U} + T_{F,m}^{\text{потери}_U}$$

где $\text{ЦП}_{i,m}^{\text{двух}_U}$ – цена на транспортировку электроэнергии по двухставочному тарифу по тарифному уровню напряжения (двух_U) для потребителя в месяц (руб./МВт·ч); $T_{F,m}^{\text{потери}_U}$ – ставка на оплату технологического расхода (потерь) в электрических сетях по тарифному уровню напряжения для региона в месяц (руб./МВт·ч); $T_{F,m}^{\text{содерж}_U}$ – ставка на оплату содержания электрических сетей по тарифному уровню напряжения для региона в месяц (руб.×МВт·мес.); P_m^i – величина обязательств

по оплате услуг за содержание объектов электросетевого хозяйства для потребителя в месяц (руб./МВт·мес.).

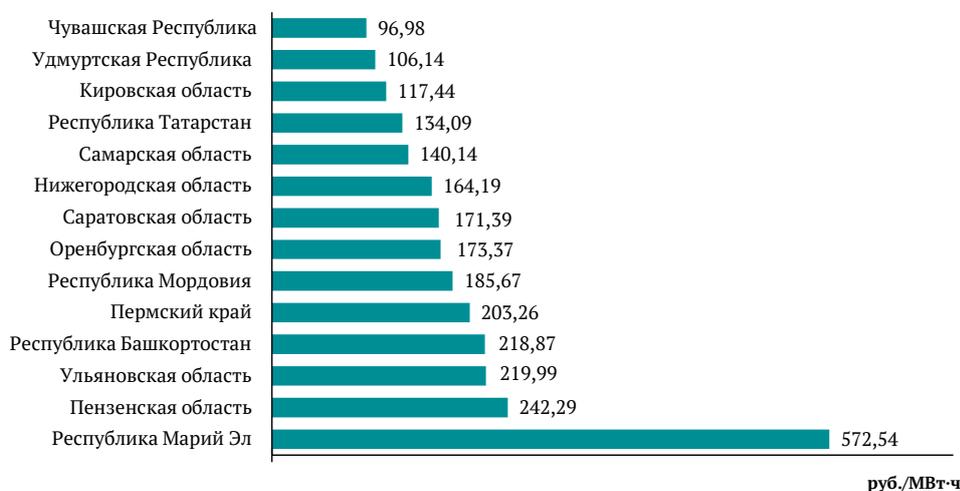
Анализ представленных на рисунке 2 ставок двухставочных тарифов на транспортировку электрической энергии позволяет выявить ряд особенностей:

- ставки на оплату технологического расхода (потерь) в электрических сетях 1) подтверждаются относительно стоимости рубля к МВт·ч; 2) применительно к стоимости рубля за 1 кВт·ч в среднем составляют 16–18 копеек; 3) в различных регионах могут различаться друг от друга более чем в 2 раза;
- ставки на оплату содержания электрических сетей 1) рассчитываются в рублях за каждый 1 МВт обязательств оплачиваемых услуг по содержанию электросетевого хозяйства в разрезе каждого календарного (расчетного) месяца; 2) определяются относительно каждого потребленного кВт·ч на основе проведения необходимых дополнительных расчетов; 3) в различных регионах могут различаться друг от друга более чем в 2–3 раза.

Важно отметить, что ставки подтверждаются для территории субъекта федерации региональными органами власти в области регулирования тарифов. Период действия ставок обычно составляет календарный год либо полугодие.

Представленные на рисунке 3 ставки действуют для одного уровня напряжения – ВН. При этом, как и в случае с одноставочными тарифами на транспортировку электроэнергии, ставки двухставочных тарифов дифференцируются по уровням тарифного напряжения ВН, СН-I, СН-II, НН. В Самарской области ставка тарифов на оплату потерь в электрических сетях на уровне тарифного напряжения НН превышает ставку на уровне напряжения ВН

Ставки на оплату технологического расхода (потерь) в электрических сетях

Ставки на оплату содержания электрических сетей

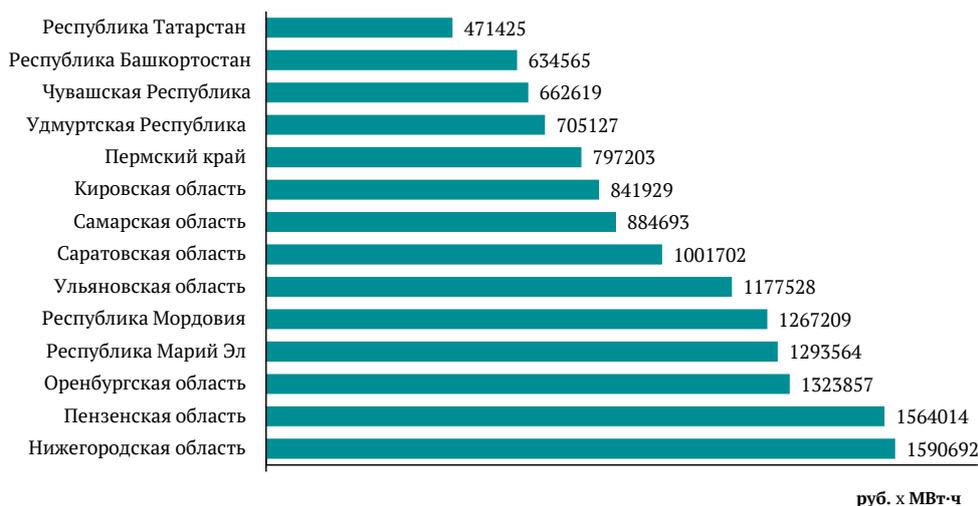

Рис. 2. Ставки двух-ставочных тарифов на транспортировку электроэнергии по уровню напряжения ВН, утвержденные для регионов ПФО, первое полугодие 2024 г.
Fig. 2. Rates of two-rate tariffs for electricity transmission (HV voltage) in Volga Federal District, initial six months of 2024

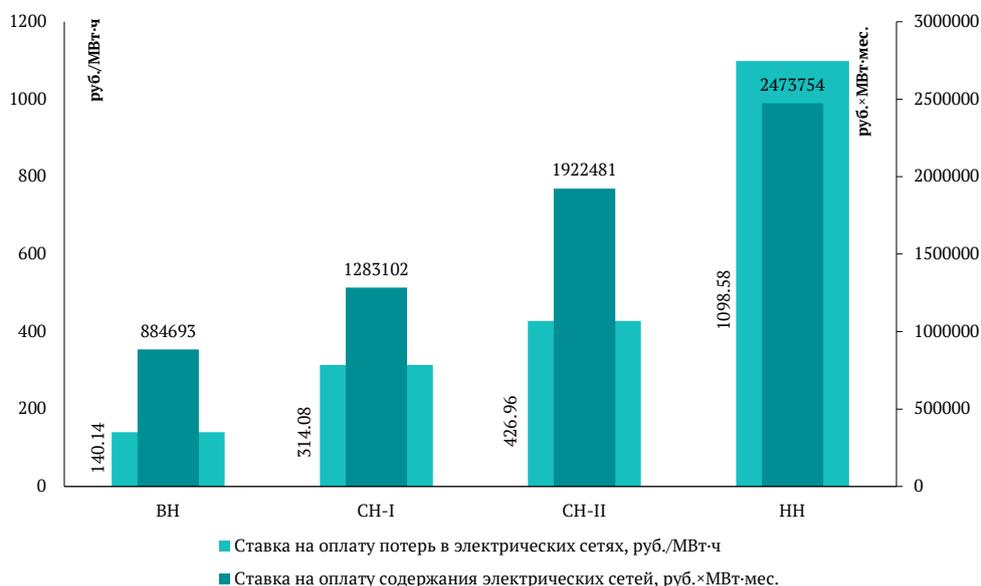

Рис. 3. Ставки двух-ставочных тарифов на транспортировку электроэнергии, утвержденные для Самарской области, первое полугодие 2024 г.
Fig. 3. Rates of two-rate tariffs for electricity transmission in Samara Region, initial six months of 2024

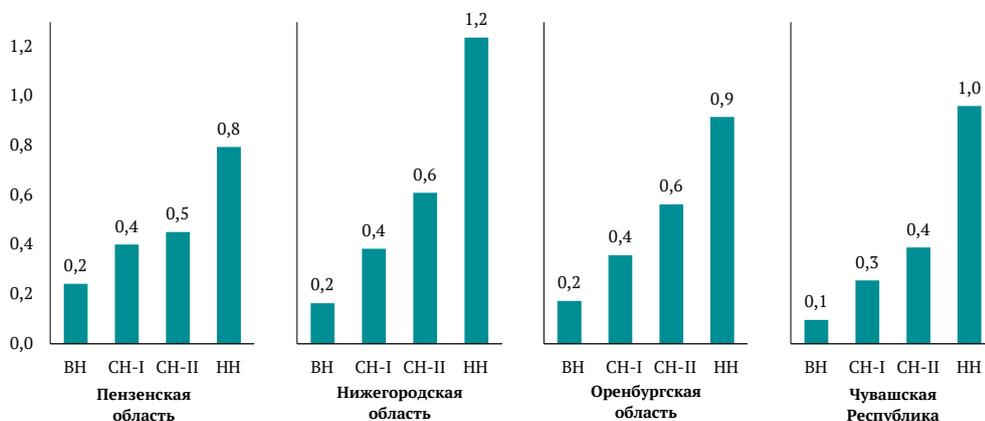
более чем в 7,5 раз, а ставка на оплату содержания электрических сетей на уровне НН выше ставки на уровне ВН более чем в 2,7 раза.

Учитывая выявленную дифференциацию тарифов на транспортировку электроэнергии, следует провести анализ тенденции изменения уровня тарифов при изменении уровней тарифного напряжения от ВН до НН. На рисунке 4 представлены ставки двухставочных тарифов на транспортировку электрической энергии, утвержденные для некоторых регионов ПФО на первое полугодие 2024 г. Ставки на оплату потерь для представленных регионов (Пензенская, Нижегородская, Оренбургская области и Чувашия) демонстрируют увеличение ставок по мере снижения уровня тарифного напряжения. При этом тенденции изменения ставок не являются одинаковыми. Например, если в Пензенской области прирост ставок на оплату потерь для уровня НН относительно уровня СН-II составляет 60 %, то в Чувашии данный показатель равен 150 %.

Причинами различий уровней тарифных напряжений, неравномерности тенденции изменения ставок тарифов в зависимости от уровней тарифного напряжения являются особенности структуры параметров, связанных с передачей электрической энергии в каждом субъекте федерации. К таким особенностям относится структура объектов электросетевого хозяйства в регионе (соотношение электрических сетей ВН, СН-I, СН-II, НН), показатели полезного отпуска электроэнергии по сетям различных классов напряжения [30].

Кроме того, в процессе утверждения тарифов на транспортировку электроэнергии учитываются размеры ставок по различным тарифным уровням, и в процессе переутверждения тарифов не допускается рост абсолютных ставок тарифов по отдельным уровням свыше определенных уровней. В таком случае производится перераспределение тарифной нагрузки между различными уровнями тарифного напряжения, что также приводит к расхождению тенденций изменения тарифных ставок

Показатели ставок на оплату технологического расхода (потерь) в электрических сетях по уровням напряжения

Показатели ставок на оплату содержания электрических сетей по уровням напряжения

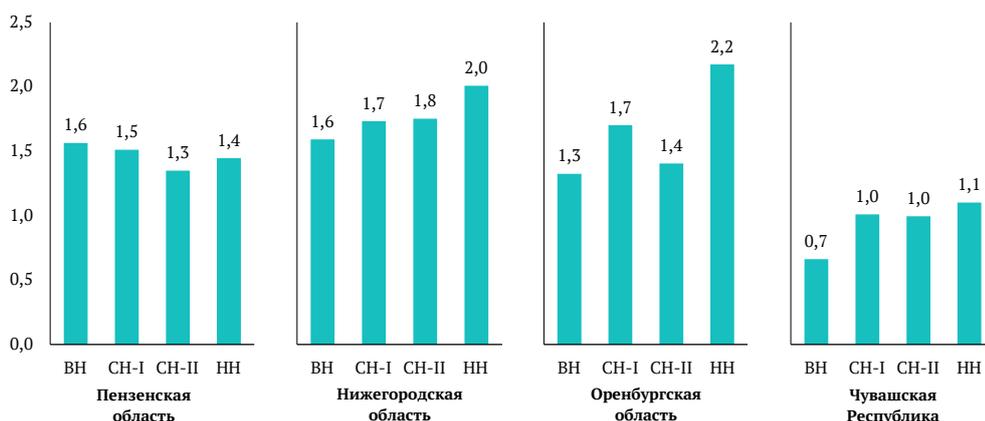

Рис. 4. Ставки двухставочных тарифов на транспортировку электроэнергии, утвержденные для некоторых регионов ПФО, первое полугодие 2024 г.
Fig. 4. Rates of two-rate tariffs for electricity transmission in some regions of Volga Federal District, initial six months of 2024

при различных уровнях напряжения. Расхождение абсолютных ставок тарифов на транспортировку электроэнергии в различных регионах связано с различием показателей необходимой валовой выручки, которые нужны для обеспечения содержания электросетевого хозяйства и оплаты технологических потерь при определенном объеме полезного отпуска электроэнергии через соответствующие объекты электросетевого хозяйства.

При анализе двухставочных тарифов на транспортировку электроэнергии, где присутствует показатель ставки на оплату содержания электрических сетей $T_{F,m}^{содерж.U}$, стоимость оплаты которого зависит от P_m^i , следует уделить внимание расчету конечных ставок двухставочных тарифов. На рисунке 5 представлены показатели конечных двухставочных цен на транспортировку электроэнергии для Самарской области при различных вариантах почасовых суточных графиков электрических нагрузок. Расчет производился на основе трех вариантов почасовых суточных графиков электропотребления:

Вариант 1: график потребления электроэнергии с явно выраженной пиковой нагрузкой в дневной период. Такие формы графиков почасового электропотребления характерны для машиностроительных предприятий с односменным режимом работы основного производства.

Вариант 2: график потребления электроэнергии с равномерной величиной спроса в круглосуточном режиме работы. Такие формы графиков почасового электропотребления характерны для предприятий металлургии, предприятий целлюлозно-бумажной промышленности, а также нового для электроэнергетики России участника обращения электроэнергии – промышленных центров обработки данных по производству криптовалюты.

Вариант 3: график потребления электроэнергии с величиной спроса, тяготеющей к снижению в период дневного максимума электрических нагрузок и росту в период ночного минимума электрических нагрузок. Такие формы графиков почасового электропотребления характерны для предприятий пищевой промышленности и отдельных

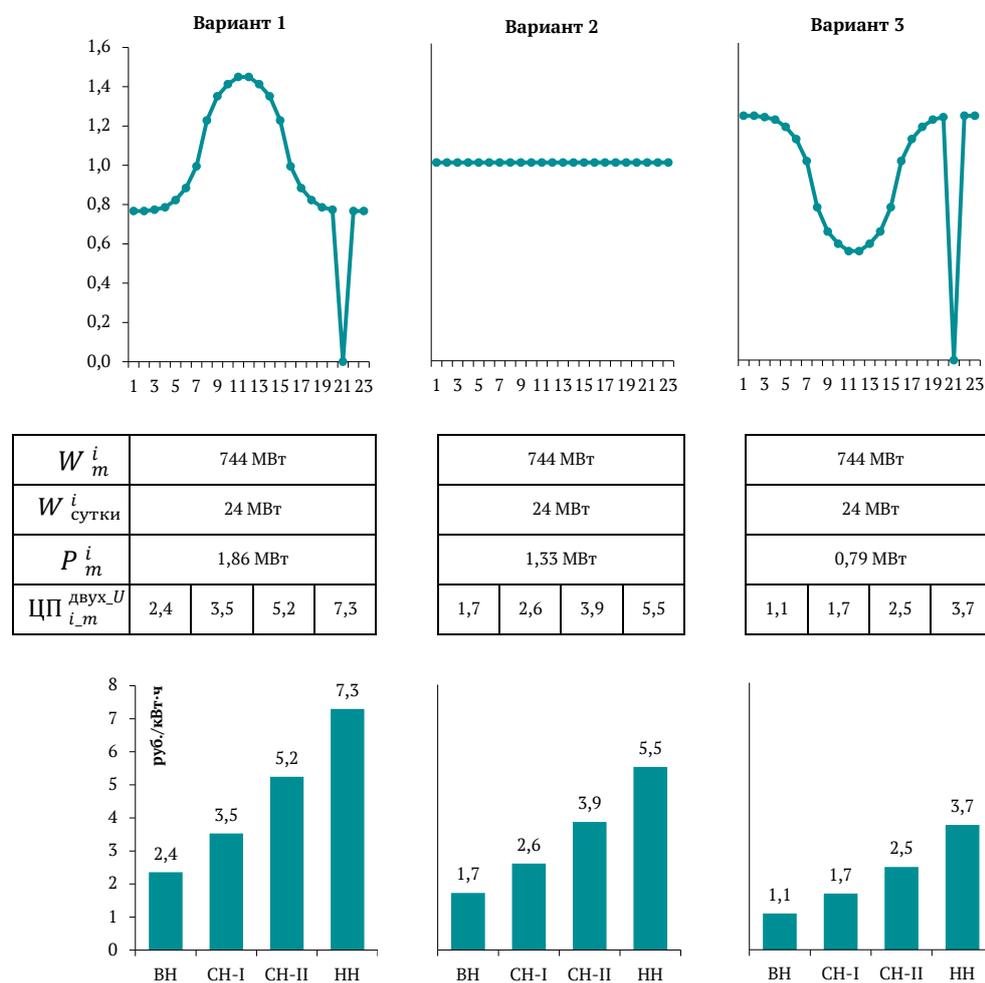

Рис. 5. Конечные двухставочные тарифы на транспортировку электроэнергии для Самарской области при различных вариантах почасовых суточных графиков электрических нагрузок
 Fig. 5. Indicators of final two-rate prices (tariffs) for electricity transmission in Samara Region for various hourly daily schedules of electrical loads

производственных объектов, технологические процессы которых имеют преимущественно ночной режим работы.

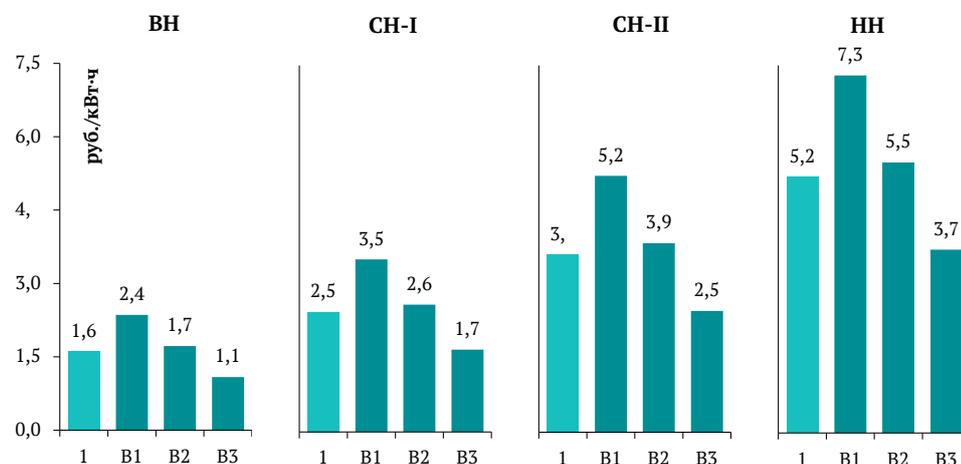
Графики потребления электроэнергии для исследуемых вариантов имеют одинаковый объем суточного (24 МВт) и, соответственно, месячного (744 МВт) потребления. Значения P_m^i для каждого из трех вариантов равняются 1,86, 1,33 и 0,79 МВт соответственно. На основании полученных данных были произведены расчеты $ЦП_{i,m}^{двух-U}$. В результате установлено, что, во-первых, для графиков нагрузок с наибольшим значением P_m^i тарифы на транспортировку электроэнергии по всем уровням напряжения являются самыми высокими. Во-вторых, при графиках с самыми низкими значениями P_m^i тарифы на транспортировку электроэнергии могут быть кратно ниже тарифов на транспортировку с иными характеристиками P_m^i . В-третьих, несмотря на различие характеристик почасовых графиков спроса на электроэнергию, тарифы на транспортировку электроэнергии также дифференцируются по уровням напряжения.

В зависимости от характеристик почасового графика спроса на электроэнергию тарифы $ЦП_{i,m}^{двух-U}$ могут существенно изменяться.

Учитывая возможность применения потребителями электроэнергии двух вариантов тарифов на транспортировку – одноставочного и двухставочного, целесообразно провести их сравнение (рис. 6). Если двухставочные тарифы, рассчитанные при варианте 1, являются самыми высокими из исследуемых вариантов, то при варианте 3, наоборот, – самыми низкими. При этом тарифы, рассчитанные при варианте 2, во всех случаях выше тарифа в одноставочном выражении. Таким образом, в случае потребления электроэнергии при вариантах почасовых суточных графиков электрических нагрузок 1 и 2, потребителю выгоднее выбирать тариф на транспортировку электроэнергии в одноставочном выражении, а при варианте 3 – в двухставочном.

Следует отметить, что выявленное соотношение тарифов для Самарской области не является эквивалентным для всех регионов России (рис. 7). Если для 12 представленных региональных расчетов

Сравнение одноставочного и конечных двухставочных тарифов на транспортировку электроэнергии

Прим.: 1 – одноставочный тариф; B1, B2, B3 – варианты почасовых суточных графиков электрических нагрузок конечных двухставочных тарифов.

Сравнение отклонений конечных двухставочных тарифов от одноставочного

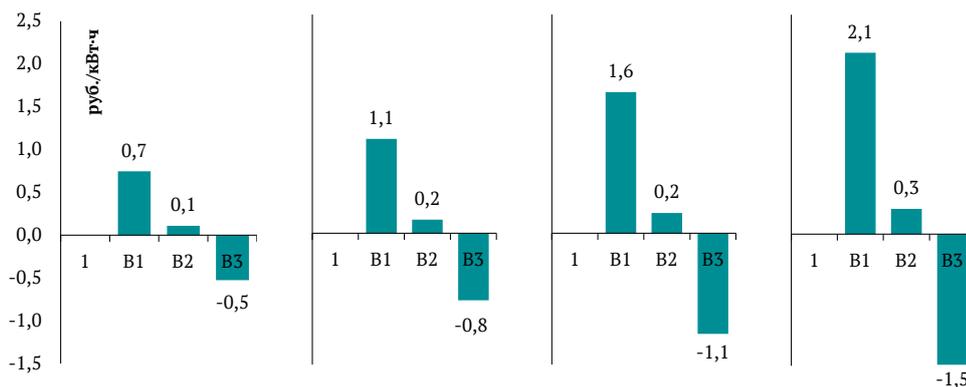

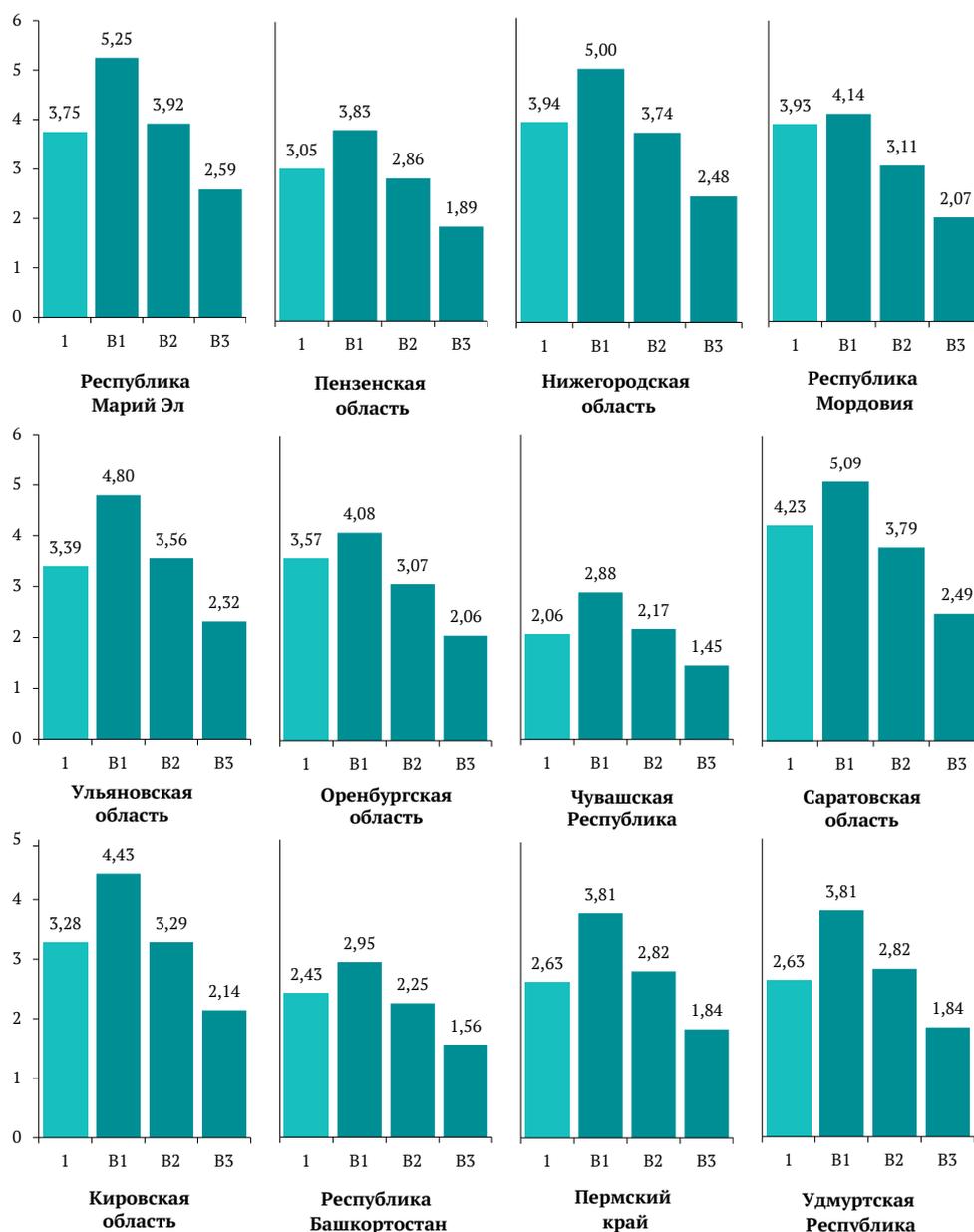
Рис. 6. Одноставочный и двухставочные тарифы на транспортировку электроэнергии, утвержденные для Самарской области, первое полугодие 2024 г. Fig. 6. Single-rate and double-rate electricity transmission tariffs approved for Samara Region, initial six months of 2024

двухставочный тариф, рассчитанный при варианте 1, всегда является самым дорогим, а при варианте 3 – самым дешевым, то соотношение двухставочного тарифа, рассчитанного при варианте 2, и одноставочного тарифа является различным. Например, для Республики Марий Эл, Ульяновской области, Чувашии, Кировской области одноставочный тариф оказался ниже двухставочного, рассчитанного при варианте 2, а для Пензенской области, Мордовии, Оренбургской и Саратовской областей, напротив, одноставочный тариф на транспортировку электроэнергии оказался дороже, чем двухставочный, рассчитанный при варианте 2.

В качестве примера для расчета фактической цены (тарифа) на транспортировку электрической

энергии (мощности) по региональным распределительным объектам электросетевого хозяйства возьмем промышленное предприятие, подключенного к объектам электросетевого хозяйства «Россети Сибирь» (Кемеровская область – Кузбасс) на уровне тарифного напряжения 35 кВ (СН-1). Графики почасового потребления электроэнергии за апрель 2024 г. представлены на рисунке 8. Предприятие относится к сектору металлургии, по этой причине график потребления электрической энергии отличается резко выраженной неравномерностью.

Применяемые величины ставок (тарифов), нормативные акты и источники для расчета рассматриваемого примера за апрель 2024 г. агрегированы в таблице 2.

Прим.: 1 – одноставочный тариф; B1, B2, B3 – варианты почасовых суточных графиков электрических нагрузок конечных двухставочных тарифов.

Рис. 7. Одноставочный и двухставочные тарифы на транспортировку электроэнергии уровня СН-1, утвержденные для регионов ПФО, первое полугодие 2024 г.
Fig. 7. Single-rate and double-rate tariffs for electricity transmission (СН-1) approved for some regions of Volga Federal District, initial six months of 2024

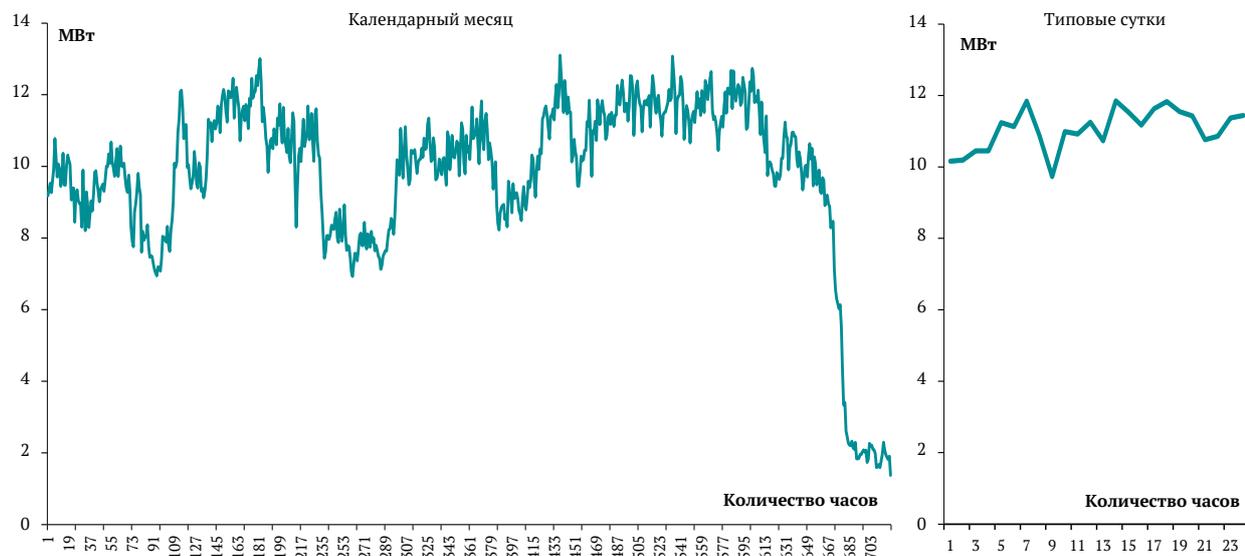

Рис. 8. Графики почасового потребления электроэнергии промышленным предприятием, действующим в Кемеровской области, 2024 г.

Fig. 8. Electricity consumption per hour by an industrial enterprise in Kemerovo Region, 2024

Табл. 2. Одноставочные и двухставочные тарифы на транспортировку электроэнергии по региональным распределительным сетям Кемеровской области, апрель 2024 г.

Tab. 2. Single-rate and double-rate tariffs for electricity transmission through regional distribution networks of Kemerovo Region, April 2024

Используемые ставки (тарифы)	Величины ставок (тарифов)	Нормативные акты и источники
Одноставочный тариф на транспортировку электрической энергии $T_{F,m}^{одн_U}$	2,24 руб./МВт·ч	<ul style="list-style-type: none"> Постановление Региональной энергетической комиссии Кузбасса № 780 от 29.12.2023⁵; для уровня напряжения СН-I; действует на первое полугодие 2024 г.
Объем месячного потребления электроэнергии потребителем $W_m^{i_U}$	7,030 млн кВт·ч	<ul style="list-style-type: none"> почасовой график потребления электроэнергии потребителем
Ставка на оплату содержания электрических сетей $T_{F,m}^{содерж_U}$	1130387,51 руб.×МВт·мес.	<ul style="list-style-type: none"> Постановление Региональной энергетической комиссии Кузбасса № 780 от 29.12.2023; для уровня напряжения СН-I; действует на первое полугодие 2024 г.
Величина обязательств по оплате услуг за содержание объектов электросетевого хозяйства P_m^i	10,7 МВт·мес.	<ul style="list-style-type: none"> почасовой график потребления электроэнергии потребителем; интервалы плановых часов пиковой нагрузки энергосистемы⁶
Ставка на оплату технологического расхода (потерь) в электрических сетях $T_{F,m}^{потери_U}$	147,19 руб./МВт·ч	<ul style="list-style-type: none"> Постановление Региональной энергетической комиссии Кузбасса № 780 от 29.12.2023; для уровня напряжения СН-I; действует на первое полугодие 2024 г.

⁵ Об установлении тарифов на услуги по передаче электрической энергии по сетям Кемеровской области – Кузбасса, поставляемой потребителям на 2024 г. Постановление Региональной энергетической комиссии Кузбасса № 780 от 29.12.2023 (с изм. и доп. От 17.01.2024). ИПП Гарант.

⁶ АО «Системный оператор Единой энергетической системы». URL: <https://www.so-ups.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

В соответствии с полученными данными произведем расчет цены на транспортировку электроэнергии по уровню напряжения СН-I по одноставочному тарифу:

$$\text{ЦП}_{-m}^{\text{одн}} - U = 2,24 \text{ руб./кВт}\cdot\text{ч}$$

Далее рассчитаем цену на транспортировку электрической энергии по уровню напряжения СН-I по двухставочному тарифу:

$$\text{ЦП}_{-m}^{\text{двух}} - U = \frac{(1130387,51 \text{ руб.} \times 10,7 \text{ МВт})}{7,030 \text{ млн. кВт}\cdot\text{ч}} + 147,19 \text{ руб./МВт}\cdot\text{ч} = 1,867 \text{ руб./кВт}\cdot\text{ч}$$

Полученные результаты подчеркивают эффективность применения двухставочного тарифа на транспортировку электроэнергии для рассматриваемого предприятия.

По данным представленного примера (а именно значений показателей $W_m^{i,U}$ и $P_m^{i,U}$) произведены расчеты одноставочных и двухставочных тарифов на транспортировку электроэнергии по региональным объектам электросетевого хозяйства для всех регионов России по уровню напряжения СН-I (рис. 9). Так, полученные показатели одноставочных и двухставочных тарифов для регионов страны характеризуются различиями, которые выражаются не только в величинах тарифов, но и в соотношении таких различий. Например, если в республиках Карелия, Тыва, Ингушетия, Ленинградской области одноставочные тарифы для рассматриваемого примера оказались дороже, чем двухставочные, то в Республике Северная Осетия – Алания, Смоленской, Курской и Брянской областях одноставочные тарифы, наоборот, оказались дешевле, чем двухставочные. При этом важно учитывать, что при расчете цен по другим уровням тарифного напряжения соотношения одноставочных и двухставочных тарифов могут быть иными.

Заключение

Описание основных принципов действия тарифов на транспортировку электрической энергии для промышленных потребителей позволяет получить широкое представление о порядке применения тарифных механизмов. Представленные автором примеры демонстрируют отличие одних групп тарифов от других.

Одноставочная цена (тариф) рассчитывается на 1 кВт·ч электроэнергии одновременно с учетом стоимости нормативных потерь электрической энергии при ее передаче по объектам электросетевого хозяйства, а двухставочная цена (в виде

ставки, отражающей удельную величину расходов на содержание электрических сетей, и ставки, используемой для целей определения расходов на оплату нормативных потерь электроэнергии при ее передаче по объектам электросетевого хозяйства) – на основе почасового графика потребления электроэнергии предприятия и существенно зависит от характера волатильности почасового спроса на электрическую энергию.

Цены на транспортировку электроэнергии для ставок по одноставочному и двухставочному тарифам в различных регионах могут существенно различаться. Так, ключевыми особенностями ставок по одноставочному тарифу являются неравномерность величин ставок тарифов на одинаковых уровнях напряжения; пропорциональный рост величин ставок тарифов в зависимости от снижения уровня тарифного напряжения; неодинаковая структура прироста ставок тарифов в зависимости от изменения уровня тарифного напряжения. Ставки на оплату технологического расхода (потерь) в электрических сетях по двухставочному тарифу 1) утверждаются относительно стоимости рубля к МВт·ч; 2) применительно к стоимости рубля за 1 кВт·ч в среднем составляют 16–18 копеек; 3) могут различаться друг от друга более чем в 2 раза. Ставки на оплату содержания электрических сетей 1) рассчитываются в рублях за каждый 1 МВт обязательств оплачиваемых услуг по содержанию электрических сетей в календарный месяц; 2) определяются относительно каждого потребленного кВт·ч на основе проведения необходимых дополнительных расчетов; 3) могут различаться друг от друга более чем в 2–3 раза.

На основе проведенного расчета фактической цены на транспортировку электрической энергии по региональным распределительным объектам электросетевого хозяйства на примере промышленного предприятия, подключенного к объектам электросетевого хозяйства «Россети Сибирь» (Кемеровская область) на уровне тарифного напряжения 35 кВ (СН-I), можно самостоятельно рассчитать стоимость услуг по передаче электроэнергии по сетям Единой национальной электрической сети для частных индивидуальных случаев работы промышленных предприятий, действующих в любом регионе России. Полученные результаты могут быть полезны для сотрудников энергетических компаний, промышленных предприятий, а также представителей органов исполнительной власти, осуществляющих функции контроля и регулирования в области электроэнергетики.

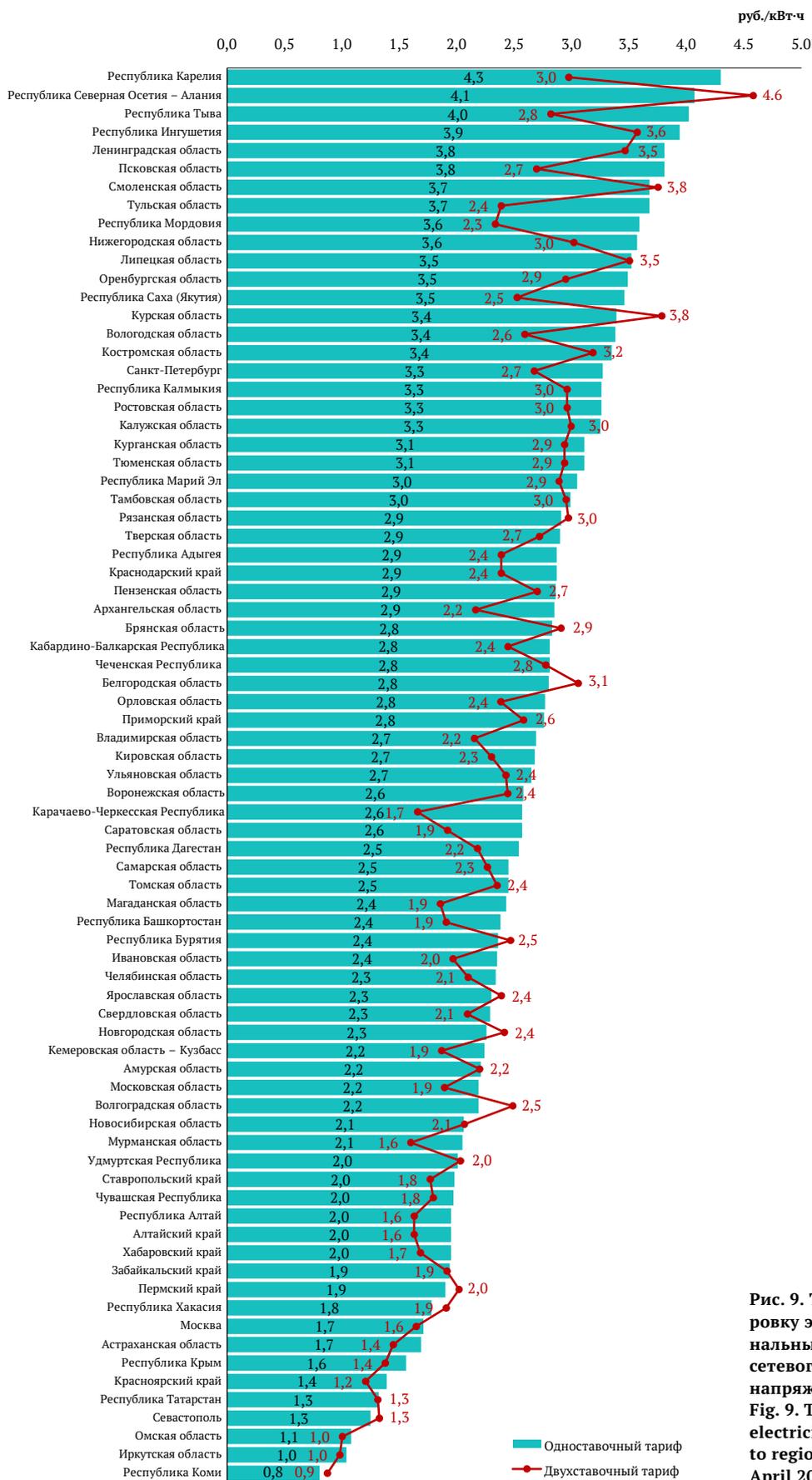

Рис. 9. Тарифы на транспортировку электроэнергии по региональным объектам электросетевого хозяйства по уровню напряжения СН-I, апрель 2024 г.
Fig. 9. Transportation for electricity transmission (CH-I) to regional electric grid facilities, April 2024

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Королев В. Г., Капитонов И. А., Бердников Д. В., Дудкин С. А. Современное государственное регулирование электроэнергетической отрасли. М.: Русайнс, 2022. 148 с. [Korolev V. G., Kapitonov I. A., Berdnikov D. V., Dudkin S. A. *Modern state regulation of the electric power industry*. Moscow: Ruscience, 2022, 148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ggvmen>
2. Кузьмин В. В., Афанасьев В. Я., Кузьмина О. В. О свойствах современного электроэнергетического рынка. *Энергетик*. 2022. № 7. С. 3–9. [Afanasyev V. Ya., Kuzmin V. V., Kuzmina O. V. Properties of modern power market. *Energetik*, 2022, (7): 3–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/inlvyr>
3. Паздерин А. В., Паздерин А. А. Совершенствование тарифных моделей для электросетевых организаций. *Системное тарифное регулирование в энергетической отрасли: теория, методология, практика*. М.: КГЭУ, 2022. С. 155–214. [Pazderin A. V., Pazderin A. A. Improvement of tariff models for electric grid organizations. *Systemic tariff regulation in the energy sector: Theory, methodology, and practice*. Moscow: KSPEU, 2022, 155–214. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yopoig>
4. Транкалан Ф. И. Правовые особенности осуществления расчетов за услуги по передаче электроэнергии по электросетевым объектам, приобретенным после установления тарифа на услуги по передаче электроэнергии. *Правовой энергетический форум*. 2024. № 4. С. 82–89. [Trankalan F. I. Legal peculiarities of settlements for power transmission services through grid facilities acquired after setting the tariff for power transmission services. *Energy Law Forum*, 2024, (4): 82–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.61525/S231243500033337-8>
5. Любимова Н. Г., Порцина Е. Н. Анализ зарубежных методов регулирования тарифов на услуги по передаче электрической энергии сетевыми организациями. *Инновации и инвестиции*. 2020. № 1. С. 163–167. [Lyubimova N. G., Porcina E. N. Analysis of foreign methods of regulating tariffs for services on transmission of electric energy by network organizations. *Innovation & Investment*, 2020, (1): 163–167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/poxwsl>
6. Попов Д. С., Бологова В. В., Шувалова Д. Г. Перспективы государственного регулирования цен и тарифов на услуги по передаче электрической энергии для территориальных сетевых организаций. *Экономика, предпринимательство и право*. 2023. Т. 13. № 10. С. 4193–4210. [Popov D. S., Bologova V. V., Shuvalova D. G. Prospects for state regulation of prices and tariffs for power transmission services for regional power grid companies. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2023, 13(10): 4193–4210. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/epp.13.10.119233>
7. Титова О. В., Бурашников Д. В. Тарифное регулирование в электроэнергетике: отечественный и зарубежный опыт. *Инновационная экономика и право*. 2023. № 4. С. 87–93. [Titova O. V., Burashnikov D. V. Tariff regulation in the electric power industry: Domestic and foreign experience. *Innovatsionnaya ekonomika i pravo*, 2023, (4): 87–93. (In Russ.)] https://doi.org/10.53015/2782-263X_2023_4_87
8. Попов Д. С., Шувалов И. Г., Бологова В. В. Модель гибкого нормирования тарифного коэффициента для территориальных сетевых организаций при внедрении метода эталонных операционных затрат. *Экономика труда*. 2024. Т. 11. № 12. С. 2281–2298. [Popov D. S., Shuvalov I. G., Bologova V. V. Model of flexible standardization of tariff coefficient for territorial grid organizations when implementing the method of reference operating costs. *Russian Journal of Labour Economics*, 2024, 11(12): 2281–2298. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/et.11.12.122128>
9. Бартоломей П. И., Паздерин А. А., Паздерин А. В. Направления совершенствования системы оплаты услуг на передачу электроэнергии с учетом международного опыта. *Электроэнергия. Передача и распределение*. 2019. № 5. С. 66–71. [Bartolomej P. I., Pazderin A. V., Pazderin A. A. Directions of improving the electric energy transmission tariff system taking into account international experience. *Elektroenergiya. Peredacha i raspredelenie*, 2019, (5): 66–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mokzqq>
10. Скороходова И. Г., Гринь А. А., Гринь А. И. Перспективы организационно-правовых и имущественных преобразований территориальной сетевой организации. *Научный вестник Государственного*

- автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2022. № 1. С. 11–17. [Skorohodova I. G., Grin A. A., Grin A. I. Prospects of organizational, legal and property transformations of a territorial network organization. *Nauchnyj vestnik Gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Nevinnomysskij gosudarstvennyj gumanitarno-tekhnicheskij institut"*, 2022, (1): 11–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jsenfa>
11. Шведова В. Ю. Показатели эффективности регулирования деятельности территориальных сетевых организаций. *Микроэкономика*. 2021. № 3. С. 86–94. [Shvedova V. Yu. Efficiency indicators in regulating distribution network operators' performance. *Mikroekonomika*, 2021, (3): 86–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33917/mic-3.98.2021.86-94>
 12. Армашова-Тельник Г. С., Бобович Т. А. Специфика принципов реализации бизнес-процессов на предприятиях электроэнергетического сектора России. *Российский экономический интернет-журнал*. 2023. № 3. [Armashova-Telnik G. S., Bobovich T. A. Specifics of the principles of implementation of business processes at the enterprises of the electric power sector of Russia. *Rossijskij ekonomicheskij internet-zhurnal*, 2023, (3). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hnajbl>
 13. Воротницкий В. Э. О системном подходе к повышению энергетической и экономической эффективности электрических сетей нового технологического уклада. *Энергетик*. 2022. № 4. С. 14–19. [Vorotnitsky V. E. On the system approach to improving the energy and economic efficiency of electric networks of the new technological structure. *Energetik*, 2022, (4): 14–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fyakib>
 14. Сунгатуллина Л. Б., Исламова Л. Х. Особенности ценообразования на рынке электроэнергии. *Научные труды Центра перспективных экономических исследований*. 2022. № 23. С. 87–94. [Sungatullina L. B., Islamova L. Kh. Peculiarities of pricing in the electricity market. *Nauchnye trudy Tsentra perspektivnykh ekonomicheskikh issledovanij*, 2022, (23): 87–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eclskb>
 15. Агафонов Д. В., Мозговая О. О., Файн Б. И., Кузнецов В. В. Оценка результатов и дальнейших перспектив внедрения эталонного регулирования в электроэнергетике. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2024. № 1. С. 87–112. [Agafonov D. V., Mozgovaya O. O., Fayn B. I., Kuznetsov V. V. Assessing the results and prospects for introducing yardstick regulation in the electric power industry. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2024, (1): 87–112. (In Russ.)] https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_1_87_112
 16. Евтихийев М. М. Гражданско-правовой договор электроснабжения как основное правовое средство в механизме правового регулирования электроснабжения граждан. *Аграрное и земельное право*. 2023. № 3. С. 100–103. [Evtihiev M. M. Civil law contract of power supply as the main legal means in the mechanism of legal regulation of electricity supply to citizens. *Agrarian and Land Law*, 2023, (3): 100–103. (In Russ.)] https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_3_100
 17. Вымятина Ю., Карасева Е., Слоев И. Опыт реформ электроэнергетики в контексте экономической теории. *Экономическая политика*. 2022. Т. 17. № 3. С. 8–43. [Vymyatnina Yu., Karaseva E., Sloev I. Electricity sector reform experience in the context of economic theory. *Economic Policy*, 2022, 17(3): 8–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2022-3-8-43>
 18. Дзюба А. П., Конопелько Д. В. Повышение энергетической эффективности регионального энерго-снабжения промышленных территорий на основе систем комбинированного теплоснабжения. Челябинск: ЮУрГУ, 2024. 169 с. [Dzyuba A. P., Konopelko D. V. *Improving the energy efficiency of regional power supply to industrial areas based on combined heat supply systems*. Chelyabinsk: SUSU, 2024, 169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tptobg>
 19. Дзюба А. П., Семиколонов А. В. Управление активными энергетическими комплексами промышленных предприятий в условиях рынка электроэнергии (мощности) России. Челябинск: ЮУрГУ, 2022. 149 с. [Dzyuba A. P., Semikolenov A. V. *Managing active energy complexes of industrial enterprises in the conditions of the electricity (capacity) market Of Russia*. Chelyabinsk: SUSU, 2022, 149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gycnlt>
 20. Зубарев В. С., Паздерин А. В., Фирсова Д. А., Шевелев И. В. Расчет тарифов на передачу электрической энергии в сетях энергосистем на основе технико-экономической модели. *Электрoэнергетика глазами молодежи – 2017: VIII Междунар. науч.-техн. конф.* (Самара, 2–6 октября 2017 г.) Самара: СамГТУ, 2017. С. 155–158. [Zubarev V. S., Pazderin A. V., Firsova D. A., Shevelev I. V. Calculation of transmission and distribution tariffs for power systems based on the technical and economic model. *Electric power industry from young scientists' perspective 2017: Proc. Intern. Sci.-Tech. Conf.*, Samara, 2–6 Oct 2017. Samara: SSTU, 2017, 155–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmtvur>

21. Петрухин А. И. Изменение структуры тарифов при переходе на распределенную генерацию. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. 2024. № 10. С. 73–76. [Petrukhin A. I. Changing the tariff structure after transfer to distributed generation. *Modern Science: Actual problems of theory and practice*, 2024, (10): 73–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdtmlb>
22. Дзюба А. П., Соловьева И. А. Интеграция систем управления спросом на электроэнергию и газ с малой распределенной генерацией промышленного предприятия. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2019. № 45. С. 219–236. [Dzyuba A. P., Solovyova I. A. Integration of demand management systems for electricity and gas with a small distributed generation of industrial enterprises. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2019, (45): 219–236. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988648/45/15>
23. Дзюба А. П. Снижение стоимости услуг транспорта электроэнергии промышленных предприятий, подключенных к электрическим сетям производителей электроэнергии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2021. № 2. С. 359–383. [Dzyuba A. P. Reducing the cost of electricity transmission services of industrial enterprises connected to the electric networks of electric power producers. *RUDN Journal of Economics*, 2021, (2): 359–383. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-2-359-383>
24. Баев И. А., Соловьева И. А., Дзюба А. П. Управление затратами на услуги по передаче электроэнергии в промышленном регионе. *Экономика региона*. 2018. Т. 14. № 3. С. 955–969. [Dzyuba A. P. Reducing the cost of electricity transmission services of industrial enterprises connected to the electric networks of electric power producers. *Economy of Regions*, 2018, 14(3): 955–969. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xyuccl>
25. Дзюба А. П., Соловьева И. А. Управление спросом на энергоресурсы в глобальном экономическом пространстве. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 260 с. [Dzyuba A. P., Solovyova I. A. *Energy demand management in the global economic environment*. Chelyabinsk: SUSU, 2021, 260. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rabwdb>
26. Емельянов А. А. Проблемы функционирования и взаимодействия субъектов российского рынка электроэнергетики. *Вестник Московского института государственного управления и права*. 2020. № 1. С. 9–13. [Emelianov A. A. Problems of functioning and interactions of subjects of the Russian electric power market. *Vestnik Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava*, 2020, (1): 9–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pluvps>
27. Бык Ф. Л., Китушин В. Г., Мышкина Л. С. Надежный механизм управления спросом на электроэнергию. *Известия Российской академии наук. Энергетика*. 2017. № 1. С. 19–31. [Byk F. L., Kitushin V. G., Myshkina L. S. Reliability mechanism for electricity demand management. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Energetics*, 2017, (1): 19–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtcxen>
28. Кузнецов А. В., Ребровская Д. А., Чикин В. В. Модель дифференцированного тарифа для управления режимом потребления реактивной мощности. *Интеллектуальная электротехника*. 2021. № 1. С. 31–52. [Kuznetsov A. V., Rebrovskaya D. A., Chikin V. V. Model of differentiated tariff for control of reactive power consumption. *Smart Electrical Engineering*, 2021, (1): 31–52. (In Russ.)] https://doi.org/10.46960/2658-6754_2021_1_31
29. Арефьев Н. В., Стенников В. А., Лачуга Ю. Ф., Бутырин П. А., Воротницкий В. Э., Редько И. Я., Матюхин В. Ф. Системные проблемы отечественной электроэнергетики и пути их комплексного решения. *Электричество*. 2025. № 5. С. 4–15. [Arefev N. V., Stennikov V. A., Lachuga Yu. F., Butyrin P. A., Vorotnitskiy V. E., Redko I. Ya., Matyuhin V. F. Systemic problems of Russia's electric power industry and ways for comprehensively solving them. *Elektrichestvo*, 2025, (5): 4–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24160/0013-5380-2025-5-4-15>
30. Симонов Н. С. Реформы в электроэнергетике России в контексте развития энергетического права. *ЭКО*. 2018. № 3. С. 155–180. [Simonov N. S. Reforms in the electric power industry of Russia in the context of energy law development. *EKO*, 2018, (3): 155–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywnkje>

оригинальная статья

eLibrary EDN: UQBDBI

Экономическая безопасность регионов России в условиях санкционного давления

Иода Юлия Владимировна

Липецкий филиал Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, Липецк
eLibrary Author SPIN: 8423-0962
<https://orcid.org/0000-0002-7320-0666>

Плюснина Оксана Владимировна

Ухтинский государственный технический университет,
Россия, Ухта
eLibrary Author SPIN: 5956-8623
<https://orcid.org/0000-0002-5059-1246>
sv-science@yandex.ru

Труфанова Светлана Александровна

Московский университет «Синергия», Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 8099-8688
<https://orcid.org/0000-0002-0246-5616>

Шапошникова Ирина Владимировна

Московский университет «Синергия», Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 6500-6705

Аннотация: Необходимость подробного изучения и анализа последствий введенных санкций на экономические результаты предприятий, регионов и России в целом, а также на уровень их экономической безопасности обуславливает актуальность статьи. Цель – определить регионы России, на уровне экономической безопасности которых в большей степени сказались внешние угрозы и санкционное давление. Задачи: изучить теоретические аспекты влияния санкций на деятельность предприятий, регионов и страны; предложить метод определения приоритетных регионов России, нуждающихся в укреплении экономической безопасности; разработать мероприятия по повышению уровня экономической безопасности в таких регионах. Использован комбинированный подход, основанный на отборе и анализе ключевых показателей, которые отражают уровень экономической безопасности регионов, с проведением последующей группировки методом иерархического кластерного анализа. Также применены такие экономико-статистические методы, как анализ абсолютных, относительных показателей и средних величин, индексный подход, анализ рядов динамики. В результате выявлено неравное распределение регионов по уровню экономической безопасности и возможностям противостоять санкционному давлению. Определена приоритетная группа регионов России, наиболее подверженная рискам от санкций и иных внешних угроз. Предложены мероприятия по укреплению экономической безопасности данной территориальной группы. Установлено, что такие мероприятия должны быть подобраны исходя из приоритетных направлений деятельности и специализации региона, стратегии социально-экономического развития соответствующего субъекта и располагаемого объема ресурсов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, санкционное давление, кластерный анализ, индекс физического объема ВРП, индекс промышленного производства, уровень инновационной активности предприятий, индекс производительности труда, доля населения в трудоспособном возрасте, регионы России

Цитирование: Иода Ю. В., Плюснина О. В., Труфанова С. А., Шапошникова И. В. Экономическая безопасность регионов России в условиях санкционного давления. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2026. Т. 11. № 1. С. 105–120. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-105-120>

Поступила в редакцию 29.05.2025. Принята после рецензирования 17.07.2025. Принята в печать 21.07.2025.

original article

Strategic Resilience of Russian Regional Economies Under Sanctions

Yulia V. Ioda

Lipetsk Branch of Financial University under the Government
of the Russian Federation, Russia, Lipetsk
eLibrary Author SPIN: 8423-0962
<https://orcid.org/0000-0002-7320-0666>

Oksana V. Plyusnina

Ukhta State Technical University, Russia, Ukhta
eLibrary Author SPIN: 5956-8623
<https://orcid.org/0000-0002-5059-1246>
sv-science@yandex.ru

Svetlana A. Trufanova

Moscow University "Synergy", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 8099-8688
<https://orcid.org/0000-0002-0246-5616>

Irina V. Shaposhnikova

Moscow University "Synergy", Russia, Moscow
eLibrary Author SPIN: 6500-6705

Abstract: Anti-Russian sanctions affect the country's economy at the corporate, regional, and federal levels, threatening national security. This article identifies Russian regions that are particularly vulnerable to external threats. A review of publications on the economic consequences induced by foreign sanctions made it possible to develop a method for identifying priority regions with the lowest levels of economic security. The approach relied on hierarchical cluster analysis of economic security indicators. The obtained data were subjected to such economic and statistical methods as the analysis of absolute and relative indicators, mean values, and dynamics series, as well as an index approach. The levels of economic security and resilience potential varied significantly across the country. The authors propose a set of measures to bolster the economies of the most vulnerable regions based on their industrial profiles, socio-economic strategies, and available resources.

Keywords: economic security, sanctions pressure, cluster analysis, GRP physical volume index, industrial production index, labor productivity index, corporate innovative activity, working age population, Russia's regions

Citation: Ioda Yu. V., Plyusnina O. V., Trufanova S. A., Shaposhnikova I. V. Strategic Resilience of Russian Regional Economies Under Sanctions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 105–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-105-120>

Received 29 May 2025. Accepted after review 17 Jul 2025. Accepted for publication 21 Jul 2025.

Введение

Последнее десятилетие для экономики РФ характеризуется серьезным внешним санкционным давлением. Сложная геополитическая ситуация привела к необходимости еще более глубокого изучения и глубокой оценки уровня экономической безопасности страны. На всех уровнях управления – от местного до федерального – обсуждаются вопросы импортозамещения, мероприятия по стабилизации производственного процесса, а также направления обеспечения устойчивого развития государства.

С 2022 г. против России действует беспрецедентный объем санкций (более 16000), в том числе заморозка золотовалютных резервов страны и отключение банков от системы SWIFT. Ограничения коснулись ключевых отраслей экономики нашей страны – энергетики, обрабатывающих

производств, транспортной отрасли, строительства, сельского хозяйства, сферы информационных технологий и финансового сектора. Негативными последствиями введения санкций стало в первую очередь сокращение валового внутреннего продукта (ВВП) в 2022 г., которое по сравнению с 2021 г. составило 1,4 %. После чего экономика страны начала адаптироваться к введенным ограничениям, и к 2024 г. темп роста ВВП составил 107 % по сравнению с 2021 г. При этом влияние санкций на экономику России проявилось в снижении доли экспорта в структуре ВВП (с 30 % в 2021 г. до 22,3 % в 2024 г.), импорта (с 20,5 % в 2021 г. до 17,9 % в 2024 г.) и росте потребительских цен на 39,5 % в 2024 г. (по сравнению с 2021 г.)¹.

Нарастающее санкционное давление обуславливает внимание исследователей к вопросам обеспечения

¹ Валовой внутренний продукт. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 20.05.2025).

экономической безопасности в регионах России. Влияние санкций на экономику субъектов РФ носит дифференцированный характер. Это обусловлено различиями в составе и структуре производимой продукции, рынках сбыта, интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости и, в целом, в уровне социально-экономического и инфраструктурного развития регионов. Что касается мероприятий по обеспечению экономической безопасности, то не представляется возможным охватить такими мерами все территории, подверженные внешним экономическим угрозам. Это приводит к необходимости выделения приоритетных субъектов для осуществления подобного рода государственных воздействий.

Экономическая безопасность – комплексное экономическое состояние, которое характеризуется устойчивым экономическим ростом, защитой национальных интересов, минимальными эффектами от влияния внутренних и внешних угроз. В зависимости от охвата субъектов экономической деятельности данный феномен подразделяется на три уровня: национальный, региональный и уровень предприятия. Авторы интересуются региональный уровень, т. к. экономическая безопасность каждого региона в отдельности вносит свой вклад в общенациональную безопасность. Среди составляющих экономической безопасности региона, как правило, выделяют следующие [1–7]:

1) *производственная безопасность* характеризуется темпами изменений ключевых макроэкономических показателей (валовой региональный продукт (ВРП), производительность труда, промышленное производство и др.);

2) *инвестиционная безопасность* характеризуется индикаторами, отражающими уровень инвестиционной привлекательности предприятий;

3) *научно-техническая безопасность* характеризуется масштабами использования высокотехнологического оборудования, результатов интеллектуальной деятельности при производстве продукции, а также уровнем инновационной активности предприятий;

4) *социальная безопасность* характеризуется степенью защищенности граждан от угроз социального характера; ключевой индикатор уровня социальной безопасности – качество жизни населения;

5) *демографическая безопасность* характеризуется структурой и составом трудоспособного населения региона, непосредственно участвующего в экономической деятельности;

6) *финансовая безопасность* характеризуется низкой зависимостью от дотаций федерального бюджета;

7) *кадровая безопасность* характеризуется стабильностью трудовых ресурсов региона, балансом спроса и предложения на рынке труда, контролируемые миграционными потоками;

8) *информационная безопасность* представляет собой состояние защищенности информационных ресурсов, процессов и инфраструктуры, используемых в регионе, от внешних угроз;

9) *продовольственная безопасность* – способность региональной системы производства, переработки, хранения и реализации продуктов питания обеспечивать ими стабильно и равномерно все категории населения.

Один из основоположников российской концепции экономической безопасности Л. И. Абалкин предложил рассматривать экономическую безопасность государства как способность противостоять разного рода угрозам [8]. В. К. Сенчагов, в свою очередь, представил критерии регионального кризиса экономической безопасности, который отражается в спаде объемов производства, росте уровня безработицы, сокращении численности занятых и естественной убыли населения [9]. Также исследования в области экономической безопасности посвящены:

- вопросам экономической безопасности в контексте санкционного давления: разработана методология оценки устойчивости региональных экономических систем, предложены ключевые показатели, которые могут выступить индикаторами уровня экономической безопасности на субфедеральном уровне [10]; изучены институциональные основы экономической безопасности зарубежных государств и разработаны методы оценки эффективности антикризисных мер [11]; разработана стратегия опережающего развития через технологический прорыв и концепция *экономического суверенитета в условиях кризисной экономики* в качестве мероприятий по укреплению экономической безопасности страны [12];
- теоретико-методическим вопросам экономической безопасности региона [13; 14];
- вопросам продовольственной безопасности как элемента экономической безопасности государств [15];
- разработке методологии оценки технологического суверенитета регионов и отраслей [16];
- изучению финансовых аспектов экономической безопасности, влияния санкций на банковский сектор, проведению анализа теневых экономических процессов [17];
- исследованию влияния инновационной активности страны и регионов на устойчивость

экономического развития и уровень экономической безопасности [18], а также влияния пандемии COVID-19 и санкций на развитие рынка связи [19];

- проведению исследований в области «зеленой» экономики, уделено внимание моделям устойчивого развития ресурсодобывающих регионов, дана экономическая оценка эффективности ESG-трансформации регионов и промышленных предприятий [20];
- изучению того, как промышленные предприятия пытаются выстоять в условиях введенных санкций: разработаны методики оценки платежеспособности предприятий в условиях кризиса, предложены модели антикризисного управления и стресс-тестирования для различных предприятий [21];
- исследованию влияния санкций на работу промышленных предприятий России, разработке методов оценки рисков экономической безопасности предприятий и предложению ряда моделей антикризисного управления ими [22];
- разработке механизмов управления предприятиями в условиях кризиса и санкционного давления [23];
- проведению оценки финансовой устойчивости как фактора обеспечения экономической безопасности предприятия путем разработки подходов к стресс-тестированию и авторской модели управления ликвидностью [24];
- изучению института государственно-частного партнерства как способа укрепления экономической безопасности предприятий в условиях санкционного давления [25];
- предложению формирования инновационных кластеров с участием представителей науки, бизнеса и государства в целях противостояния санкционному давлению [26; 27].

Таким образом, фокус ключевых направлений современных исследований в области экономической безопасности смещается в сторону регионов, их устойчивого развития. Учеными предлагаются новые критерии и индикаторы оценки экономической безопасности. При разработке мероприятий по укреплению экономической стабильности исследователи прибегают чаще всего к стресс-тестированию и методам антикризисного управления.

Цель статьи – определить регионы России, на уровне экономической безопасности которых в большей степени сказались внешние угрозы и санкционное давление. Задачи: изучить теоретические аспекты влияния санкций на деятельность

предприятий, регионов и страны; предложить метод определения приоритетных регионов России, нуждающихся в укреплении экономической безопасности; разработать мероприятия по повышению уровня экономической безопасности в таких регионах.

Необходимость мониторинга уровня экономической безопасности регионов обусловлена рыночной турбулентностью, сложной геополитической ситуацией и нарастающим санкционным давлением. Оценка позволяет определить текущее положение дел, спрогнозировать вероятность развития событий, выявить слабые стороны, потенциальные угрозы. Гипотеза исследования заключается в том, что, подобрав оптимальную методику оценки экономической безопасности территории, можно определить приоритетные регионы, требующие наибольшего внимания в части осуществления мер поддержки.

Среди методов оценки уровня экономической безопасности регионов наиболее распространены являются следующие: метод коллективных или индивидуальных экспертных оценок [28]; определение ключевых макроэкономических показателей, их регулярный мониторинг и сравнение с пороговыми значениями [29]; математические и экономико-статистические методы, основанные на многомерном, кластерном, регрессионном и других видах анализа [30]; комбинированные методы.

Ввиду сложности и комплексности рассматриваемого феномена использован комбинированный подход, основанный на отборе и анализе ключевых показателей, отражающих уровень экономической безопасности регионов, с проведением последующей группировки методом иерархического кластерного анализа. Также применены такие экономико-статистические методы, как анализ абсолютных, относительных показателей и средних величин, индексный подход, анализ рядов динамики.

Результаты

Из-за шаткости и нестабильности экономической ситуации в России вопросы обеспечения экономической безопасности в регионах становятся все более актуальными. Однако ограниченные ресурсы не позволяют проводить соответствующие мероприятия одновременно во всех регионах РФ в желаемом и исчерпывающем объеме. В этой связи возникает необходимость выделения приоритетных групп регионов, которые уязвимы в большей степени, чем другие, и нуждаются в поддержке и формировании должного уровня экономической безопасности.

Чтобы оценить уровень экономической безопасности регионов России авторы использовали такие показатели, как индекс физического объема ВРП; индекс промышленного производства; уровень инновационной активности предприятий; индекс производительности труда; доля населения в трудоспособном возрасте (табл. 1²). Так как они представлены в относительном виде, то для определения значения показателя по каждому региону

за досанкционный (2020–2021 гг.) и санкционный (2022–2023 гг.) период применялась средняя геометрическая. Следует уточнить, что в анализ не были включены Донецкая и Луганская Народные Республики, а также Херсонская и Запорожская области.

В период активного введения санкций значения показателей, указанных в таблице 1, снизились в 58 % случаев (по индексу производительности труда – в 52 регионах, по индексу промышленного

Табл. 1. Уровень экономической безопасности регионов России
Tab. 1. Economic security in Russian regions

Регионы	Средний индекс производительности труда, %			Средний индекс промышленного производства, %			Средний уровень инновационной активности предприятий, %		
	2020–2021	2022–2023	Разница, п. п.	2020–2021	2022–2023	Разница, п. п.	2020–2021	2022–2023	Разница, п. п.
Белгородская область	101,6	99,2	-2,4	103,0	103,4	0,4	17,5	15,2	-2,3
Брянская область	104,6	101,5	-3,1	107,0	118,3	11,3	12,2	11,3	-0,9
Владимирская область	104,4	101,7	-2,7	109,9	108,0	-1,9	12,1	11,0	-1,1
Воронежская область	100,1	97,9	-2,1	107,5	103,8	-3,7	14,2	10,6	-3,6
Ивановская область	104,1	98,9	-5,2	108,6	105,8	-2,9	15,5	13,5	-2,1
Калужская область	102,1	96,8	-5,3	104,5	97,0	-7,6	12,2	12,7	0,4
Костромская область	101,1	100,6	-0,5	101,1	100,2	-0,9	5,0	5,4	0,4
Курская область	104,8	97,1	-7,6	105,4	102,6	-2,9	7,2	7,8	0,6
Липецкая область	100,6	98,4	-2,1	104,2	102,8	-1,4	12,5	12,0	-0,5
Московская область	101,7	102,7	1,0	115,6	109,3	-6,3	11,3	11,1	-0,1
Орловская область	104,8	98,1	-6,7	110,9	101,5	-9,4	14,5	13,1	-1,3
Рязанская область	104,2	101,4	-2,8	106,6	108,6	2,1	11,8	10,0	-1,8
Смоленская область	102,7	99,2	-3,5	105,9	105,5	-0,4	6,8	6,3	-0,5
Тамбовская область	99,5	97,0	-2,4	104,1	108,3	4,1	11,6	8,8	-2,7
Тверская область	98,9	100,2	1,3	101,3	106,5	5,2	11,9	10,4	-1,4
Тульская область	102,6	104,4	1,8	110,9	109,9	-1,0	17,6	14,9	-2,7
Ярославская область	102,6	100,2	-2,4	105,3	105,4	0,1	11,7	11,0	-0,7
Москва	101,7	105,4	3,7	121,0	117,2	-3,8	13,1	12,1	-1,0
Карелия	101,4	95,4	-6,1	103,3	96,6	-6,7	6,7	5,5	-1,2
Коми	100,1	102,5	2,4	96,3	102,4	6,1	8,5	10,8	2,4
Архангельская область	99,5	102,9	3,4	97,4	100,2	2,8	4,2	5,7	1,4
НАО	93,2	110,3	17,1	95,4	102,5	7,1	2,3	3,0	0,7

² Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2024: стат. сб. М.: Росстат, 2024. 1081 с.

Регионы	Средний индекс производительности труда, %			Средний индекс промышленного производства, %			Средний уровень инновационной активности предприятий, %		
	2020-2021	2022-2023	Разница, п. п.	2020-2021	2022-2023	Разница, п. п.	2020-2021	2022-2023	Разница, п. п.
Вологодская область	99,9	99,5	-0,3	101,6	101,3	-0,4	10,4	9,3	-1,1
Калининградская область	100,8	98,5	-2,4	98,8	86,5	-12,3	6,0	6,1	0,0
Ленинградская область	101,1	99,2	-1,9	103,3	102,1	-1,2	8,1	7,6	-0,4
Мурманская область	110,2	100,6	-9,6	103,3	96,7	-6,6	9,7	9,5	-0,2
Новгородская область	104,5	100,3	-4,2	104,6	97,5	-7,2	10,6	9,5	-1,1
Псковская область	100,6	100,6	0,1	100,8	105,8	5,0	9,7	10,2	0,4
Санкт-Петербург	100,0	108,1	8,1	102,3	109,5	7,2	15,9	15,0	-0,9
Адыгея	105,2	103,8	-1,4	109,2	110,0	0,8	8,3	8,3	0,0
Калмыкия	99,4	101,1	1,7	113,9	109,0	-4,9	2,7	2,9	0,2
Крым	102,2	100,1	-2,1	105,7	103,0	-2,7	5,7	7,4	1,7
Краснодарский край	98,5	103,5	4,9	101,4	104,9	3,5	5,8	5,3	-0,5
Астраханская область	106,5	95,5	-11,0	95,6	100,3	4,7	6,4	6,1	-0,2
Волгоградская область	101,5	98,0	-3,5	98,8	102,6	3,8	8,2	7,8	-0,4
Ростовская область	102,1	102,0	0,0	105,8	106,4	0,5	19,5	26,5	7,0
Севастополь	102,9	101,0	-1,9	102,1	109,2	7,1	13,4	8,0	-5,4
Дагестан	104,2	94,9	-9,3	109,9	116,4	6,4	3,4	2,9	-0,4
Ингушетия	97,3	98,1	0,8	101,2	111,3	10,1	2,4	1,2	-1,1
Кабардино-Балкария	100,8	104,3	3,5	110,1	104,4	-5,7	6,6	3,0	-3,6
Карачаево-Черкессия	101,9	100,0	-1,9	98,6	108,8	10,2	5,2	4,7	-0,6
РСО – Алания	109,5	101,2	-8,3	121,7	116,4	-5,3	3,1	2,9	-0,2
Чечня	104,8	98,7	-6,1	106,0	109,2	3,3	1,8	1,8	0,0
Ставропольский край	101,6	103,3	1,7	109,0	104,7	-4,3	6,0	6,9	0,8
Башкортостан	101,4	98,4	-3,0	101,7	106,0	4,3	23,0	15,6	-7,5
Марий Эл	101,9	99,5	-2,4	97,5	105,2	7,6	10,7	13,8	3,1
Мордовия	103,5	99,5	-3,9	108,7	104,3	-4,4	20,2	17,8	-2,4
Татарстан	99,6	102,5	3,0	102,4	104,8	2,4	26,9	32,8	5,9
Удмуртия	99,4	100,7	1,3	101,8	108,5	6,7	13,4	12,3	-1,1
Чувашия	103,8	102,8	-1,0	98,3	115,6	17,3	15,2	14,2	-1,0
Пермский край	101,5	99,6	-1,9	100,8	102,1	1,2	11,5	12,5	1,0
Кировская область	103,3	103,4	0,1	109,2	106,8	-2,4	13,3	12,2	-1,1
Нижегородская область	101,1	103,5	2,4	104,0	106,4	2,4	14,5	15,2	0,7
Оренбургская область	104,6	101,0	-3,7	99,0	100,4	1,4	7,5	7,0	-0,5

Регионы	Средний индекс производительности труда, %			Средний индекс промышленного производства, %			Средний уровень инновационной активности предприятий, %		
	2020-2021	2022-2023	Разница, п. п.	2020-2021	2022-2023	Разница, п. п.	2020-2021	2022-2023	Разница, п. п.
Пензенская область	107,5	100,2	-7,3	116,5	107,1	-9,5	16,4	14,0	-2,4
Самарская область	99,2	101,3	2,1	99,9	103,8	3,9	16,4	18,4	1,9
Саратовская область	102,5	99,0	-3,5	107,0	106,8	-0,3	8,0	8,6	0,6
Ульяновская область	104,0	99,0	-5,0	103,8	104,7	0,9	16,2	13,8	-2,4
Курганская область	100,3	104,7	4,4	101,2	111,1	9,9	14,2	12,1	-2,2
Свердловская область	100,2	100,1	-0,1	101,7	105,6	3,9	12,1	11,9	-0,1
Тюменская область	98,7	104,1	5,4	100,8	99,7	-1,1	8,5	6,9	-1,6
ХМАО – Югра	96,6	104,9	8,3	96,7	100,8	4,1	7,0	5,9	-1,1
ЯНАО	101,3	103,6	2,3	104,3	97,7	-6,6	6,3	4,3	-2,1
Челябинская область	101,2	102,7	1,6	102,5	104,5	1,9	12,3	12,3	0,1
Алтай	104,3	106,2	1,9	115,0	105,3	-9,8	4,6	4,8	0,2
Тыва	98,8	99,7	0,9	81,8	115,7	33,8	6,3	5,0	-1,3
Хакасия	105,2	97,1	-8,1	105,4	98,4	-7,0	3,9	4,1	0,2
Алтайский край	103,1	100,1	-3,0	101,4	105,1	3,7	18,2	14,4	-3,8
Красноярский край	98,7	101,2	2,4	94,8	100,8	5,9	6,9	6,8	0,0
Иркутская область	102,2	102,1	-0,1	101,9	100,4	-1,6	6,7	7,3	0,6
Кемеровская область	100,3	103,2	2,9	101,4	97,3	-4,1	7,0	6,9	-0,1
Новосибирская область	102,2	105,3	3,1	104,9	105,5	0,6	8,4	11,6	3,2
Омская область	101,2	104,0	2,8	101,9	105,9	4,1	10,6	9,8	-0,9
Томская область	99,0	99,4	0,4	97,6	100,8	3,1	20,9	15,7	-5,2
Бурятия	107,0	106,8	-0,3	107,3	104,1	-3,2	5,2	4,3	-0,9
Забайкальский край	107,3	101,9	-5,3	103,9	102,5	-1,4	11,2	10,4	-0,8
Якутия	97,2	108,3	11,0	104,4	107,3	2,9	4,4	3,6	-0,8
Камчатский край	100,2	100,1	-0,1	103,3	105,2	1,9	11,8	8,9	-2,9
Приморский край	105,8	105,1	-0,7	99,2	99,3	0,1	7,3	6,7	-0,5
Хабаровский край	103,0	100,0	-3,0	105,0	101,6	-3,4	6,5	7,9	1,4
Амурская область	108,7	105,5	-3,2	102,1	100,0	-2,1	6,3	6,4	0,1
Магаданская область	106,3	100,4	-5,9	105,8	96,9	-8,9	9,3	8,0	-1,3
Сахалинская область	99,8	96,4	-3,4	92,7	95,0	2,3	4,3	4,9	0,6
Еврейская АО	101,1	103,1	2,0	99,6	100,4	0,8	5,0	4,2	-0,8
ЧАО	101,6	97,8	-3,9	102,3	97,7	-4,6	7,8	6,7	-1,0
Россия	101,0	100,5	-0,5	102,0	102,5	0,5	11,3	11,1	-0,2

производства – в 39 регионах, по уровню инновационной активности – в 58 регионах). Серьезное падение производительности труда в санкционный период произошло в Курской (–7,6 п. п.) и Орловской (–6,7 п. п.) областях, республиках Дагестан (–9,3 п. п.) и Северная Осетия – Алания (–8,3 п. п.), что объясняется сокращением инвестиций в основные фонды, технологии и инновации, оттоком квалифицированных кадров. На промышленное производство санкции повлияли в большей степени в Калужской (–7,6 п. п.), Новгородской (–7,2 п. п.) и Магаданской (–8,9 п. п.) областях. Инновационная активность предприятий значительно сократилась в Республике Башкортостан (–7,5 п. п.), Томской области (–5,2 п. п.) и Севастополе (–5,4 п. п.).

На наш взгляд, проведение комплексной оценки уровня экономической безопасности для регионов России позволит выявить ряд территориальных особенностей. Это, в свою очередь, будет способствовать определению группы территорий, в большей степени нуждающихся в государственном стимулировании. Для иерархического кластерного анализа указанные показатели используются в относительном виде, удобном для обработки и сравнения регионов между собой; при их отборе не учитывалось влияние

инфляции. Каждый из показателей характеризует одну из составляющих экономической безопасности региона. Посредством иерархического кластерного анализа методом полной связи (дальнего соседа) с использованием программного средства SPSS по выделенному перечню показателей проведена группировка регионов (табл. 2³).

Оптимальной, по нашему мнению, является группировка регионов на 5 кластеров, представленная в таблице 3⁴.

Ключевые характеристики получившихся территориальных групп отражены в таблице 4⁵. Показатели для каждой территориальной группы рассчитаны по формуле средней геометрической.

Наиболее благополучной территориальной группой в части уровня экономической безопасности является самый немногочисленный **кластер 4**, включающий Ростовскую область и Республику Татарстан. Данные территории характеризуются положительными значениями трех индексов, а также очень высоким уровнем инновационной активности предприятий – в пределах 30 %. Далее идет **кластер 2**, где индексы производительности труда, промышленного производства и физического объема ВРП имеют положительные

Табл. 2. Иерархическое кластерное распределение регионов России по показателям, 2023 г.

Tab. 2. Hierarchical cluster distribution of Russian regions by indicators, 2023

Регионы	10	9	8	7	6	5	4	3	2
Белгородская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Брянская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Владимирская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Воронежская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Ивановская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Калужская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Костромская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Курская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Липецкая область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Московская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Орловская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Рязанская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Смоленская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1

³ Сост. по: Регионы России...

⁴ Сост. по: Там же.

⁵ Сост. по: Там же.

Регионы	10	9	8	7	6	5	4	3	2
Тамбовская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Тверская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Тульская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Ярославская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Москва	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Карелия	3	3	3	3	3	1	1	1	1
Коми	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Архангельская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
НАО	5	5	5	4	4	3	2	2	1
Вологодская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Калининградская область	3	3	3	3	3	1	1	1	1
Ленинградская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Мурманская область	3	3	3	3	3	1	1	1	1
Новгородская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Псковская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Санкт-Петербург	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Адыгея	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Калмыкия	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Крым	3	3	3	3	3	1	1	1	1
Краснодарский край	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Астраханская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Волгоградская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Ростовская область	6	6	6	5	5	4	3	1	1
Севастополь	7	2	2	2	2	2	2	2	1
Дагестан	8	7	7	6	6	5	4	3	2
Ингушетия	7	2	2	2	2	2	2	2	1
Кабардино-Балкария	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Карачаево-Черкессия	7	2	2	2	2	2	2	2	1
РСО – Алания	8	7	7	6	6	5	4	3	2
Чечня	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Ставропольский край	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Башкортостан	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Марий Эл	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Мордовия	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Татарстан	6	6	6	5	5	4	3	1	1
Удмуртия	2	2	2	2	2	2	2	2	1

Регионы	10	9	8	7	6	5	4	3	2
Чувашия	9	8	8	7	6	5	4	3	2
Пермский край	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Кировская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Нижегородская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Оренбургская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Пензенская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Самарская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Саратовская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Ульяновская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Курганская область	10	9	2	2	2	2	2	2	1
Свердловская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Тюменская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
ХМАО – Югра	4	4	4	4	4	3	2	2	1
ЯНАО	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Челябинская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Алтай	10	9	2	2	2	2	2	2	1
Тыва	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Хакасия	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Алтайский край	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Красноярский край	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Иркутская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Кемеровская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Новосибирская область	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Омская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Томская область	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Бурятия	5	5	5	4	4	3	2	2	1
Забайкальский край	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Якутия	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Камчатский край	8	7	7	6	6	5	4	3	2
Приморский край	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Хабаровский край	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Амурская область	4	4	4	4	4	3	2	2	1
Магаданская область	3	3	3	3	3	1	1	1	1
Сахалинская область	8	7	7	6	6	5	4	3	2
Еврейская АО	3	3	3	3	3	1	1	1	1
ЧАО	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Табл. 3. Иерархическое кластерное распределение регионов России по показателям: пять кластеров, 2023 г.

Tab. 3. Hierarchical cluster distribution of Russian regions by indicators: five clusters, 2023

Кластер и его характеристика	Регионы
Кластер 1: низкое значение индексов производительности труда, физического объема ВРП и уровня инновационной активности предприятий; среднее значение индекса промышленного производства	Белгородская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ярославская области, Карелия, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская области, Санкт-Петербург, Крым, Башкортостан, Мордовия, Пермский край, Самарская и Ульяновская области, Хакасия, Алтайский край, Томская и Магаданская области, Еврейская АО, ЧАО
Кластер 2: средние значения по всем показателям	Брянская, Ивановская, Рязанская, Тульская области, Москва, Псковская область, Севастополь, Ингушетия, Карачаево-Черкессия, Марий Эл, Удмуртия, Кировская, Нижегородская, Пензенская, Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, Алтай, Новосибирская область
Кластер 3: низкое значение индексов промышленного производства и уровня инновационной активности предприятий; среднее значение индексов производительности труда и индекса физического объема ВРП	Коми, Архангельская область, НАО, Новгородская область, Адыгея, Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская и Волгоградская области, Кабардино-Балкария, Чечня, Ставропольский край, Оренбургская, Саратовская и Тюменская области, ХМАО – Югра, ЯНАО, Тыва, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Омская области, Бурятия, Забайкальский край, Якутия, Приморский и Хабаровский край, Амурская область
Кластер 4: низкое значение индекса промышленного производства; среднее значение индекса производительности труда; высокий уровень инновационной активности предприятий и индекса физического объема ВРП	Ростовская область, Татарстан
Кластер 5: низкий уровень инновационной активности предприятий; среднее значение индексов производительности труда и физического объема ВРП; высокое значение индекса промышленного производства	Дагестан, РСО – Алания, Чувашия, Камчатский край, Сахалинская область

Табл. 4. Ключевые характеристики территориальных групп России

Tab. 4. Key factors of regional clustering

Кластер	Количество регионов	Доля населения в трудоспособном возрасте, %	Индекс производительности труда, %	Индекс промышленного производства, %	Индекс физического объема ВРП, %	Уровень инновационной активности предприятий, %
1	32	56,7	95,8	106,6	96,7	10,7
2	20	56,1	101,6	113,1	102,5	11,0
3	28	57,6	102,4	100,8	103,5	6,4
4	2	57,0	102,7	103,3	104,3	30,1
5	5	58,6	97,3	125,0	98,6	6,7

значения. Уровень инновационной активности предприятий данной территориальной группы также является высоким по сравнению с группами кластеров 1, 3 и 5.

Пограничное положение имеют значения показателей территориальной группы **кластера 3**: они варьируются от 100,8 до 103,5 %. Интерес представляет **кластер 5**, средние значения индексов производительности труда и физического объема ВРП регионов которого ниже 100,0 % соответственно, но среднее значение индекса промышленного производства составляет 125,0 %, что существенно выше, чем во всех остальных кластерах. Это говорит об экстенсивном экономическом развитии данных регионов, высокие объемы промышленного производства обеспечиваются высоким потреблением природных ресурсов.

Самой многочисленной территориальной группой является **кластер 1**: на него приходится 37 % всех регионов России. На наш взгляд, именно эта группа территорий должна стать приоритетной в части проведения мероприятий по укреплению экономической безопасности, т. к. данный кластер характеризуется низкими значениями ключевых экономических показателей, отражающих уровень экономической безопасности (индексы производительности труда, физического объема ВРП и уровень инновационной активности предприятий). Вторая территориальная группа, являющаяся приоритетной в части проведения мероприятий по обеспечению экономической безопасности, – группа кластера 5. Возможные мероприятия по укреплению экономической безопасности регионов представлены в таблице 5⁶.

Стоит отметить, что для каждой из выделенных территориальных групп необходимо разработать индивидуальные дорожные карты по укреплению экономической безопасности. Так, для наиболее уязвимых к условиям внешней среды кластеров 1 и 3 рекомендуется включение мероприятий по стимулированию инновационной активности предприятий, развитию кооперации с научно-исследовательскими организациями, реализация «точечных» инфраструктурных проектов. Для малых и средних предприятий, работающих в регионах данных кластеров, может быть упрощена процедура получения субсидий и мер поддержки, а также внедрена система обратной связи по качеству и доступности государственной поддержки. Обращениям

из регионов данных кластеров стоит присваивать приоритетный статус ввиду их чувствительности ко внешним воздействиям.

Мероприятия по укреплению экономической безопасности должны быть подобраны исходя из приоритетных направлений деятельности и специализации региона, стратегии социально-экономического развития соответствующего субъекта и располагаемого объема ресурсов.

Заключение

Для оценки уровня экономической безопасности регионов авторами предложено использовать следующие показатели: индекс физического объема ВРП, индекс промышленного производства, уровень инновационной активности предприятий, индекс производительности труда, доля населения в трудоспособном возрасте.

На основании группировки регионов методом иерархического кластерного анализа было получено пять территориальных кластерных образований. Установлено, что территориальная группа кластера 1, на которую приходится 37 % всех регионов, нуждается в укреплении экономической безопасности в большей степени. Она характеризуется низкой производительностью труда и инновационной активностью предприятий, а также средним уровнем промышленного производства.

Среди методов укрепления экономической безопасности для приоритетных в этом отношении регионов рекомендовано снижение зависимости от базовых отраслей экономики, развитие сектора информационных технологий, развитие человеческого капитала, обеспечение продовольственной и энергетической безопасности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

⁶ Сост. по: [31–37].

Табл. 5. Мероприятия по укреплению экономической безопасности регионов

Tab. 5. Economic security measures for the most vulnerable regions

Направления укрепления экономической безопасности	Возможные мероприятия
Обеспечение стабильности экономических результатов	<ol style="list-style-type: none"> 1. Диверсификация отраслей экономики и сокращение зависимости от базовых отраслей (например, сельского хозяйства или добычи полезных ископаемых). Замещающим направлением деятельности может стать развитие сектора информационных технологий. 2. Развитие высокотехнологичных производств, внедрение инновационных технологий как в производственные, так и в управленческие процессы. 3. Развитие предпринимательских компетенций у населения, поддержка малого и среднего предпринимательства.
Укрепление финансового состояния региона	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование региональных резервных фондов, сокращение государственного долга регионов. 2. Реализация мер по противодействию теневой экономике, обеспечение эффективного налогового контроля. 3. Информационная и консультационная поддержка населения, малого и среднего бизнеса в части управления собственными финансами.
Обеспечение продовольственной и энергетической безопасности	<ol style="list-style-type: none"> 1. Расширение использования возобновляемых источников энергии. 2. Развитие транспортной и торговой инфраструктуры. 3. Создание сети оптово-распределительных центров в каждом регионе, а также обеспечение доступности продовольствия в отдаленных населенных пунктах.
Развитие человеческого капитала	<ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие системы образования (создание сети современных школ и детских общеобразовательных центров, формирование целевого заказа на обучение специалистов в вузах и колледжах, поддержка стартапов и инновационно-технологических проектов, реализация грантов для молодых ученых). 2. Укрепление системы здравоохранения (модернизация и строительство больниц и поликлиник, фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности), профилактика заболеваемости, просветительская деятельность по теме здорового образа жизни. 3. Реализация внутрирегиональной демографической политики (привлечение квалифицированных кадров, снижение оттока молодежи, стимулирование рождаемости посредством программ поддержки материнства и детства, реализация регулируемой миграционной политики). 4. Создание комфортных условий труда и ведения бизнеса (развитие гибких форм занятости, субсидирование работодателей для создания новых рабочих мест).

Литература / References

1. Злобина Е. Ю., Котлячкова Н. В. Анализ инновационной составляющей экономической безопасности региона (на примере Удмуртской Республики). *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2024. Т. 34. № 4. С. 602–607. [Zlobina E. Yu. Kotlyachkova N. V. Analysis of the innovative component of regional economic security (on the example of the Udmurt Republic). *Bulletin of Udmurt State University. Series Economics and Law*, 2024, 34(4): 602–607. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nsvvcwf>
2. Котанджян А. В. Обоснование понятия и показателей кадровой составляющей экономической безопасности регионов. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022. Т. 1. № 4. С. 80–86. [Kotandzhyan A. V. Substantiation of the concept and indicators of the personnel component of the economic security of the regions. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2022, 1(4): 80–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.04.01.010>
3. Левкина Е. В., Клемушина А. А. Методические и практические аспекты оценки экономической безопасности региона (на примере Приморского края). *Финансовый менеджмент*. 2023. № 2. С. 70–77. [Levkina E. V., Klemushina A. A. Methodological and practical aspects of assessing the economic security of the region (on the example of Primorye). *Financial Management*, 2023, (2): 70–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lccxqe>

4. Лысенко А. Н., Сергутина Т. Э. Роль демографической составляющей в обеспечении экономической безопасности региона. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2022. № 2. С. 257–269. [Lysenko A. N., Sergutina T. E. Role of demographic component in economic security of the region. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2022, (2): 257–269. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.2.17>
5. Брянцева Л. В., Бичева Е. Е. Инструменты обеспечения финансовой и налоговой безопасности региона. *Вестник Воронежского государственного аграрного университета*. 2023. Т. 16. № 2. С. 286–293. [Bryantseva L. V., Bicheva E. E. Economic management instruments for ensuring financial and tax security of the region. *Vestnik of Voronezh state agrarian university*, 2023, 16(2): 286–293. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wtvlec>
6. Юнусова Д. А., Дахададаева А. А. Информационная безопасность региона. *Индустриальная экономика*. 2022. № 3-5. С. 458–463. [Yunusova D. A., Dakhadadaeva A. A. Information security of the region. *Industrial economy*, 2022, (3-5): 458–463. (In Russ.)] https://doi.org/10.47576/2712-7559_2022_3_5_458
7. Шевченко И. В., Широков П. Н., Коробейникова М. С. Продовольственная безопасность регионов – надежная платформа российской экономики. *Экономика: теория и практика*. 2022. № 1. С. 3–14. [Shevchenko I. V., Shirov P. N., Korobeynikova M. S. Regional food security – a reliable platform for the Russian economy. *Ekonomika: Teoriya i praktika*, 2022, (1): 3–14. (In Russ.)] https://doi.org/10.31429/2224042X_2022_65_3
8. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. *Вопросы экономики*. 1994. № 12. С. 4–16. [Abalkin L. I. Economic security of Russia: Threats and their reflection. *Voprosy Ekonomiki*, 1994, (12): 4–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjovdj>
9. Сенчагов В. К. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России. *Вопросы экономики*. 1995. № 1. С. 97–106. [Senchagov V. K. Essence and foundations of Russia's economic security strategy. *Voprosy Ekonomiki*, 1995, (1): 97–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpxjyt>
10. Соколов А. П., Атаманчук М. О. Методические основы оценки состояния социально-экономической безопасности на региональном уровне. *Региональная и отраслевая экономика*. 2023. № 2. С. 123–128. [Sokolov A. P., Atamanchuk M. O. Methodological foundations for assessing the state of socio-economic security at the regional level. *Regional and sectoral economy*, 2023, (2): 123–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zloayq>
11. Ван Я. Новый международный опыт обеспечения экономической безопасности. *Инновации и инвестиции*. 2022. № 9. С. 26–30. [Wang Ya. New international experience of economic security's ensuring. *Innovation & Investment*, 2022, (9): 26–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmvyfk>
12. Глазьев С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2015. Т. 196. № 7. С. 86–186. [Glazev S. Yu. On the urgent measures to enhance the economic security of Russia and set the Russian economy on course to priority development. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2015, 196(7): 86–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wdfmij>
13. Ковалева И. В. Экономическая безопасность региона: теоретический аспект. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2023. № 3. С. 8–15. [Kovaleva I. V. The economic security of region. *Innovation economy: Information, analytics, forecasts*, 2023, (3): 8–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mnywec>
14. Ковалева И. В., Семина Л. А. К теории вопроса определения индикаторов экономической безопасности региона. *Экономика. Профессия. Бизнес*. 2019. № 4. С. 37–42. [Kovaleva I. V., Semina L. A. To the theoretical issue of defining the indicators of economic security of the region. *Economics. Profession. Business*, 2019, (4): 37–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14258/epb201945>
15. Соколова Г. Н., Васильева И. А., Ладыкова Т. И. Экономическая безопасность как основа управления региональным инновационным развитием. Чебоксары: Перфектум, 2018. 128 с. [Sokolova G. N., Vasilieva I. A., Ladykova T. I. *Economic security as a basis for managing regional innovation development*. Cheboksary: Perfektum, 2018, 128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aexctk>
16. Янковская Е. С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации. *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. 2022. № 4. С. 76–81. [Yankovskaya E. S. Technological sovereignty of Russia: Concept, essence, strategy and ways of its implementation. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii*, 2022, (4): 76–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/joimzn>

17. Рогодев И. В. Влияние экономических санкций Запада на экономику России. *Международный (бес)порядок: исторические, политические, правовые, экономические, гуманитарные и социально-культурные аспекты*: Всерос. науч. конф. с Междунар. уч. (Самара, 25–26 ноября 2021 г.) Самара: Самарский университет, 2022. С. 70–72. [Rogodev I. V. The impact of Western economic sanctions on the Russian economy. *International (un)order: Historical, political, legal, economic, humanitarian, and socio-cultural aspects*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation, Samara, 25–26 Nov 2021. Samara: Samarskij universitet, 2022, 70–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ajyofz>
18. Стрижакова Е. Н., Стрижаков Д. В. Экономическая безопасность Российской Федерации: инновационная составляющая. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2021. Т. 17. № 6. С. 1029–1051. [Strizhakova E. N., Strizhakov D. V. The economic security of the Russian Federation: An innovative aspect. *National Interests: Priorities and Security*, 2021, 17(6): 1029–1051. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/ni.17.6.1029>
19. Непорожнев А. С. Актуальные проблемы развития рынка связи после 2022 года. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2023. № 5. С. 27–31. [Neporozhnev A. S. Actual problems of the development of the communications market after 2022. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*, 2023, (5): 27–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qgiakl>
20. Семенова Н. Н. ESG-трансформация российских компаний в интересах устойчивого развития. *Экономика. Налоги. Право*. 2023. Т. 16. № 3. С. 57–65. [Semenova N. N. ESG-transformation of Russian companies in the interests of sustainable development. *Economics, taxes & law*, 2023, 16(3): 57–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-3-57-65>
21. Narkevich L. Digital transformation of the information-analytical system for crisis management in enterprise rehabilitation procedures. *Sustainable Development and Engineering Economics*, 2022, (1): 8–26. <https://doi.org/10.48554/SDEE.2022.1.1>
22. Купрюшин А. П. Экономика России в условиях международных санкций. *Вестник Воронежского института экономики и социального управления*. 2022. № 1. С. 45–50. [Kupryushin A. P. Russia's economy under international sanctions. *Eurasian Journal of Economics and Management*, 2022, (1): 45–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/emulfk>
23. Кузнецов М. С., Кузнецов Б. Л. Синергетическое управление реинжинирингом бизнес-процессов. *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2010. № 2. С. 157–161. [Kuznetsov M. S., Kuznetsov B. L. Synergetic management of business process reengineering. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2010, (2): 157–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gkzupx>
24. Юнусова Д. А., Даитбекова Л. С. Финансовая устойчивость как фактор обеспечения экономической безопасности предприятия. *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 3. С. 817–820. [Yunusova D. A., Daitbekova L. S. Financial stability as a factor of ensuring the economic security of an enterprise. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2021, (3): 817–820. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.128.3.163>
25. Полоненко В. А. Основные направления развития и поддержки государственно-частного партнерства в условиях международных санкций. *E-Scio*. 2023. № 3. С. 545–550. [Polonenko V. A. The main directions of development and support of public-private partnership under international sanctions. *E-Scio*, 2023, (3): 545–550. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/egoway>
26. Сергеев А. М. Развитие инновационных кластеров как направление региональной промышленной политики. *Экономика региона*. 2007. № 3. С. 122–129. [Sergeev A. M. The development innovative clusters as the direction of regional industrial policy. *Economy of Regions*, 2007, (3): 122–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwyxth>
27. Сысоева М. С., Медведева О. А. Формирование модели регионального инновационно-аналитического кластера (think tank). *Beneficium*. 2022. № 3. С. 33–40. [Sysoeva M. S., Medvedeva O. A. Formation of a model of a regional innovation and analytical cluster (think tank). *Beneficium*, 2022, (3): 33–40. (In Russ.)] [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.3\(44\).33-40](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.3(44).33-40)
28. Удовин В. С., Бакун М. В., Боркова Е. А. Экспертная оценка угроз экономической безопасности региона (на примере Санкт-Петербурга). *Экономические отношения*. 2019. Т. 9. № 3. С. 1827–1838. [Udovin V. S., Bakun M. V., Borkova E. A. Expert assessment of threats to the economic security of the region (on the example of St. Petersburg). *Journal of International Economic Affairs*, 2019, 9(3): 1827–1838. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40802>

29. Иванов А. В. Методика оценки экономической безопасности региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 2012. № 48. С. 47–56. [Ivanov A. V. Methodology for assessing the economic security of the region. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2012, (48): 47–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjqptf>
30. Круглов В. Н., Доценко Д. В. Совершенствование методики оценки экономической безопасности региона. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2009. Т. 5. № 15. С. 85–92. [Kruglov V. N., Dotsenko D. V. Improving the methodology for assessing the economic security of the region. *National Interests: Priorities and Security*, 2009, 5(15): 85–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ktwmzb>
31. Габитов А. Ф. Фарбер В. А. Реализация стратегии региона в укреплении экономической безопасности (на примере Ленинградской области). *Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров*. 2024. № 11. С. 46–48. [Gabitov A. F. Farber V. A. The correct implementation of the region's strategy in strengthening economic security (using the example of the Leningrad Region). *Ekonomicheskoe razvitie regiona: Upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov*, 2024, (11): 46–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbupms>
32. Карпунина Е. К., Усанов А. Ю., Валишина Н. Р. Рост благосостояния населения как фактор укрепления экономической безопасности региона: постковидная перспектива. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 3. С. 60–72. [Karpunina E. K., Usanov A. Yu., Valishina N. R. The growth of the welfare of the population as a factor of strengthening the economic security of the region: Postcovid perspective. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2022, 12(3): 60–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njovtv>
33. Березина А. А. Социальная политика региона как условие укрепления его экономической безопасности. *Энигма*. 2024. № 68. С. 122–125. [Berezina A. A. Social policy of the region as a condition for strengthening its economic security. *Enigma*, 2024, (68): 122–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mfzysy>
34. Логинов Д. А. Обеспечение экономической безопасности на уровне субъекта Российской Федерации. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Т. 1. № 3. С. 86–93. [Loginov D. A. Ensuring economic security at the level of a constituent entity of the Russian Federation. *Ekonomika i upravlenie: Problemy, resheniya*, 2023, 1(3): 86–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.03.01.009>
35. Стародубова Е. А. Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства, как элемент экономической безопасности региона. *Академия педагогических идей Новация. Серия: Студенческий научный вестник*. 2023. № 6. С. 14–18. [Starodubova E. A. Development and support of small and medium entrepreneurship as an element of economic security of the region. *Akademiya pedagogicheskikh idej Novatsiya. Seriya: Studencheskij nauchnyj vestnik*, 2023, (6): 14–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tetymn>
36. Никитина Е. А. Теоретические аспекты стратегии повышения экономической безопасности региона и ее эффективности. *Постулат*. 2024. № 3. [Nikitina E. A. Theoretical aspects of the strategy for improving the economic security of the region and its effectiveness. *Postulat*, 2024, (3). (In Russ.)] URL: <https://www.e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/5510/5598> (дата обращения: 25.05.2025). <https://elibrary.ru/fretgp>
37. Каурова О. В., Зорин Г. Е. Концепция «Цифровая кооперация регионов» как мера повышения экономической безопасности в цифровом пространстве. *OpenScience*. 2023. Т. 5. № 1. С. 78–91. [Kaurova O. V., Zorin G. E. The concept of "Digital cooperation of regions" as a measure of increasing economic security in the digital space. *OpenScience*, 2023, 5(1): 78–91. (In Russ.)] https://doi.org/10.51632/2658-7939_2023_5_1_78

оригинальная статья

eLibrary EDN: WKFAUL

Влияние демографических факторов на территориальное размещение населения России

Ким Татьяна Леонидовна

Кузбасский государственный технический университет

имени Т. Ф. Горбачева, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7189-8029

<https://orcid.org/0009-0004-4533-604X>

ktl.fiz@kuzstu.ru

Косинский Петр Дмитриевич

Кузбасский государственный технический университет

имени Т. Ф. Горбачева, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6527-7393

<https://orcid.org/0000-0001-6396-2424>

Меркурьев Владимир Владимирович

Кузбасский государственный технический университет

имени Т. Ф. Горбачева, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2758-5639

<https://orcid.org/0000-0003-2381-5299>

Аннотация: Статья посвящена анализу демографических факторов на территориальное размещение населения России. Исследованы ключевые тенденции, такие как урбанизация, сокращение численности сельского населения, старение демографической структуры и снижение рождаемости. Особое внимание уделено факторам, которые способствуют депопуляции сельских территорий, включая миграцию молодежи в города, сокращение сельскохозяйственного производства, недостаточную доступность социальных услуг и старение населения. Представлен исторический обзор демографических изменений с 1897 по 2021 г., подкрепленный статистическими данными. Рассмотрены последствия демографической ситуации для социально-экономического развития регионов и страны в целом. Предложены меры по стабилизации ситуации, которые включают поддержку рождаемости в сельской местности; развитие сельского хозяйства и агропромышленного комплекса; развитие инфраструктуры и сферы услуг; развитие местных инициатив и малого бизнеса (например, сельского туризма); рациональное расселение населения. Реализация эффективной государственной демографической и социальной политики позволит обеспечить устойчивое развитие и снизить негативные последствия для экономической и социальной стабильности страны в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: демографическая ситуация, урбанизация, депопуляция, сельское население, миграция, рождаемость, старение населения, социально-экономическое развитие, Россия

Цитирование: Ким Т. Л., Коротин В. О., Косинский П. Д., Меркурьев В. В. Влияние демографических факторов на территориальное размещение населения России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2026. Т. 11. № 1. С. 121–130. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-121-130>

Поступила в редакцию 14.05.2025. Принята после рецензирования 10.07.2025. Принята в печать 14.07.2025.

original article

Demographic Drivers of Population Settlement Pasterns in Russia

Tatyana L. Kim

Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7189-8029

<https://orcid.org/0009-0004-4533-604X>

ktl.fiz@kuzstu.ru

Vladimir O. Korotin

Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 1402-3818

Petr D. Kosinsky

Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6527-7393

<https://orcid.org/0000-0001-6396-2424>

Vladimir V. Merkuryev

Kuzbass State Technical University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2758-5639

<https://orcid.org/0000-0003-2381-5299>

Abstract: The population distribution across Russia is driven by several demographic factors, including urbanization, rural depopulation, an aging demographic structure, and low birth rates. The key contributors to the decline of rural areas include youth out-migration to cities, stagnant agricultural production, limited access to social services, and ongoing demographic aging. This article provides a historical and statistical overview of the demographic shifts in Russia from 1897 to 2021, analyzing their impact on regional and national socio-economic development. Proposed measures to address these challenges include supporting birth rates in rural areas, developing the agro-industrial complex and infrastructure, and promoting such local initiatives as small businesses and rural tourism. In the long term, an effective state demographic and social policy could significantly bolster the country's economic and social stability.

Keywords: demographic situation, urbanization, depopulation, rural population, migration, birth rate, population aging, socio-economic development, Russia

Citation: Kim T. L., Korotin V. O., Kosinsky P. D., Merkuryev V. V. Demographic Drivers of Population Settlement Pasterns in Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 121–130. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-121-130>

Received 14 May 2025. Accepted after review 10 Jul 2025. Accepted for publication 14 Jul 2025.

Введение

Современный этап пространственного развития подавляющего большинства развитых экономик мира связывают с определенной концентрацией трудовых и производственных сил. Самой распространенной формой такой концентрации являются агломерации, которые имеют практически повсеместное распространение во всех регионах мира. В связи с развитием транспортной инфраструктуры, повышением мобильности населения происходит интенсификация социально-экономических и культурных связей между агломерациями. Формируются высококонцентрированные ареальные зоны расселения, которые в некоторых случаях образуют конурбации.

Цель – проанализировать влияние демографической ситуации в РФ на социально-экономическое развитие конурбаций. Оценка социально-экономического развития позволит обосновать меры по улучшению качества жизни населения.

Современная демографическая ситуация в России находится под влиянием комплекса факторов, среди которых особое место занимает устойчивое сокращение численности населения, старение демографической структуры и продолжающаяся урбанизация. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), на 1 января 2024 г. численность населения России составила около 146,2 млн человек, что на 243,8 тыс., или 0,17 %, меньше, чем в начале 2023 г. Этот демографический спад происходит на фоне увеличения концентрации населения в городах: в 2024 г. в городской местности проживает порядка 109,6 млн человек, в то время как в сельской – лишь около 36,6 млн, что составляет приблизительно 25 % от общего числа жителей страны¹.

Распространение коронавирусной инфекции в 2020 г., ведение специальной военной операции России на Украине, низкий уровень рождаемости также являются факторами демографического

¹ Росстат представляет данные о естественном движении населения в декабре 2024 года. *Росстат*. 21.02.2025. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/255130> (дата обращения: 10.05.2025).

снижения населения нашей страны. Так, на естественный прирост населения, т. е. показатель, отражающий разницу между количеством родившихся и умерших, пандемия оказала негативное влияние: 2020 и 2021 гг. характеризуются ростом естественной убыли населения [1].

За последние десятилетия наблюдается явная тенденция к сокращению доли сельского населения. В 1996–2008 гг. она колебалась в районе 27 %, однако в 2020–2024 гг. опустилась до уровня около 25 %². Таким образом, сельские территории в России находятся в состоянии выраженной демографической депопуляции – это не только абсолютное и относительное сокращение численности сельского населения, но и исчезновение малых населенных пунктов.

Одним из ключевых аспектов демографического кризиса сельских территории России является четкая корреляция между снижением доли сельского населения и уменьшением рождаемости в стране. Сельские территории традиционно характеризовались более высоким уровнем суммарного коэффициента рождаемости по сравнению с городскими. Однако их депопуляция приводит к вымыванию демографически активных групп, что, в свою очередь, снижает общий уровень рождаемости в РФ. Согласно данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости в России продолжает снижаться (с 1,76 в 2015 г. до 1,41 в 2023 г.) и в этом процессе весомую роль играет именно сокращение численности сельских женщин репродуктивного возраста³.

Таким образом, демографическая ситуация в России находится под влиянием системной урбанизации и параллельного вымирания деревень. Снижение сельского населения не только меняет пространственную структуру расселения, но и оказывает непосредственное влияние на его репродуктивное поведение в целом, усугубляя тенденции старения и депопуляции. На наш взгляд, ареальный характер развития конурбаций позволяет проживать в сельской местности, но при этом иметь доступ к благам современной цивилизации (медицина, образование, торговля, культура и пр.) при условии достаточно развитой транспортной инфраструктуры и пассажирских перевозок.

Изучение демографических процессов, в том числе депопуляции сельских территорий, требует комплексного междисциплинарного подхода,

объединяющего экономику, географию и демографию. Ключевой методологической основой анализа демографической ситуации служит теория демографического перехода, предложенная в классических работах Ф. Ноутстейна, а также адаптированная к российским условиям отечественными исследователями [2; 3].

Согласно концепции демографического перехода, общество проходит несколько этапов – от высоких значений показателей рождаемости и смертности к низким. Россия в настоящее время находится на четвертом этапе, характеризующемся устойчиво низкой рождаемостью и старением населения. Этот этап связан с *демографическим инерционным кризисом* [2], когда восстановление воспроизводства населения требует не только экономических, но и культурных, социальных трансформаций.

Методы исследования демографической трансформации включают широкий спектр аналитических инструментов:

- **историко-генетический метод**, позволяющий проследить трансформации демографической структуры в динамике на протяжении нескольких десятилетий;
- **статистический анализ**, который опирается на данные всероссийских переписей населения (1897–2021 гг.) и отчеты Росстата, с акцентом на такие индикаторы, как естественное движение населения, миграция, возрастная структура;
- **сравнительный анализ**, выявляющий отличия между урбанизированными и сельскими регионами по ключевым демографическим характеристикам;
- **географический подход**, который позволяет изучать пространственную дифференциацию и асимметрию миграционных потоков;
- **геоинформационные методы**, дающие возможность картографировать демографические тренды, особенно отток населения из труднодоступных и отдаленных деревень [4].

Важный теоретический вклад в понимание депопуляции внес В. И. Лебедев, предложив концепцию жизнестойкости сельских территорий [5]. Жизнестойкость трактуется им как способность поселений сохранять демографическую и инфраструктурную устойчивость на фоне ухудшающихся условий. Основные индикаторы жизнестойкости включают численность и возрастной состав населения,

² Общий прирост постоянного населения. *Витрина статистических данных*. URL: <https://showdata.rosstat.gov.ru/report/278934/> (дата обращения: 10.05.2025).

³ Семья и дети в России. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. М.: Росстат, 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Semia_i_deti_2024.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

уровень обеспеченности инфраструктурой, а также миграционные потоки.

Кроме того, демографические процессы необходимо рассматривать в контексте социально-экономической поляризации пространства. Т. Г. Нефедовой подчеркивается, что депопуляция сельской России происходит неравномерно: сильнее всего вымирают территории с низким социально-экономическим потенциалом [6]. Эта дифференциация усугубляется вследствие недостаточной доступности транспортной и социальной инфраструктуры, что фиксируется на картах и в демографических показателях.

Методологически значимым остается различие естественного и механического (миграционного) движения населения. Оно позволяет отделить фундаментальные биологические тренды от социально-экономических обусловленных перемещений. Суммарный коэффициент рождаемости, смертность и коэффициенты воспроизводства – это главные показатели, оценивающие внутреннюю демографическую устойчивость⁴ [2].

Таким образом, теоретико-методологические основы исследования депопуляции сельских территорий базируются как на классических демографических моделях (демографический переход, теория воспроизводства), так и на современных эмпирических и пространственных методах анализа. Использование широкой базы источников, включая данные переписей, научные статьи, геоинформационные данные и работы российских исследователей, обеспечивает глубокую, комплексную оценку текущих процессов.

Результаты

Анализ демографических тенденций

Анализ демографической ситуации в РФ, начиная с конца XIX в., показывает устоявшуюся и продолжающуюся тенденцию к росту доли городского населения в общей структуре страны (табл. 1⁵). При этом, несмотря на общий рост численности населения, сельские территории России претерпели глубокие изменения и их население систематически сокращалось как в абсолютных, так и в относительных величинах.

С 1897 г., когда в РФ была проведена первая все-российская перепись населения, доля городского населения составляла всего 15 %, а сельского – 85 % [5; 7; 8]. С тех пор началась постепенная урбанизация,

Табл. 1. Доля городского и сельского населения России

Tab. 1. Urban vs. rural population in Russia

Год	Городское население		Сельское население	
	млн человек	%	млн человек	%
1897	9,9	15	57,6	85
1926	16,5	18	76,3	82
1937	34,9	33	70,0	67
1959	61,1	52	56,1	48
1970	80,6	62	49,3	38
1979	94,9	69	42,5	31
1989	107,9	73	39,1	27
2002	106,4	73	38,7	27
2010	106,6	73	38,5	27
2021	110,1	75	37,1	25

характеризующаяся непрерывным ростом городского населения на фоне уменьшения численности сельских жителей. Уже в 1926 г. доля городского населения увеличилась до 18 %, а к 1959 г. составила 52 %, что стало результатом индустриализации и миграции сельского населения в города в поисках рабочих мест и лучших условий жизни [6; 9–12].

После Второй мировой войны демографические процессы вступили в новую фазу: увеличение урбанизации продолжалось, однако за счет масштабных миграционных процессов и изменения социально-экономических условий доля сельского населения в 1959 г. стабилизировалась на уровне около 48 %. Это соотношение было сохранено в 1970-х и 1980-х гг., несмотря на дальнейший рост численности городского населения. В 1979 г. количество сельских жителей составило 42,5 млн человек, а в 1989 г. – 39,1. За тот же период городское население значительно выросло, достигнув уровня 107,9 млн человек [7; 13–15].

С 1990-х гг., с распадом Советского Союза и переходом России к рыночной экономике, произошел новый скачок урбанизации. Однако в это время началась и депопуляция сельских территорий. К 2002 г. доля сельского населения сократилась до 27 %, а в 2021 г. составила 25 % от общего числа населения страны. Параллельно с этим в абсолютных цифрах

⁴ Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020, отв. ред. С. В. Рязанцев. М.: Объединенная редакция, 2020. 156 с. URL: <https://испи.пф/ wp-content/uploads/2020/12/Нацдоклад2020.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

⁵ Сост. по: Общий прирост постоянного населения...

численность сельского населения продолжала снижаться: с 56,1 млн человек в 1959 г. до 37,1 млн в 2021 г.⁶ [2; 16].

Эти изменения наглядно демонстрируют не только процесс урбанизации, но и его негативные последствия для сельской демографии, что, в свою очередь, влияет на общую структуру населения страны. Причины такого сокращения можно объяснить несколькими факторами:

1) продолжительным миграционным оттоком из сельских территорий в города, который связан с улучшением жизненных условий в городах, расширением социальных и экономических возможностей для молодежи;

2) значительным улучшением транспортной доступности и связи, способствовавшей более активному перемещению людей.

В результате старения населения и низкой рождаемости в ряде регионов России (особенно на Северо-Западе и в Сибири) сельские населенные пункты подвергаются депопуляции, что ведет к исчезновению целых деревень и поселков.

Таким образом, анализ демографических тенденций РФ с 1897 по 2021 гг. показывает четкую закономерность: в стране наблюдается непрерывный процесс урбанизации, который сопровождается не только ростом численности городского населения, но и глубоким сокращением сельского населения. Этот процесс является результатом сочетания миграционных факторов, снижения рождаемости, а также изменения социальных и экономических условий, которые продолжают влиять на структуру российского общества [17–19].

Причинно-следственные связи депопуляции

Депопуляция сельских территорий России является результатом нескольких факторов, которые воздействуют как в комплексе, так и по отдельности. Рассмотрим основные причины, способствующие сокращению численности населения в сельской местности:

1. Миграция молодежи в города в поисках образования и работы. Одной из главных причин депопуляции является массовый отток молодежи в города, где лучше условия для образования, работы и карьерного роста. Это приводит к старению

населения в деревнях и сокращению его численности. Ежегодно из сельской местности уезжают десятки тысяч молодых людей. Так, в 2021 г. миграционный прирост в Южном (ЮФО) и Северо-Западном (СЗФО) федеральных округах составлял 64,30 и 25,90 на 10000 человек населения соответственно. В Центральном (ЦФО), Уральском (УФО), Приволжском (ПФО), Северо-Кавказском (СКФО), Сибирском (СФО) и Дальневосточном (ДФО) федеральных округах – 14 и 8,10, –8, –10,20, –15,70, –27,40 на 10000 человек населения соответственно⁷.

2. Сокращение сельскохозяйственного производства и механизация труда. В последние десятилетия сельское хозяйство РФ переживает значительную трансформацию: механизация и автоматизация снижают потребность в рабочей силе. Крупные агрохолдинги вытесняют фермерские хозяйства, и сельчане теряют рабочие места, что ускоряет миграцию в города. Закрытие мелких хозяйств и снижение инвестиционной привлекательности сельских районов также способствуют сокращению численности населения в этих областях. С 2002 по 2021 г. сельское население России сократилось на 1,6 млн человек⁸.

3. Недостаточная доступность медицинских, образовательных и культурных услуг. В сельской местности часто отсутствуют высококачественные медицинские учреждения, школы и культурные центры, что делает жизнь в деревнях менее привлекательной. Это особенно актуально для молодых людей, которые уезжают в города для получения образования и работы. Дефицит социальных услуг и инфраструктуры является серьезным барьером для развития сельских районов.

4. Старение населения и естественная убыль за счет превышения смертности над рождаемостью. Старение населения – одна из основных причин депопуляции сельских территорий. Молодежь уезжает в города, а старшее поколение остается в сельской местности, что приводит к увеличению доли пожилых людей. За последние десятилетия в сельской местности значительно возросла доля пенсионеров, что усугубляется низким уровнем рождаемости. В 2021 г. суммарный коэффициент рождаемости составил лишь 1,5⁹ – это значительно ниже уровня воспроизводства населения, что также влияет на сокращение сельского населения.

⁶ Демографическое развитие России...; Население России 2019. Двадцать седьмой ежегодный демографический доклад, отв. ред. С. В. Захаров. М.: ВШЭ, 2022. 346 с. URL: <https://publications.hse.ru/en/books/565191931> (дата обращения: 10.05.2026).

⁷ Коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения по округам и регионам РФ 2018–2023 г. STATPRIVAT.RU. URL: <https://statprivat.ru/demo2020?r=9> (дата обращения: 10.05.2025).

⁸ Общий прирост постоянного населения...

⁹ Там же.

Помимо этого, высокая смертность среди мужчин трудоспособного возраста в сельской местности, связанная с неблагоприятными условиями труда и высоким уровнем алкоголизма, приводит к превышению смертности над рождаемостью. Особенно это характерно для сельских регионов, что ускоряет процесс демографической деградации [20]. На рисунке 1¹⁰ представлено соотношение численности населения по смертности и рождаемости за февраль 2025 г.

В таблице 2¹¹ отражена статистика по числу браков и разводов в России в 2023 г. Так, доля сохраненных браков варьируется от 21,6 % в ДФО и до 57,4 % в СКФО. Это указывает на значительные различия в стабильности браков между регионами. ЦФО и СЗФО имеют относительно высокие показатели доли сохраненных браков, что может быть связано с более стабильной экономической ситуацией и социальными условиями. СКФО имеет самую высокую долю сохраненных браков, что может быть обусловлено культурными и традиционными факторами, влияющими на семейные отношения.

Последствия

Снижение численности сельского населения в РФ на протяжении XX и начала XXI в. стало одним из ключевых факторов, повлиявших на общую демографическую ситуацию в стране. Начиная с середины

XX в. наблюдается устойчивая тенденция к урбанизации, которая сопровождается постепенным сокращением доли сельских жителей и ростом числа городских. Однако, несмотря на общий рост городского населения, общая численность населения России в конце XX в. фактически стабилизировалась, а в отдельные периоды начала снижаться. Это свидетельствует о том, что миграция в города не компенсировала демографические потери, связанные с вымиранием и депопуляцией сельских территорий.

Теория демографического перехода объясняет смену типов воспроизводства населения в связи с развитием общественных производственных этапов. Выделяют три этапа развития экономики: присваивающий (охотники и собиратели), аграрно-индустриальный и постиндустриальный. В ходе исторического процесса человечество прошло через два основных типа воспроизводства населения: патриархально-крестьянский / традиционный (высокий уровень рождаемости и смертности); промышленно-городской / современный (низкий уровень суммарного коэффициента рождаемости и смертности) [21].

С конца XX в. Россия переживает этап второго демографического перехода. Среди ключевых проявлений этого этапа: отложенный возраст вступления в брак и рождения первенца; рост числа разводов и повторного заключения браков; повышенный

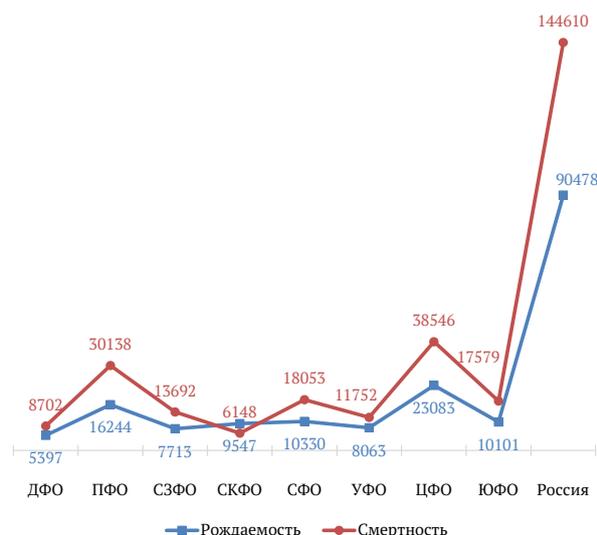

Рис. 1. Рождаемость vs. смертность населения России, февраль 2025 г., количество человек

Fig. 1. Birth rate vs. mortality in Russia, February 2025, people

Табл. 2. Число браков, разводов и доля сохраненных браков в России, 2023 г.

Tab. 2. Number of marriages, divorces, and salvaged marriages in Russia, 2023

Регион	Число браков	Число разводов	Доля сохраненных браков
ДФО	58138	45536	0,216
ПФО	173365	119758	0,309
СЗФО	102759	66036	0,357
СКФО	35101	55261	0,574
СФО	114807	84410	0,264
УФО	85316	63619	0,254
ЦФО	262274	168630	0,357
ЮФО	114235	80546	0,295
Россия	945995	683796	0,277

¹⁰ Сост. по: Рождаемость, смертность по регионам РФ. STATPRIVAT.RU. URL: <https://statprivat.ru/demo2020?r=3> (дата обращения: 10.05.2025).

¹¹ Сост. по: Число браков и разводов за год. STATPRIVAT.RU. URL: <https://statprivat.ru/demo2020?r=7> (дата обращения: 10.05.2025).

интерес к контролю над рождением детей и использованию современных методов контрацепции; изменение представлений о традиционном браке и роли женщины в обществе. Тем не менее РФ демонстрирует и ряд определенных особенностей, таких как сохранность традиций и культурных норм, особенно в регионах с высокой долей сельского населения и национальных меньшинств, и влияние экономической нестабильности и региональных различий на темпы изменений репродуктивного поведения.

Таким образом, второй демографический переход отражает важные перемены в структуре института семьи и репродуктивных стратегиях россиян, характеризующиеся увеличением свободы личного выбора и изменениями в отношении к традиционным нормам и институтам [21].

Сельские территории традиционно были источником более высокой рождаемости. С переходом значительной части населения в города, где суммарный коэффициент рождаемости ниже, общая рождаемость в стране также начала снижаться (табл. 1). Например, в 1959 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 2,82, а к 2021 г. – всего 1,50, что ниже уровня простого воспроизводства населения. Параллельно с этим происходило сокращение младенческой смертности, что должно было стабилизировать демографию. Однако из-за снижения

количества рождений даже улучшения в здравоохранении не смогли компенсировать общий спад численности. С 1989 г. Россия начала терять свою долю в мировом населении – с 2,80 до 1,87 % в 2021 г.¹²

Итак, депопуляция сельских территорий – не просто следствие урбанизации, а один из решающих факторов в снижении общего уровня рождаемости и старения населения страны. Без возрождения сельских районов и формирования привлекательной среды для жизни и семьи в этих зонах остановить демографический спад будет крайне затруднительно (рис. 2¹³).

По среднему варианту прогноза Росстата общее население РФ к 2030 г. сократится еще примерно на 3,2 млн человек, составив 142,25 млн человек (нижний сценарий допускает снижение до 142,0, высокий – до 145,45)¹⁴. Для реализации национальной программы демографического роста поставлена цель увеличения суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 г., что потребует стимулирования рождаемости и развития мер социальной поддержки [2].

Что касается сельской демографии, оптимистичные оценки указывают на возможность ее стабилизации или даже роста в ряде регионов. Так, в десяти наиболее благоприятных субъектах РФ прирост сельского населения (с учетом миграции и естественного прироста) к 2030 г. может составить 6,4 % [8; 22].

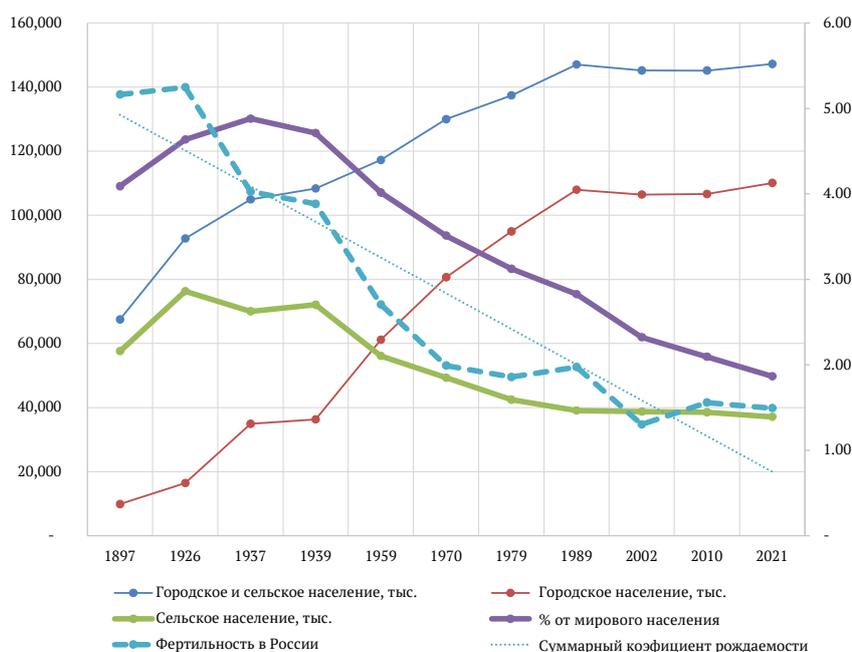

Рис. 2. Население России: суммарный коэффициент рождаемости и доля в мировом населении
Fig. 2. Population in Russia: total fertility rate and contribution to global population

¹² Общий прирост постоянного населения...

¹³ Сост. по: Общий прирост постоянного населения...

¹⁴ Там же.

Такой сценарий реализуется при условии активного освоения новых сельских агломераций, развития инфраструктуры и современных агрокластеров. Но в большинстве регионов тренд остается отрицательным, и прогнозируется снижение к 2030 г. доли сельского населения до уровня 24–25 % (в рамках общей тенденции урбанизации).

Для изменения ситуации необходимо реализовать комплекс мер на национальном и региональном уровнях, а именно:

- **поддержка рождаемости в сельской местности:** расширение пособий и льгот для молодых семей в селах, особые программы материнского капитала, развитие системы дошкольного ухода за детьми и сельских школ;
- **развитие сельского хозяйства и агропромышленного комплекса:** модернизация фермерских хозяйств, внедрение инновационных технологий земледелия и животноводства, развитие агропереработки и кооперативов, что повысит доходы сельчан и привлекательность сельской местности для проживания;
- **развитие инфраструктуры и сферы услуг:** улучшение дорог, связи и Интернета в сельских районах, строительство или восстановление фельдшерско-акушерских пунктов, школ, культурных центров, что сократит отрыв сел от городов и сделает сельскую жизнь более комфортной;
- **развитие местных инициатив и малого бизнеса:** поддержка сельского туризма, ремесел, обслуживания и производства органической продукции, создание программ сельской ипотеки и субсидий на жилье в селах, что будет способствовать привлечению новых жителей (в том числе городских мигрантов и пенсионеров);
- **рациональное расселение населения:** создание точек роста – современных агломераций на базе крупных сел и станций с широким социально-бытовым потенциалом, консолидация и укрупнение наименее населенных деревень при параллельном улучшении условий жизни в «стратегических» поселениях.

Последовательное выполнение этих мер, которые нацелены на повышение доходности и уровня жизни в сельской местности, поможет смягчить демографическое сжатие регионов. Развитие сельских территорий должно стать национальным приоритетом наряду с поддержкой городского роста, т. к. доля населения, проживающего в селах, остается значительной и имеет потенциал для устойчивого роста при благоприятных условиях [9; 10; 21–24].

Заключение

Демографическая ситуация в РФ демонстрирует устойчивые негативные тренды, особенно выраженные в сельской местности. Они связаны с такими ключевыми факторами, как продолжительное снижение численности сельского населения, старение населения, миграция молодежи в города, а также сокращение сельскохозяйственного производства и неравномерное распределение социальных услуг.

Созданию новых рабочих мест и удержанию людей в деревнях будет способствовать развитие сельского туризма, малых форм предпринимательства и сельского производства, хозяйства и агропромышленного комплекса. Также для улучшения демографической ситуации в сельской местности важно поддерживать рождаемость; развивать инфраструктуру и сферу услуг; реализовывать рациональное расселение населения. Осуществление указанных мер обеспечит сохранение жизни на селе, остановит процесс массового вымирания деревень и поселков, создаст экономическую основу для дальнейшего развития сельских территорий.

Выявление общих закономерностей демографических изменений позволит сформировать стратегический план социально-экономического развития РФ, основанный на развитии сельских территорий и стратегически важных конурбаций. Комплексный подход к решению проблемы депопуляции сельских территорий, включающий поддержку рождаемости, развитие инфраструктуры, создание рабочих мест и улучшение качества жизни в сельской местности, позволит замедлить темпы депопуляции и обеспечить устойчивое развитие не только сел, но и всей России. Только в случае реализации эффективной государственной демографической и социальной политики можно избежать негативных последствий для экономической и социальной стабильности страны в долгосрочной перспективе.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Окунькова Е. А., Плюснина О. В., Иода Ю. В., Усанов А. Ю. Изменение социально-экономического положения населения России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 1. С. 147–155. [Okunkova E. A., Plyusnina O. V., Ioda Yu. V., Usanov A. Yu. Changes in the Economic and Social Status of the Russian Population. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 147–155. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-147-155>
2. Демографическая модернизация России, 1900–2000, ред. А. Г. Вишневецкий. М.: Новое издательство, 2006. 601 с. [*Demographic modernization in Russia, 1900–2000*, ed. Vishnevsky A. G. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006, 601. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suqarx>
3. Сафонова С. Г., Шейхова М. С. Демографическая ситуация в современной России: особенности, тенденции, прогнозы. *Московский экономический журнал*. 2024. Т. 9. № 9. С. 386–401. [Safonova S. G., Sheyhova M. S. Demographic situation in modern Russia: Features, trends, forecasts. *Moscow economic journal*, 2024, 9(9): 386–401. (In Russ.)] https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_9_392
4. Филиппова Е. Н. К вопросу о современных проблемах развития сельских территорий. *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2012. № 3. С. 119–123. [Filippova E. N. On the issue of modern problems of rural development. *Bulletin of Altai State Agricultural University*, 2012, (3): 119–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njrniy>
5. Климовских Н. В. Проблема устойчивого развития сельских территорий и ее решения. *Вестник Университета Российской академии образования*. 2020. № 1. С. 117–131. [Klimovskikh N. V. The problem of sustainable rural development and its solutions. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya*, 2020, (1): 117–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrbxpr>
6. Нефедова Т. Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2012. № 3. С. 5–21. [Nefedova T. G. Major trends for changes in the socioeconomic space of rural Russia. *Regional Research of Russia*, 2012, (3): 5–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pagjln>
7. Безвербный В. А., Максимов А. Н. Тенденции депопуляции сельских территорий Российской Федерации по данным Всероссийской переписи населения 2020. *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28. № 4. С. 150–161. [Bezverbny V. A., Maksimov A. N. Depopulation trends of rural areas of the Russian Federation according to the Russian census 2020. *Science. Culture. Society*, 2022, 28(4): 150–161. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.12>
8. Меркурьев В. В., Мягков Е. В., Косинский П. Д., Томилин К. В. Анализ социально-экономического развития регионов Сибирского федерального округа. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2022. № 4. [Merkurev V. V., Myagkov E. V., Kosinskiy P. D., Tomilin K. V. Analysis of the socio-economic development of the regions of the Siberian Federal District. *Regional economics and management: Electronic scientific journal*, 2022, (4). (In Russ.)] URL: <https://eee-region.ru/article/7215/> (дата обращения: 10.05.2025). <https://elibrary.ru/lrrrfe>
9. Косинский П. Д., Меркурьев В. В., Харитонов А. В. Агломерация как инструмент устойчивого развития сельских территорий региона. *Фундаментальные исследования*. 2017. № 9-2. С. 450–454. [Kosinskiy P. D., Merkurev V. V., Kharitonov A. V. Agglomeration as instrument of sustainable development of rural territories of the region. *Fundamental research*, 2017, (9-2): 450–454. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zitucp>
10. Меркурьев В. В., Томилин К. В. Проблемы развития сельского хозяйства старопромышленного региона. *Вестник Кемеровского государственного сельскохозяйственного института*. 2016. № 6. С. 155–161. [Merkurev V. V., Tomilin K. V. Problems of agricultural development in an old industrial region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo selskokhozyajstvennogo instituta*, 2016, (6): 155–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbufmj>
11. Меркурьев В. В., Мягков Е. В. Развитие агломераций муниципальных образований как фактор совершенствования территориального размещения населения. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2022. № 1. [Merkurev V. V., Myagkov E. V. Development of agglomerations of municipalities as a factor in improving the territorial distribution of the population. *Regional economics and management: Electronic scientific journal*, 2022, (1). (In Russ.)] URL: <https://eee-region.ru/article/6913/> (дата обращения: 10.05.2025). <https://elibrary.ru/hslhbv>

12. Меркурьев В. В., Мягков Е. В., Харитонов А. В., Колупаева А. А. Оценка социально-экономического положения и потенциала развития Сибирского федерального округа. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2022. № 4. [Merkurev V. V., Myagkov E. V., Kharitonov A. V., Kolupaeva A. A. Assessment of the socio-economic situation and development potential of the Siberian Federal District. *Regional economics and management: Electronic scientific journal*, 2022, (4). (In Russ.)] URL: <https://eee-region.ru/article/7224/> (дата обращения: 10.05.2025). <https://elibrary.ru/lufehw>
13. Харитонов А. В., Меркурьев В. В., Юрзина Т. А., Косинский П. Д. Развитие сельских территорий в условиях формирования агломерационной системы: региональный аспект. *АПК: экономика, управление*. 2021. № 9. С. 88–94. [Kharitonov A. V., Merkurev V. V., Yurzina T. A., Kosinskiy P. D. Rural development in the context of the formation of agglomeration system: A regional aspect. *AIC: economics, management*, 2021, (9): 88–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33305/219-88>
14. Меркурьев В. В., Косинский П. Д., Томилин К. В., Колесникова Е. Г. Экономические последствия развития угледобывающей отрасли региона: оценка эколого-экономических потерь. *Уголь*. 2021. № 11. С. 19–24. [Merkurev V. V., Kosinskiy P. D., Tomilin K. V., Kolesnikova E. G. Economic consequences of the development of the coal mining industry in the region: Assessment of environmental and economic losses. *Ugol*, 2021, (11): 19–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-11-19-24>
15. Karataev E. M., Merkurev V. V., Titova O. V. Integrating the "green economy" into the model of digital future of the modern socio-economic systems. *Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow*, eds. Popkova E., Sergi B. Cham: Springer, 2020, vol. 129, 1402–1410. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_153
16. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Депопуляция в России, ее этапы и их особенности. *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 2. С. 4–17. [Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. Depopulation in Russia, its stages and specifics. *Population*, 2018, 21(2): 4–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwetjj>
17. Юмагузин В. В., Винник М. В. Прогноз численности и демографической нагрузки населения России до 2100 года. *Проблемы прогнозирования*. 2022. № 4. С. 98–111. [Yumaguzin V. V., Vinnik M. V. Forecast of population size and demographic burden in Russia up to 2100. *Problemy prognozirovaniya*, 2022, (4): 98–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47711/0868-6351-193-98-111>
18. Вартанова М. Л. Современное состояние внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство: российская практика. *Наука. Культура. Общество*. 2019. № 3-4. С. 12–17. [Vartanova M. L. Status of digital technologies in agriculture: Russian practice. *Science. Culture. Society*, 2019, (3-4): 12–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38085/2308829X-2019-3-4-12-17>
19. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Ленанд, 2023. 264 с. [Zubarevich N. V. *Social development of Russian regions: Problems and trends of the transition period*. Moscow: Lenand, 2023, 264. (In Russ.)]
20. Пространственная дифференциация и приоритеты социально-экономического развития регионов России, отв. ред. Е. Л. Плисецкий. М.: КноРус, 2018. 234 с. [*Spatial differentiation and priorities of socio-economic development of Russian regions*, ed. Plisetskii E. L. Moscow: KnoRus, 2018, 234. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uiryhj>
21. Римащевская Н. М., Доброхлеб В. Г., Медведева Е. И., Крошилин С. В. Особенности развития демографических процессов в современной России. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2012. Т. 8. № 15. С. 2–11. [Rimashevskaya N. M., Dobrokhleb V. G., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Development of demographic processes in modern Russia. *National Interests: Priorities and Security*, 2012, 8(15): 2–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owkxgt>
22. Симагин Ю. А. Территориальная организация населения и хозяйства. 5-е изд., перераб. и доп. М.: КноРус, 2017. 379 с. [Simagin Yu. A. *Territorial organization of the population and economy*. 5nd ed. Moscow: KnoRus, 2017, 379. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xghgpr>
23. Региональное управление и территориальное планирование, ред. Ю. Н. Шедько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 576 с. [*Regional management and territorial planning*, ed. Shedko Yu. N. 3nd ed. Moscow: Iurait, 2023, 576. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mmlhxx>
24. Региональная экономика, ред. В. И. Гришин, Г. Ю. Гагарина. М.: КноРус, 2021. 458 с. [*Regional economy*, eds. Grishin V. I., Gagarina G. Yu. Moscow: KnoRus, 2021, 458. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/utfxfi>

оригинальная статья

eLibrary EDN: YRVIDI

Моделирование демографических процессов в Кемеровской области – Кузбассе с использованием метода математической передвигки возрастных групп

Ульянченко Надежда Васильевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
unv123@mail.ru

Котов Роман Михайлович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 3447-3926
<https://orcid.org/0000-0003-0238-3466>

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена острыми демографическими проблемами территориальных образований России, где процессы депопуляции, неблагоприятная возрастная структура и миграционный отток молодежи существенно ограничивают социально-экономическое развитие. Кемеровская область – Кузбасс является типичным примером региона, в котором значительно сокращается численность населения, что подчеркивает необходимость научно обоснованного демографического прогнозирования. Цель – построить сценарные прогнозы численности населения Кемеровской области на основе метода математической передвигки возрастных групп. Применен метод математической передвигки возрастных групп, дополненный анализом статистических данных, методами компаративного и системного анализа, моделирования и экстраполяции. Научная новизна статьи заключается в адаптации метода математической передвигки возрастных групп к условиям конкретного региона, разработке комплексного подхода к прогнозированию демографической ситуации с учетом региональных социально-экономических особенностей. В результате проведена модификация исходных расчетных параметров метода, что позволило учесть специфику демографических и социально-экономических характеристик Кузбасса. В частности, в модель были интегрированы региональные коэффициенты смертности и рождаемости по муниципальным образованиям, показатели внутренней и внешней миграции населения, а также параметры трудовой мобильности и уровня урбанизации. Разработанный комплексный подход объединяет когортно-компонентный анализ с оценкой экономических, экологических и институциональных факторов, оказывающих влияние на демографическую динамику региона. На основе исследования демографической ситуации Кемеровской области с применением метода математической передвигки возрастных групп построены четыре сценария демографического прогноза до 2036 г.: инерционный, инерционный (оптимистический), умеренный и целевой. Для каждого сценария определены ключевые демографические параметры, которые отражают возможные траектории изменения численности населения в зависимости от ключевых демографических параметров.

Ключевые слова: демографическая политика, демографический прогноз, сценарное прогнозирование, демографические процессы, депопуляция, метод математической передвигки, Кемеровская область, Кузбасс

Цитирование: Ульянченко Н. В., Котов Р. М. Моделирование демографических процессов в Кемеровской области – Кузбассе с использованием метода математической передвигки возрастных групп. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 11. № 1. С. 131–140. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-131-140>

Поступила в редакцию 26.09.2025. Принята после рецензирования 31.10.2025. Принята в печать 05.11.2025.

original article

Demographic Modeling in the Kemerovo Region: A Cohort-Component Analysis of Population Dynamics

Nadezhda V. Ulyanchenko
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
unv123@mail.ru

Roman M. Kotov
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 3447-3926
<https://orcid.org/0000-0003-0238-3466>

Abstract: Several Russian regions face critical demographic challenges, including depopulation, an aging population, and youth out-migration, which collectively constrain local socio-economic development. Given its severe population decline, the Kemerovo Region requires urgent demographic forecasting. This article presents scenario-based population projections for the region using the cohort-component method, supplemented by statistical analysis, systemic modeling, and extrapolation. This methodology was adapted to the specific demographic and socio-economic conditions of Western Siberia. The key indicators included mortality and birth rates at the municipal level, internal and external migration, labor mobility, and urbanization trends. The resulting integrated approach combines the cohort-component analysis with an assessment of the economic, environmental, and institutional factors influencing the regional demographic dynamics. The study provides four demographic forecast scenarios for the Kemerovo Region through 2036: inertial, inertial (optimistic), moderate, and target. For each scenario, the authors identified the key parameters driving population trajectories based on critical demographic shifts.

Keywords: demographic policy, demographic forecast, scenario-based forecasting, demographic processes, depopulation, mathematical displacement method, Kemerovo Region, Kuzbass

Citation: Ulyanchenko N. V., Kotov R. M. Demographic Modeling in the Kemerovo Region: A Cohort-Component Analysis of Population Dynamics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 11(1): 131–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-131-140>

Received 26 Sep 2025. Accepted after review 31 Oct 2025. Accepted for publication 5 Nov 2025.

Введение

Демографическая ситуация в регионах Российской Федерации продолжает оставаться одним из ключевых факторов, которые определяют перспективы социально-экономического развития территорий. Кемеровская область – Кузбасс как промышленный регион с высоким уровнем урбанизации сталкивается с целым рядом демографических вызовов, требующих детального изучения и прогнозирования [1]. Наблюдаемые в последние десятилетия тенденции к сокращению численности населения региона актуализируют необходимость разработки научно обоснованных демографических прогнозов, которые могут служить основой для принятия стратегических решений в области демографической политики [2].

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу (Кемеровостата), численность населения региона за 2010–2025 гг.

сократилась с 2750829 до 2527219 человек, или на 8,1 % за последние пятнадцать лет¹. Кроме того, Кемеровская область характеризуется высоким уровнем урбанизации: 88,75 % населения региона проживает в городах, что отражает промышленную специфику Кузбасса. Плотность населения в 2025 г. составляет 26,40 человек/км², что существенно выше средних показателей по Сибирскому федеральному округу².

Подобная демографическая динамика отражает общую для многих региональных образований России проблему депопуляции и обусловлена комплексом факторов, включая низкий уровень рождаемости, высокую смертность и миграционный отток [3], особенно среди молодежи и трудоспособного населения.

Цель – построить сценарные прогнозы численности населения Кемеровской области на основе

¹ Кемеровостат. URL: <https://42.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 16.05.2025).

² Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 16.05.2025).

метода математической передвижки возрастных групп. Применен метод математической передвижки возрастных групп, дополненный анализом статистических данных, методами компаративного и системного анализа, моделирования и экстраполяции. Научная новизна статьи заключается в адаптации метода математической передвижки возрастных групп к условиям конкретного региона, разработке комплексного подхода к прогнозированию демографической ситуации с учетом региональных социально-экономических особенностей.

Методы и материалы

Для объективного анализа и прогнозирования демографической ситуации в Кемеровской области целесообразно применять научно обоснованные методы демографического прогнозирования, среди которых особое место занимает метод математической передвижки возрастных групп (когортно-компонентный метод) [4]. Данный метод представляет собой специализированный способ расчета перспективной возрастно-половой структуры населения [5].

Математическая сущность метода заключается в следующем: если на момент исходного года наблюдается определенная численность людей в конкретной возрастно-половой группе, то через год эти люди переходят в следующую возрастную группу с учетом коэффициента дожития, взятого из таблиц смертности. Расчет производится по формуле:

$$S(x + 1, t + 1) = S(x, t) \times L(x + 1) / L(x),$$

где $S(x + 1, t + 1)$ – прогнозируемая численность населения в возрасте $x + 1$ в момент времени $t + 1$; $S(x, t)$ – численность населения в возрасте x в момент времени t ; $L(x + 1)$ и $L(x)$ – численность живущих в соответствующих возрастных интервалах, согласно таблицам смертности.

Для расчета численности населения в старших возрастных группах с открытым возрастным интервалом применяется модифицированная формула:

$$S(x + 1, t + 1) = S(x, t) \times T(x + 1) / T(x),$$

где $T(x + 1)$ и $T(x)$ – числа человеко-лет жизни в возрасте старшего данного.

Этот метод позволяет учитывать ключевые демографические процессы, такие как рождаемость, смертность и миграция [5; 6]. При этом прогнозирование осуществляется отдельно для каждой возрастно-половой группы, что обеспечивает высокую точность результатов.

Выбор метода математической передвижки возрастных групп для прогнозирования демографических процессов Кемеровской области является

обоснованным по нескольким причинам. Во-первых, данный метод позволяет учитывать структурные особенности населения региона – высокий уровень урбанизации, значительную долю трудоспособного населения и выраженную возрастную асимметрию, что особенно важно для промышленных территорий. Во-вторых, использование математической передвижки возрастных групп обеспечивает возможность анализа естественного и миграционного движения населения в разрезе возрастных групп, что позволяет учитывать высокий уровень миграционной подвижности молодежи, характерный для Кузбасса. В-третьих, когортно-компонентный метод обладает высокой адаптивностью к различным сценарным условиям и позволяет формировать долгосрочные прогнозы при ограниченных исходных данных, что делает его эффективным инструментом регионального демографического анализа.

Особое значение в методе математической передвижки возрастных групп имеет прогнозирование численности детей, родившихся в прогнозный период. Для этого используются данные о возрастной структуре женщин репродуктивного возраста (обычно 15–49 лет) и повозрастных коэффициентах рождаемости. Расчет осуществляется путем умножения численности женщин в каждой возрастной группе на соответствующие коэффициенты рождаемости, что позволяет определить ожидаемое число рождений в прогнозируемом периоде [5]. Полученная сумма умножается на долю девочек или мальчиков среди родившихся (обычно 0,52 для девочек и 0,48 для мальчиков) и на показатель выживаемости детей в возрасте до года. В итоге формула расчета будущей численности детей выглядит следующим образом:

$$S(0, t + 1) = \sum [S(x, t) \times f(x)] \times d \times l(0),$$

где $S(0, t + 1)$ – прогнозируемая численность детей возраста 0 лет в момент времени $t + 1$; $S(x, t)$ – численность женщин в возрасте x в момент времени t ; $f(x)$ – повозрастной коэффициент рождаемости для женщин возраста x ; d – доля детей определенного пола среди новорожденных; $l(0)$ – коэффициент выживаемости детей до года.

Процедура передвижки по возрастам и расчета числа новорожденных повторяется для каждого года прогнозного периода, что позволяет получить полную картину изменения возрастно-половой структуры населения в будущем.

Адаптация метода математической передвижки возрастных групп к условиям Кузбасса заключалась в уточнении системы исходных параметров, характеризующих рождаемость, смертность

и миграционные потоки, с опорой на региональные данные Кемеровостата и муниципальную статистику. В модель были введены дополнительные модули, которые позволяют корректировать коэффициенты дожития и рождаемости с учетом экологической обстановки, уровня промышленной нагрузки и структуры занятости. Комплексный подход предполагал объединение полученных демографических прогнозов с оценкой социально-экономических факторов (уровень доходов, занятости, инфраструктурного обеспечения), что обеспечило более высокую точность сценарных расчетов и позволило сформировать интегральную систему прогнозирования демографической ситуации в регионе.

Результаты

На основе имеющихся данных о динамике численности населения Кемеровской области и с применением метода математической передвижки возрастных групп разработаны четыре сценария (прогноза) демографического развития региона до 2036 г.

Инерционный прогноз

Инерционный сценарий предполагает сохранение текущих демографических тенденций без реализации дополнительных мер государственной поддержки. Согласно расчетам, представленным на рисунке, численность населения Кемеровской области будет последовательно сокращаться с 2532271 человека в 2025 г. до 2124473 человек в 2036 г. Таким образом, за 12 лет прогнозируется сокращение населения на 407798 человек, или на 16,1 %. Среднегодовой темп сокращения численности населения при таком сценарии составляет около 1,5 %.

Основными факторами депопуляции в отсутствие государственного вмешательства выступают:

1) низкий уровень рождаемости, который не обеспечивает простое воспроизводство населения (суммарный коэффициент рождаемости (СКР) при данном сценарии равен 1,42 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста) [7];

2) высокие показатели смертности, особенно в трудоспособном возрасте [8];

3) миграционный отток населения, прежде всего молодежи, в более крупные города и экономически благополучные регионы [9];

4) старение населения, приводящее к увеличению демографической нагрузки на трудоспособное население [10].

Игнорирование проблемы спада населения приведет к целому комплексу негативных социально-экономических последствий, таких как:

- сокращение трудовых ресурсов и ухудшение их качественных характеристик [11];
- усиление дефицита кадров в ключевых отраслях экономики области [12];
- рост бюджетных расходов на социальное обеспечение при сокращении налоговой базы [13];
- деградация социальной инфраструктуры из-за снижения рентабельности ее содержания;
- концентрация населения в городских центрах и депопуляция сельской местности [14].

Инерционный (оптимистический) прогноз

Для моделирования инерционного (оптимистического) сценария были взяты исторические максимумы уровней рождаемости, миграции и минимальный уровень смертности за 2010–2024 гг. Данный демографический прогноз демонстрирует отрицательный тренд в рассматриваемом периоде, но имеет более благоприятную динамику по сравнению с инерционным сценарием. Так, численность населения при таком сценарии снизится с 2577866 человек в 2025 г. до 2353358 человек

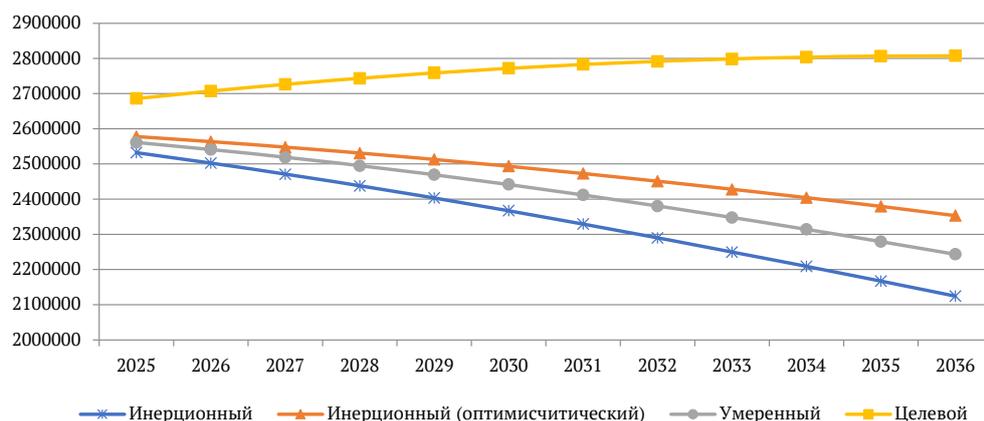

Рис. Прогнозы численности населения Кемеровской области до 2036 г., количество человек
Fig. Population projections for Kemerovo Region through 2036, people

к 2036 г. (рис.), что составляет убыль в 224508 человек, или 8,7 % за рассматриваемый период. Примечательно, что этот сценарий предполагает достаточно высокий СКР, равный 2,52 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Данное значение существенно превышает уровень простого воспроизводства населения, при котором СКР имеет значение 2,1.

Наблюдаемая убыль населения при высоком коэффициенте рождаемости указывает на наличие структурных ограничений демографического развития территории, в частности неблагоприятную возрастную-половую структуру населения и высокую смертность [15]. Этот феномен демонстрирует недостаточность мер, которые направлены исключительно на стимулирование рождаемости без комплексного воздействия на другие компоненты демографической динамики.

Умеренный прогноз

Предпосылками для построения умеренного сценария выступали реалистичные темпы социально-экономического роста региона, сохранение текущих мер демографической поддержки с их постепенным расширением, стабилизация миграционного баланса.

В расчетах данного сценария предполагалось постепенное увеличение СКР до уровня простого воспроизводства за счет расширения программ материальной поддержки семей с детьми, улучшения жилищных условий и создания инфраструктуры детских учреждений. Снижение смертности моделировалось через повышение коэффициентов дожития в трудоспособных возрастах на 3–5 % по сравнению с инерционным сценарием, что отражает эффект от инвестиций в систему здравоохранения и профилактики заболеваний. Миграционный баланс при этом оставался близким к нулю, что соответствует условию стабилизации трудовых потоков без их существенного прироста.

Согласно этому сценарию, численность населения Кемеровской области сократится с 2561255 человек в 2025 г. до 2243406 человек в 2036 г. (рис.). За 12 лет прогнозируется сокращение населения на 317849 человек, или 12,4 %, что занимает промежуточное положение между инерционным и инерционным (оптимистическим) сценариями. При данном прогнозе предполагается достижение СКР на уровне простого воспроизводства населения. Однако даже при достижении СКР, равного 2,1 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста, общая тенденция к сокращению численности населения сохраняется, хотя и имеет

более замедленный характер, чем в инерционном прогнозе. Это объясняется неблагоприятной возрастно-половой структурой населения в предыдущие периоды [16].

Целевой прогноз

Целевой сценарий базируется на предпосылках активного государственного вмешательства в демографические процессы и устойчивого экономического роста региона. Он отражает реализацию масштабных мер демографической политики, которые направлены на улучшение качества жизни населения и формирование благоприятных условий для рождаемости.

В модель были заложены предпосылки активной государственной поддержки семей с детьми (повышение СКР до 5,26 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста), снижение общей смертности за счет роста коэффициентов дожития на 7–10 % и позитивный миграционный баланс, достигающий до +0,3 % в год. Эти параметры отражают реализацию комплексных мер – развитие системы медицинской помощи, стимулирование возвращения трудоспособного населения из других регионов и формирование благоприятной экологической среды. Таким образом, целевой прогноз отражает максимально возможный эффект от согласованной демографической и экономической политики.

Именно при таких условиях возможно достижение устойчивого роста численности населения Кузбасса. Данный сценарий демонстрирует положительную динамику численности населения: с 2686027 человек в 2025 г. до 2807613 человек в 2036 г. (рис.), что соответствует приросту на 121586 человек, или 4,5 %. Указанное делает целевой сценарий единственным сценарием с положительной демографической динамикой. При этом отдельно стоит отметить, что СКР, необходимый для реализации данного прогноза (5,26), значительно превышает уровень простого воспроизводства населения (2,1).

Особенности целевого сценария (положительный прирост населения в целом за рассматриваемый период и формирование устойчивой тенденции к росту численности населения) создают основу для долгосрочного демографического развития региона.

Анализ разработанных сценариев демографического развития Кузбасса позволяет выявить ряд ключевых закономерностей и особенностей:

Все четыре сценария демонстрируют различную динамику численности населения, что отражается в темпах роста: 83,89 % – для инерционного сценария, 91,29 % – для инерционного (оптимистического) сценария, 87,59 % – для умеренного сценария

и 104,53 % – для целевого сценария. При этом только целевой сценарий обеспечивает положительный прирост населения, в то время как остальные предполагают сокращение численности населения, хотя и с разной интенсивностью.

Согласно сведениям на рисунке, наибольшее расхождение между сценариями наблюдается к концу прогнозного периода (2036 г.). Если в начале периода (2025 г.) разница между наименьшим (инерционный сценарий) и наибольшим (целевой сценарий) значениями составляет около 150 тыс. человек, то к 2036 г. увеличивается до 683 тыс. человек. Это свидетельствует о том, что эффект от реализации различных демографических стратегий носит кумулятивный характер и наиболее ярко проявляется в долгосрочной перспективе.

Также даже при достижении уровня простого воспроизводства населения численность населения региона продолжает сокращаться. Это указывает на значительную инерционность демографических процессов и необходимость учета не только показателей рождаемости, но и других факторов, включая миграцию и смертность [17].

Заключение

Построенные сценарии демографического прогноза продемонстрировали выраженную зависимость численности населения Кузбасса от совокупности трех ключевых факторов – рождаемости, смертности и миграции. Именно снижение рождаемости и высокий уровень смертности в трудоспособных возрастах оказывают наибольшее влияние на депопуляцию региона. В то же время миграционный отток молодежи усиливает негативные тенденции, снижая потенциал естественного воспроизводства. Среди рассмотренных сценариев только целевой обеспечивает положительную динамику численности населения, тогда как остальные – сокращение различной степени интенсивности. Эти результаты подтверждают необходимость реализации комплексных мер демографической политики, направленных на улучшение показателей рождаемости, снижение смертности и стабилизацию миграционных потоков.

Проведенное моделирование демографических процессов в Кузбассе с использованием метода математической передвижки возрастных групп позволяет сделать следующие выводы:

1. При сохранении текущих демографических тенденций (инерционный сценарий) регион в 2036 г. столкнется с существенным сокращением численности населения на 16,1 %, что создает серьезные риски для социально-экономического развития

территории и требует активного вмешательства со стороны органов государственного и муниципального управления.

2. Только целевой сценарий, предполагающий значительное улучшение всех демографических показателей, обеспечивает положительный прирост населения региона. Однако СКР, равный 5,26 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста, требует разработки и внедрения максимально эффективных мер демографической политики.

3. Даже при реализации более благоприятных сценариев (инерционный (оптимистический) и умеренный) сохраняется тенденция к сокращению численности населения, хотя и с меньшей интенсивностью. Это свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению демографических проблем, учитывающего все компоненты демографической динамики: рождаемость, смертность, миграцию и продолжительность жизни. Каждый из них может быть подвержен целенаправленному государственному воздействию посредством различных политических инструментов, которые подразделяются на основные группы: экономические, экологические, институционально-идеологические. Эффективная демографическая политика требует системного подхода, предусматривающего все направления воздействия для достижения оптимальных результатов.

Экономические меры составляют основу государственного воздействия на демографические процессы и включают широкий спектр финансовых механизмов [18]. Так, на рождаемость можно воздействовать с помощью такого *экономического инструмента*, как финансовая поддержка семей с детьми. На данный момент основными экономическими инструментами влияния на рождаемость выступают материнский капитал, размер которого на 2025 г. составляет 690,3 тыс. руб. на первого ребенка и 912 тыс. руб. на второго (если ранее семья не получала выплату на первого ребенка). Система социальных пособий включает единовременные выплаты при рождении ребенка, ежемесячные пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет, а также ежемесячные выплаты из материнского капитала для семей с невысокими доходами в размере регионального прожиточного минимума ребенка.

Установление льготной ипотечной ставки обеспечивает доступность жилья для молодых семей. Инвестиции в социальную инфраструктуру (строительство детских садов, яслей и образовательных учреждений), программы поддержки занятости матерей позволяют женщинам совмещать

работу и материнство. Большое значение имеет и повышение уровня жизни населения, а именно развитие рынка труда и обеспечение достойного уровня заработной платы, т.к. эти факторы оказывают существенное влияние на демографические процессы [19].

Экономические инструменты воздействия, направленные на снижение смертности и увеличение продолжительности жизни, реализуются через государственные инвестиции в систему здравоохранения, которые имеют прямую корреляцию с показателями продолжительности жизни населения [20]. Также эти инструменты наиболее эффективны для регулирования внутренней миграции [21]. Ключевыми экономическими инструментами в данном случае выступают субсидирование переезда и обустройства внутренних мигрантов, включая компенсацию транспортных расходов и аренды жилья; освобождение от имущественных налогов для предприятий, привлекающих людей из других областей; финансирование программ доступного жилья (строительство арендного фонда с льготной ипотечной ставкой); гранты для внутренних мигрантов, которые открывают бизнес в малых городах.

Экологические факторы оказывают значительное влияние на продолжительность жизни, рождаемость, смертность и миграцию в регионе, прежде всего через состояние окружающей среды, которое напрямую влияет на здоровье населения [22]. Применение следующих *экологических инструментов* способно значительно снизить неблагоприятные демографические тенденции:

- 1) снижение выбросов загрязняющих веществ от промышленных предприятий и транспорта через ужесточение экологических норм и внедрение очистных технологий;
- 2) контроль качества питьевой воды и продуктов питания, включая регулярный мониторинг и очистку источников водоснабжения;
- 3) создание и поддержание зеленых зон, рекультивация загрязненных территорий, что улучшает микроклимат и снижает стрессовую нагрузку на население;
- 4) информирование населения о состоянии окружающей среды и мерах по ее улучшению для снижения тревожности и стимулирования закрепления населения в регионе;
- 5) включение экологических критериев в региональное планирование и миграционную политику;
- 6) программы оздоровления окружающей среды и профилактики экологически обусловленных заболеваний.

Институционально-идеологические инструменты воздействуют на мотивацию и сознание людей, формируя устойчивые социальные нормы и ценности [23]. Так, рождаемость можно повышать за счет пропаганды традиционных семейных ценностей через образовательные учреждения, СМИ и общественные организации, что укрепляет институт семьи и стимулирует желание иметь детей; поддержки многодетных семей и создания положительного общественного образа многодетности, что снижает социальные барьеры и стереотипы, связанные с большим количеством детей; вовлечения религиозных и культурных институтов в распространение ценностей семейного благополучия и деторождения.

Также возможно формировать у людей ответственное отношение к образу жизни и здоровью с помощью институционально-идеологических инструментов, что напрямую влияет на снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. К таким инструментам относятся, например, пропаганда здорового образа жизни – отказ от курения, алкоголя, вредных привычек, популяризация физической активности и правильного питания; образовательные кампании по профилактике заболеваний и своевременному обращению за медицинской помощью; формирование культуры безопасности труда и дорожного движения, что снижает травматизм и смертность от несчастных случаев; стимулирование социальной активности и психологической поддержки пожилых людей, что повышает качество жизни и активное долголетие [24].

Кроме того, институционально-идеологические меры влияют на миграционное поведение населения:

- 1) формирование чувства принадлежности к региону и патриотизма, что способствует снижению оттока населения и укреплению социальной сплоченности;
- 2) информационные кампании о преимуществах жизни и работы в регионе, направленные на удержание местных жителей в регионе и привлечение внутренних мигрантов;
- 3) создание позитивного имиджа региона через СМИ и общественные мероприятия, что влияет на решение людей о переезде [25].

Разработанные рекомендации напрямую связаны с результатами сценарного моделирования: меры, которые направлены на повышение рождаемости и снижение смертности, обеспечивают достижение параметров умеренного сценария, тогда как реализация расширенной демографической и социальной политики соответствует условиям целевого сценария. Таким образом, предложенные направления

демографической политики представляют собой практическое продолжение сценарных расчетов и подтверждают эффективность метода математической передвигки возрастных групп как инструмента регионального прогнозирования.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Кишенин П. А. Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений. *Демографическое обозрение*. 2023. Т. 10. № 4. С. 86–120. [Kishenin P. A. Regional differentiation of fertility in the Russian Federation: Cohort perspectives. *Demographic Review*, 2023, 10(4): 86–120. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18810>
2. Шорохов С. И. Прогноз численности и возрастной структуры экономически активного населения Алтайского края и Кемеровской области. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 1-2. С. 240–246. [Shorokhov S. I. The forecast of the size and age structure of the economically active population of Altai territory and Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (1-2): 240–246. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/satkcz>
3. Рыбаковский О. Л. Воспроизводство населения регионов России в 1992–2024 гг.: итоги, компоненты, факторы. *Народонаселение*. 2023. Т. 27. № 4. С. 4–17. [Rybakovsky O. L. Reproduction of the population of the regions of Russia in 1992–2024: Results, components, factors. *Population*, 2023, 27(4): 4–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-4-17>
4. Прохоров Б. В., Иванова Е. И., Шмаков Д. И., Щербаклова Е. М. Медико-демографическое прогнозирование. М.: Макс Пресс, 2011. 355 с. [Prokhorov B. V., Ivanova E. I., Shmakov D. I., Shcherbakova E. M. *Medical and demographic forecasting*. Moscow: Maks Press, 2011, 355. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rcipyn>
5. Назаров А. А., Носова М. Г. Метод передвигки возрастных групп в демографии и его приложения. *Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика*. 2009. № 3. С. 67–74. [Nazarov A. A., Nosova M. G. The technique of aging in demography and its applications. *Tomsk State University Journal of Control and Computer Science*, 2009, (3): 67–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mnhjot>
6. Рыбаковский О. Л. Депопуляция в регионах Европейской России в 1992–2024 гг. *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2024. Т. 4. № 4. С. 139–151. [Rybakovsky O. L. Depopulation in European Russian Regions in 1992–2024. *DEMIS. Demographic research*, 2024, 4(4): 139–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.8>
7. Малышева К. К., Кульпина Е. Е. Анализ демографической ситуации в Кемеровской области. *Россия молодая: XIV Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Кемерово, 19–21 апреля 2022 г.) Кемерово: КузГТУ*, 2022. С. 45–62. [Malisheva K. K., Kulpina E. E. Analysis of the demographic situation in Kemerovo Oblast: Trends and problem points. *Young Russia: Proc. XIV All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Kemerovo, 19–21 Apr 2022*. Kemerovo: KuzSTU, 2022, 45–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/flinam>
8. Тюжина М. В. Динамика рождаемости и смертности населения в условиях депопуляции (на примере Кемеровской области). *Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: XVII (XLIX) Междунар. науч. конф. (Кемерово, 19–30 апреля 2022 г.) Кемерово: КемГУ*, 2022. С. 474–476. [Tyuzhina M. V. Birth and death rates in conditions of depopulation in the Kemerovo Region. *Education, science, and innovative studies by young researchers: Proc. XVII (XLIX) Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 19–30 Apr 2022*. Kemerovo: KemSU, 2022, 474–476. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/plwxry>
9. Морозова Е. А., Кочнева О. П. Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 3. С. 326–338. [Morozova E. A., Kochneva O. P. Youth migration in the Kemerovo

- Region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 326–338. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338>
10. Победаш Н. В., Вольфсон Э. Н. Тенденции регионального рынка труда. *Учим управлять и учимся управлять: VII Науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Кемерово, 21 февраля 2021 г.) Кемерово: КузГТУ, 2021. С. 305–310. [Pobedash N. V., Volfson E. N. Regional labor market trends. *Teaching management, learning management: Proc. VII Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Kemerovo, 21 Feb 2021. Kemerovo: KuzSTU, 2021, 305–310. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vfktuy**
 11. Нешатаев А. В. Человеческий капитал на территориях с разным уровнем благополучия: измерение и влияние. *Регионоведение*. 2023. Т. 31. № 1. С. 123–142. [Neshataev A. V. Human capital in territories with different level of socio-economic well-being: Assessment and influence. *Russian Journal of Regional Studies*, 2023, 31(1): 123–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.123-142>
 12. Белоусова А. В., Грицко М. А. Демографическая динамика Дальнего Востока России в условиях реализации национальных приоритетов: устойчивые тренды и ограничения роста. *Регионалистика*. 2022. Т. 9. № 6. С. 37–51. [Belousova A. V., Gritsko M. A. Demographic dynamics of the Russian Far East in the context of the implementation of national priorities: Sustainable trends and growth constraints. *Regionalistica*, 2022, 9(6): 37–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14530/reg.2022.6.37>
 13. Родина О. А. Региональная вариация рождаемости и ее связь с социально-экономическим положением российских регионов. *Демографическое обозрение*. 2023. Т. 10. № 2. С. 63–103. [Rodina O. A. Regional variation of fertility and its relation to the socio-economic development of Russian regions. *Demographic Review*, 2023, 10(2): 63–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17766>
 14. Будажданаева М. Ц. Демографические тенденции сельских территорий Российской Федерации. *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Т. 20. № 4. С. 612–628. [Budazhanaeva M. Ts. Demographic trends in rural areas of the Russian Federation. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2024, 20(4): 612–628. (In Russ.)] https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_10_612_628
 15. Рыбаковский О. Л. Возрастная структура населения регионов России в начале XXI века: компоненты формирования. *Народонаселение*. 2023. Т. 26. № 1. С. 4–15. [Rybakovsky O. L. The age structure of the population of the regions of Russia at the beginning of the 21st century: Components of formation. *Population*, 2023, 26(1): 4–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.1>
 16. Население постсоветских стран: тенденции, прогнозы, межпоколенческие трансферты, науч. ред. М. Б. Денисенко. М.: Прометей, 2024. 752 с. [Population of the post-Soviet countries: Trends, forecasts, and intergenerational transfers, ed. Denisenko M. B. Moscow: Prometei, 2024, 752. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/grobmz>
 17. Чернышев К. А. Демографическая динамика крупнейших городских агломераций России. *ЭКО*. 2022. № 4. С. 81–93. [Chernyshev K. A. Demographic dynamics of the largest urban agglomerations in Russia. *EKO*, 2022, (4): 81–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-4-81-93>
 18. Рыбаковский О. Л. Экономические факторы в демографии регионов России (2017–2023 гг.). *Народонаселение*. 2025. Т. 28. № 1. С. 4–16. [Rybakovsky O. L. Economic factors in the demography of Russian regions (2017–2023). *Population*, 2025, 28(1): 4–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16>
 19. Мухачева А. В. Демографический потенциал моногородов Кемеровской области как составляющая качества жизни. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2018. № 3. С. 120–129. [Mukhacheva A. V. Demographic potential of single-industry towns of Kemerovo Region as a component of the quality of life. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 2018, (3): 120–129. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-3-120-129>
 20. Дорофеева Т. П., Шубина Н. П. Оценка социально-экономического положения региона через призму содействия трудоустройства выпускников среднего профессионального образования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 1. С. 93–102. [Dorofeeva T. P., Shubina N. P. Socio-economic status of the region through the lens of secondary vocational education graduates' employment promotion. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(1): 93–102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-1-93-102>
 21. Дождиков А. В. Межрегиональная миграция молодежи в Российской Федерации. *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2024. Т. 4. № 3. С. 119–137. [Dozhdikov A. V. Interregional migration of youth

- in the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*, 2024, 4(3): 119–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.8>
22. Рыбаковский О. Л. Климатический фактор в демографии регионов России (2017–2023 гг.). *Население*. 2025. Т. 28. № 2. С. 4–15. [Rybakovsky O. L. Climate factor in the demography of Russian regions (2017–2023). *Population*, 2025, 28(2): 4–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-2-4-15>
23. Сакевич В. И., Денисов Б. П. Региональные особенности контроля рождаемости в России в 2018–2022 гг. *Демографическое обозрение*. 2024. Т. 11. № 3. С. 67–87. [Sakevich V. I., Denisov B. P. Regional characteristics of birth control in Russia in 2018–2022. *Demographic Review*, 2024, 11(3): 67–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22715>
24. Хамер Г. В. Уровень смертности в России: состояние и меры по ее снижению. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 3-2. С. 91–99. [Hamer G. V. Death rate in Russia: State and measures to reduce it. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, (3-2): 91–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10268>
25. Валиахметов Р. М., Туракаев М. С. Социальное благополучие жителей регионов России как фактор миграционного потенциала местного населения. *Уровень жизни населения в регионах России*. 2024. Т. 20. № 4. С. 629–644. [Valiakhmetov R. M., Turkaev M. S. Social well-being of residents of Russian regions as a factor in the migration potential of the local population. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2024, 20(4): 629–644. (In Russ.)] https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_11_629_644

оригинальная статья

eLibrary EDN: YXLLSK

Развитие рынка розничных сбережений в условиях цифровизации

Елькин Владислав Марсович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

elkin_vladislav18@mail.ru

Калачева Ирина Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7690-4659

<https://orcid.org/0000-0002-6530-473X>

Аннотация: В экономике большинства стран мира исключительное внимание отводится осуществлению инвестиционного процесса. На сегодняшний день и для Российской Федерации привлечение свободных финансовых ресурсов и их распределение по различным отраслям экономики выступают стратегической задачей. В условиях, когда количество источников финансирования для покрытия инвестиционных потребностей за счет привлечения иностранного капитала становится все меньше, возрастает значимость имеющегося внутри страны мощного финансового потенциала, сосредоточенного у населения в виде сбережений. На первый план выходят сбережения, которые принадлежат домашним хозяйствам, классифицируемые как розничные. Ежегодно появляются новые и совершенствуются существующие технические устройства и цифровые технологии, в том числе и активно применяемые в финансовом секторе экономики. Цифровизация финансовой сферы влияет на спрос и предложение ресурсов на финансовых рынках, а также на сам подход к управлению собственными сбережениями. Цель – выявить степень влияния цифровизации на поведение розничных сберегателей посредством экономико-математического моделирования. В результате рассмотрен уровень развития розничных сбережений в условиях цифровизации экономики России. Определена экономическая сущность такого понятия, как *рынок розничных сбережений*, а также выявлена зависимость сберегательного поведения населения России от факторов цифровизации. Установлено, что в дальнейшем при рассмотрении сберегательного поведения населения необходимо учитывать при прочих условиях и факторы со стороны влияния цифровых технологий.

Ключевые слова: сберегательные ресурсы, сбережения домашних хозяйств, инвестиционный процесс, сберегательное поведение, финансовые технологии, цифровизация

Цитирование: Елькин В. М., Калачева И. В. Развитие рынка розничных сбережений в условиях цифровизации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2026. Т. 11. № 1. С. 141–154. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-141-154>

Поступила в редакцию 03.04.2025. Принята после рецензирования 09.06.2025. Принята в печать 20.10.2025.

original article

Retail Savings Market During Digitalization

Vladislav M. Elkin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

elkin_vladislav18@mail.ru

Irina V. Kalacheva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7690-4659

<https://orcid.org/0000-0002-6530-473X>

Abstract: Investments constitute a fundamental component of most global economies. A primary strategic objective for Russia involves mobilizing idle financial resources and allocating them across all economic sectors. Given that attracting foreign capital is currently constrained, the savings of the Russian population (specifically retail savings) represent a significant financial potential. The financial sector increasingly relies on digital technologies and advanced devices, which fundamentally alter user strategies for managing personal savings. This digital transformation shifts the supply and demand dynamics of financial resources within the domestic market. Through economic and mathematical modeling, this study describes the impact of digitalization on retail savers' behavior and assesses the current state of retail savings within the Russian economy. By identifying the economic nature of the retail savings market, the authors determine the effect of digital factors on savings patterns. Ultimately, digital technologies are a critical factor in projecting national-level savings behavior.

Keywords: savings resources, retail savings, investment process, savings behavior, financial technologies, digitalization

Citation: Elkin V. M., Kalacheva I. V. Retail Savings Market During Digitalization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2026, 11(1): 141–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2026-11-1-141-154>

Received 3 Apr 2025. Accepted after review 9 Jun 2025. Accepted for publication 20 Oct 2025.

Введение

В развитых странах сбережения домашних хозяйств рассматриваются в качестве источника экономического роста государства [1], а также являются важнейшей составляющей национального богатства. Проблемы стимулирования, формирования и трансформации сбережений домашних хозяйств в инвестиции актуальны и для РФ [2]. В связи с этим сбережения населения до сих пор остаются важным направлением исследований как для отечественных, так и зарубежных специалистов [3; 4]. Так, представители отечественной экономической науки (например, Н. А. Амерханова, П. Е. Анимица, Т. В. Бахтуразова, Н. Г. Багаутдинова, И. Г. Давыденко, А. И. Зотова, Р. И. Капелюшников, В. В. Литвинова, М. Ю. Малкина, Е. В. Ягудина и др.) всесторонне изучали общие закономерности и особенности сберегательного поведения российских домохозяйств. Непосредственно вопросами сбережений и их ролью в развитии рыночной экономики и финансовых отношениях занимались такие зарубежные экономисты, как Дж. М. Кейнс, И. Фишер, М. Фридмен, Ф. А. фон Хайек, Й. А. Шумпетер и др.

На сегодняшний день наибольшее влияние на рынке розничных сбережений начинают приобретать цифровые технологии [5]. Внедрение различных технических средств в процесс трансформации сбережений населения способно оказать определенное влияние на развитие данного рынка, однако эта область по-прежнему мало исследована.

С теоретической точки зрения раздел экономики, посвященный сбережениям населения, является в достаточной степени изученным [6]: ученые рассматривали сбережения с позиции разных научных школ [7], изучали их функции [8] и виды, которые по сути остаются неизменными на протяжении нескольких десятилетий. С практической же точки зрения один из ключевых вопросов, которому посвящены экономические исследования последних лет, – это процесс трансформации сбережений в инвестиции [9], что позволяет рассматривать сбережения в совокупности с множеством других факторов. Например, на процесс трансформации сбережений влияет психологический настрой общества [10; 11],

уровень развития технологий [12], геополитическая обстановка [13]. Следовательно, взгляд на данный процесс также не может быть статичным.

Ключевое влияние на сберегательное поведение домохозяйств оказывают макроэкономические факторы [14], что подтверждается и его развитием в условиях растущей неопределенности внешней среды в последние годы [15]. Однако для комплексного изучения данной темы важно рассмотреть и другие современные тенденции, в частности цифровизацию экономики. На сегодняшний день процесс цифровизации стал важным фактором развития рынка сбережений населения, т. к. в условиях быстрого развития цифровых технологий сберегательное поведение домашних хозяйств стало подвержено значительным изменениям [16–18]. В связи с этим необходимо расширить набор факторов, которые учитываются исследователями для эконометрических моделей.

Цель – выявить степень влияния цифровизации на поведение розничных сберегателей посредством экономико-математического моделирования. Новизна данного подхода заключается в том, что на данный момент в эконометрических моделях используют традиционно макроэкономические критерии влияния на рынке сбережений и присутствует потребность в определении дополнительного набора факторов со стороны цифровизации. При этом подбор факторов будет проводиться не для рынка сбережений в широком смысле, а для его структурной части, где учитываются именно сбережения домохозяйств, определяемые как розничные. Гипотеза исследования заключается в предположении о наличии зависимости между цифровой трансформацией экономики и сберегательным поведением населения.

Методологическую основу статьи составляют общие принципы системного анализа, сравнения статистических показателей, анализ динамических рядов, экономико-математические методы. Традиционным эконометрическим методом выявления взаимосвязи между показателями является метод корреляционно-регрессионного анализа, который

предполагает изучение взаимосвязи между изучаемыми факторами, построение функциональной зависимости, а также проверку адекватности полученной зависимости. Адекватность модели подтверждается с помощью тестов проверки ее качества, что гарантирует высокий прогностический потенциал. При выборе модели учитывается наличие у полученных параметров значимого экономического содержания. При проведении корреляционно-регрессионного анализа использовался статистический пакет Gretl.

Результаты

Экономическое благосостояние государства во многом зависит от финансового благополучия его домохозяйств как минимальной общественной ячейки [19]. Устойчивость финансовой системы к шокам, ее бесперебойное эффективное функционирование достигается в результате сбалансированности совокупного спроса и совокупного предложения, и ключевым элементом спроса выступают именно домохозяйства. В развитых странах потребление домашних хозяйств играет ключевую роль в экономике, представляя основным компонентом валового внутреннего продукта (ВВП) и двигателем экономического роста. РФ не является исключением: за последние 25 лет (с 1999 по 2024 гг.) доля потребления хозяйств в российском ВВП составляла не менее 46 %, а в среднем достигала 50 %. Это подчеркивает существенное влияние потребительского спроса на динамику экономики страны. Иными словами, расходы населения являются значимым фактором, определяющим объемы производства и экономический рост [20].

Отметим, что одной из ключевых функций сбережений является отложенное потребление, сущность которого выражается в сохранении домохозяйством нормы потребления на протяжении всей жизни. То есть сбережения выступают инструментом хеджирования от финансовой нестабильности, например задержки зарплаты, увольнения членов домохозяйств и иных рисков. Следовательно, для сохранения финансового благополучия домохозяйств в частности, а также для поддержания высокого уровня экономического роста экономики государства в целом важно отслеживать состояние рынка розничных сбережений, его количественные и качественные показатели [21].

Одним из основных источников информации о сберегательном поведении населения выступает

баланс денежных доходов населения. Это комплексный показатель, который отражает совокупность денежных поступлений, израсходованных средств и накоплений населения за определенный период (обычно год). Он показывает, как денежные потоки распределяются между потреблением, сбережениями и инвестициями. Данные для расчета баланса собираются федеральным органом статистики. На основе этих данных можно оценить по годам объемы сберегаемых средств, которые не были затрачены на потребление.

Стоит отметить, что выделить некую общую тенденцию для 2021–2023 гг. проблематично. Так, в 2020 г. произошел всплеск доли сбережений с 7,1 % до 12,6 % ввиду сокращения потребительских расходов в рамках масштабной программы борьбы с коронавирусной инфекцией (введение ограничений на передвижение), что существенно снизило возможности расходов домохозяйств [22]. Располагаемые доходы хоть и показали значительный рост в абсолютных показателях, но темп прироста был ниже, чем в предыдущем году (2 % в 2020 г. против 6 % в 2019 г.). В 2021 г. происходит значительный рост расходов на 16,5 % при росте доходов в 9,0 %, что ожидаемо привело к сокращению доли сбережений в балансе. Наибольшая норма сбережений достигается в 2022 г. за счет роста доходов на 20,0 %, в то время как расходы выросли лишь на 10,0 %. Несмотря на высокое санкционное давление на экономику России, вследствие которого в 2023 г. произошел рост расходов на 16,0 %, наблюдается также и рост доходов на 12,5 %, что в совокупности привело к небольшой просадке уровня сбережений¹.

Таким образом, баланс денежных доходов населения дает представление о финансовом состоянии и поведении населения, что критически важно для понимания макроэкономических процессов. При этом однозначно определить, наблюдается ли в 2021–2023 гг. чрезмерная или же невысокая склонность к сбережениям у населения РФ затруднительно. В целом, диапазон от 7 % до 13 % можно охарактеризовать как приемлемый для экономики развивающегося типа, близкого к развитой. Однако не существует единого нормативного значения для доли сбережений в доходах. Их оптимальный уровень зависит от множества факторов, специфичных для каждой страны и периода времени. Тем не менее показатель нормы сбережений не является достаточным для оценки состояния рынка розничных сбережений. Он лишь дает понимание, что наиболее

¹ Доходы, расходы и сбережения населения. *Росстат*. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/13397#> (дата обращения: 01.03.2025).

значимым фактором в оценке сберегательного поведения является совокупный доход.

В связи с этим следует обратить внимание на общие тенденции использования финансовых активов сектором домашних хозяйств, т.е. на то, каким образом сбережения распределяются по различным финансовым инструментам (табл. 1²). Финансовые активы – это ключевая макроэкономическая информация в исследовании розничных сбережений. В таблице 1 представлены финансовые активы с наибольшим удельным весом, находящиеся в распоряжении населения.

Так, за 2023 и 2024 гг. общий объем активов вырос на 26 %, при этом в основном рост пришелся на 2023 г. (22 %). Наибольшая доля в составе активов приходится на депозиты, второе место занимают ценные бумаги в форме акций. В 2022 г. акции начали опережать депозиты, но экономическая конъюнктура вновь сместила предпочтения в пользу вкладов. На третьем месте в общем объеме традиционно остаются сбережения в наличной форме, доля которых с развитием платежных систем в России ежегодно сокращается. Доли остальных форм сбережений на данный момент не превышают 5 %, но можно выделить наиболее перспективные из них, такие как долговые ценные бумаги (в основном облигации), а также страховые и пенсионные накопления.

Облигации представляют интерес в силу того, что выступают для компаний альтернативой банковскому финансированию. Указанное дает возможность инвесторам выступить поставщиками капитала для реального сектора экономики, что

является стратегической задачей развития экономики государства. Страховые и пенсионные накопления – это составляющая финансовых активов домохозяйств, играющая ключевую роль в обеспечении финансовой стабильности и безопасности для домохозяйств в будущем. К ним относятся денежные средства, которые домохозяйства накапливают через различные виды страхования, а также деньги, которые откладывают на пенсию через различные пенсионные системы (как государственные, так и частные). Страховые и пенсионные накопления обладают такими общими характеристиками, как долгосрочность; инвестиционный характер, т.е. цель – увеличение капитала; защита от рисков, например от финансовых последствий неблагоприятных событий и потери дохода [23].

Страховые и пенсионные активы можно отнести к элементам развитой экономики, т.к. осуществление пенсионных накоплений в негосударственных организациях требует высоко развитой финансовой системы и высокого доверия граждан финансовым институтам. В нашей стране финансовая инфраструктура достигла достаточно высокого уровня, в том числе благодаря масштабной цифровизации, но доверие граждан остается невысоким [24].

Российские негосударственные пенсионные фонды (НПФ) в целом стабильно показывают доходность ниже инфляции. По итогам первого полугодия 2024 г. средневзвешенная доходность по пенсионным накоплениям, сконцентрированным в НПФ (без учета инфляции), составила 3,2 % (или 6,5 % годовых)³. За вычетом роста цен

Табл. 1. Основные финансовые активы домашних хозяйств
Tab. 1. Key financial assets in Russian households

Показатели	по состоянию на 01.01.2022, млрд руб.		по состоянию на 01.01.2023, млрд руб.		по состоянию на 01.01.2024, млрд руб.	
		Уд. вес, %		Уд. вес, %		Уд. вес, %
Финансовые активы	120057,7	100	124329,4	100	152603,3	100
Наличная валюта	19112,7	16	21576,3	17	24931,6	16
Депозиты	38271,5	32	42721,6	34	54223,2	36
Долговые ценные бумаги	3835,2	3	3419,0	3	4441,1	3
Акции	44918,5	37	41495,8	33	51375,3	34
Страховые и пенсионные накопления	6517,7	5	6664,0	5	7086,4	4

² Сост. по: Финансовые активы и обязательства сектора «Домашние хозяйства». Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/households/ (дата обращения: 01.03.2025).

³ Доходность НПФ за первое полугодие 2024 года. Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/RSCI/activity_npf/dokhodnost-npf-2-24/ (дата обращения: 01.03.2025).

по средневзвешенному показателю негосударственные пенсионные фонды показали убыток в 0,7 %. Стоит отметить, что и в прошлых годах ситуация была не намного лучше. Это связано с тем, что по закону пенсионные фонды должны инвестировать средства граждан на принципах обеспечения сохранности средств, а также доходности, диверсификации и ликвидности инвестиционных портфелей⁴. По действующим правилам НПФ не могут вкладывать более 10 % средств клиентов в высокорискованные инструменты (до 1 января 2025 г. – 7 %). Тем не менее международный опыт показывает, что НПФ являются передовым механизмом самообеспечения населения [25]. Среди финансовых институтов им нет равных по надежности, при этом они способны приносить неплохие доходы. Средний портфель инвестиций крупнейших НПФ в мире складывается наполовину из акций, а наполовину – из облигаций, денежных инструментов и недвижимости. В России НПФ пока сильно ограничены в выборе инвестиционных инструментов, в основном вкладывая средства в государственные ценные бумаги и депозиты.

При сопоставлении структуры распределения финансовых активов домашних хозяйств в разрезе экономик разных государств отчетливо наблюдается незначительность такой формы сбережений в экономике РФ, как страховые и пенсионные резервы, относительно развитых экономик стран G7 и даже развивающейся экономики Бразилии (табл. 2⁵).

Каждая экономическая школа сходится в одном: сбережения – это потенциал, который может быть использован в качестве инвестиционного ресурса.

Если накопленные средства домохозяйств можно представить как ресурс, то вокруг этого ресурса должна сложиться рыночная структура, что дает возможность расширить понятие *сбережений населения* до *рынка розничных сбережений*.

В подавляющей части исследований, посвященных сбережениям населения, можно встретить термины *рынок сбережений*, *рынок банковских вкладов*, *рынок розничных депозитов*, однако их определение обычно опускается. На наш взгляд, это во многом может быть связано с высокой степенью изученности темы. При упоминании рынка сбережений ученые обычно либо делают отсылку к понятию *национальной сберегательной системы*, говоря о сбережениях в общем смысле, либо выбирают такую формулировку, которая подчеркивает особенности определенной составляющей сберегательного процесса (например, когда ученые ссылаются на частный сберегательный инструмент вроде банковского вклада или трансформацию в инвестиции). При этом стоит отметить, что большинство исследователей в области сбережений работает именно с рынком сбережений в целом, редко сосредотачиваясь на его определенной составной части – суверенных, корпоративных и розничных сбережениях.

Рассмотрим несколько определений *рынка сбережений*:

1. Совокупность институтов, ответственных за аккумуляцию и распределение сбережений в экономике [26]. В данном определении дана краткая и общая формулировка явления.
2. Система экономических отношений, связанных с обращением сбережений населения и создающих

Табл. 2. Распределение финансовых активов домашних хозяйств в разрезе экономик разных стран, 01.01.2024, %
Tab. 2. Retail financial assets in different countries, January 1, 2024, %

Показатель	Россия	Бразилия	Великобритания	США	Франция	Германия
Наличная валюта и депозиты	51,6	17,4	30,9	12,0	30,5	41,4
Долговые ценные бумаги	2,9	16,9	0,3	4,8	0,7	2,9
Акции и прочие формы участия в капитале	34,0	44,4	15,9	52,7	30,5	25,8
Страховые и пенсионные резервы	4,6	20,5	50,4	29,2	30,3	29,5
Прочие активы	6,9	0,8	2,5	1,4	8,0	0,3

⁴ Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации. ФЗ № 111-ФЗ от 24.07.2002. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Сост. по: Статистический бюллетень Банка России. *Банк России*. URL: <https://cbr.ru/statistics/bbs/> (дата обращения: 01.03.2025).

условия субъектам рынка для функционирования капитала как источника инвестиций [27]. Главный недостаток данного определения – отсутствие признаков рыночного характера отношений. Во многом оно дублирует понятие *национальной сберегательной системы*, хотя, несомненно, выступает более проработанным по сравнению с представленным выше.

3. Форма организации взаимодействия субъектов по поводу обмена сберегательными ресурсами на основе свободного колебания спроса и предложения, конкурентной борьбы на принципах максимизации выгод и минимизации потерь [28].

Важно уточнить, что авторами не было найдено определения понятия *розничных сбережений* в научной литературе. Обычно они представляют собой совокупность финансовых институтов и продуктов, ориентированных на индивидуальных клиентов, таких как банковские счета, вклады, сберегательные программы, страхование жизни и т. д. В данной статье под *рынком розничных сбережений* авторы будут понимать сегмент финансового рынка, который обеспечивает взаимоотношения между частными лицами и организациями – поставщиками финансовых услуг – на основе применения совокупности финансовых продуктов и услуг, предназначенных для сохранения и приумножения сбережений. Авторское определение позволяет ограничить предмет наблюдения, переместив фокус внимания со всего финансового рынка до его конкретного сегмента, и, как следствие, рассматривать конкретные результаты деятельности ограниченного числа участников этого сегмента, точечные показатели по конкретным финансовым инструментам.

Далее рассмотрим инструменты, за счет которых возможно формирование розничных сбережений. Во многом эти инструменты дублируют указанные ранее формы сбережений (табл. 2). Исключая наличную валюту, для которой нет инструмента, первое, что необходимо обозначить, – это банковский вклад. Он, наряду с наличной валютой, выступает как «традиционная» форма сбережений, доступ к которой был у населения еще с момента появления банковской системы. Банковский вклад является одним из самых популярных инструментов рынка розничных сбережений. Второй по значимости инструмент – финансовый счет для доступа к фондовому рынку. Это может быть брокерский счет или индивидуальный инвестиционный счет, которые могут открывать профильные организации – участники рынка ценных бумаг.

Этот инструмент характеризуется относительной сложностью и требует определенной финансовой грамотности, и при его использовании отсутствуют ограничения по доходности как на банковском вкладе. Страховые и пенсионные инструменты представлены в форме договора с профильной организацией, занимающейся размещением розничных сбережений в данных инструментах. Эти инструменты так же, как и брокерские счета, относятся к сложному типу финансовых инструментов.

Позитивное влияние цифровизации можно проследить на примере каждого финансового инструмента. Так, в современных условиях повсеместной организации у каждого человека есть возможность дистанционного открытия банковского вклада. Из любой точки страны граждане России могут самостоятельно ознакомиться с несколькими предложениями банка по открытию вклада. В мобильном приложении указываются все подробности проведения сделки, в том числе приводится электронный формат договора с указанием всех условий: ставки, сроков, наличия или отсутствия капитализации, способа выплаты процентов и т. д. Кроме того, есть возможность сравнить предложенные вклады между собой.

Большинство финансовых организаций имеет собственное мобильное приложение, а при его отсутствии использует универсальный веб-сайт, где можно дистанционно ознакомиться с ее деятельностью. В последние годы стали особенно популярны мобильные приложения участников рынка ценных бумаг. Брокеры представляют огромный функционал, благодаря которому каждый может быстро и дистанционно зарегистрироваться, провести перевод денежных средств с банковского счета на брокерский (или индивидуальный инвестиционный) и начать торговлю ценными бумагами.

Один из возможных способов оценки влияния внедрения цифровых технологий на рынке розничных сбережений на финансовую доступность – это рассмотрение той части финансового рынка, основная деятельность которого напрямую связана с взаимодействием с цифровыми устройствами, т. е. рассмотрение рынка ценных бумаг.

На рисунке⁶ представлен график изменения общего числа частных инвесторов, которые открыли брокерские счета на Московской Бирже (МосБиржа). Эффект низкой базы числа частных инвесторов на фондовом рынке сыграл ключевую роль в их увеличении: начиная с 2019 г. и заканчивая 2022 г.

⁶ Сост. по: Московская биржа. URL: <https://www.moex.com/> (дата обращения: 01.03.2025).

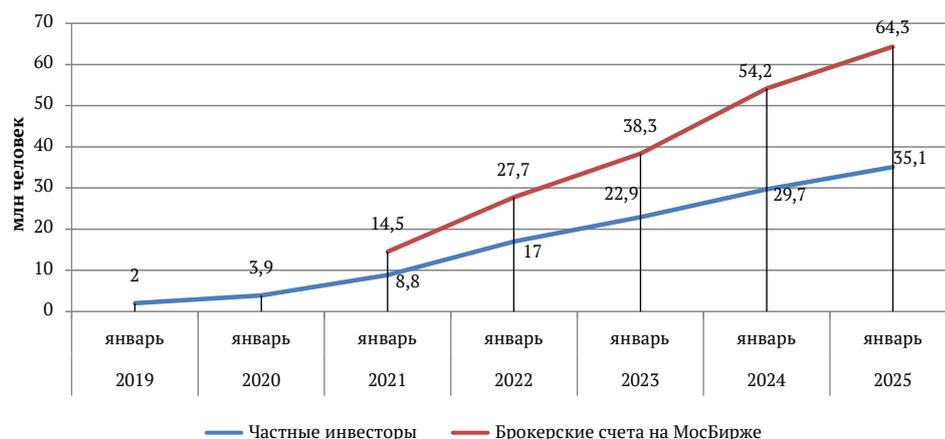

Рис. Число частных инвесторов на МосБирже
Fig. Private investors on the Moscow Exchange (MosBirzha)

число частных инвесторов удваивалось практически ежегодно. Помимо этого, большое значение имели и масштабные рекламные компании от организаций, предоставляющих брокерские услуги. После 2022 г. темпы прироста сохранились, хоть и замедлились. Так, за 2019–2025 гг. число частных инвесторов на фондовом рынке увеличилось в 17 раз – с 2,0 до 35,1 млн человек.

Увеличение интереса российских частных инвесторов к инвестиционным услугам обусловлено различными факторами, такими как, например, налоговые льготы, развитие цифровых технологий и сервисов удаленной идентификации, которые внедрены на российском финансовом рынке [28]. Реализованная МосБиржей технология онлайн-регистрации для клиентов рынка дает возможность начать операции с ценными бумагами всего через несколько минут после открытия счета на сайте, в мобильном приложении брокера, банка или при личном визите в офис. Но ключевым преимуществом является именно возможность дистанционного проведения финансовых операций через Интернет.

Важной частью нашего исследования является рассмотрение модели регрессии сберегательного поведения в зависимости от различных факторов, а именно с учетом факторов цифровой среды, что позволит подтвердить или опровергнуть зависимость между цифровой трансформацией экономики и сберегательным поведением населения. Чаще всего в академической литературе зависимость сберегательной активности рассматривается относительно макроэкономических критериев. В теории сбережений подчеркивается, что во многом сберегательная активность населения определяется уровнем дохода, процентных ставок в экономике, безработицы / образования, а также общей экономической конъюнктурой. Получаемые на основе этих данных модели имеют высокий уровень надежности

и хорошо описывают сберегательное поведение. Однако они не учитывают весь спектр факторов, формирующих сберегательную активность, и для того, чтобы сравнить степень влияния цифровых технологий, было решено включить в модель дополнительные неэкономические факторы.

С учетом небольшого числа наблюдений – 12 лет (с 2012 по 2023 гг.) и в соответствии с практикой эконометрического анализа были взяты 7 независимых переменных – 3 со стороны экономического влияния, 4 – со стороны влияния цифровизации. Среди факторов, формирующих сберегательную активность, выделены располагаемые доходы, ключевая ставка, среднегодовой индекс потребительской уверенности, доступ к Интернету, цифровые устройства, дистанционное банковское обслуживание, финансовая активность населения. Построение модели, отражающей влияние цифровизации, и оценка степени тесноты позволит уточнить прогнозы социально-экономического развития.

Показатели, методика их измерения, единицы измерения и информационная база, используемые в процессе моделирования влияния факторов сбережений домохозяйств на их динамику, представлены в таблице 3.

Таким образом, в качестве независимых переменных модели выступают:

а) экономические факторы:

- располагаемые доходы (X1);
- ключевая ставка (X2);
- среднегодовой индекс потребительской уверенности (X3);

б) неэкономические факторы со стороны цифровизации:

- доступ к Интернету (X4);
- цифровые устройства (X5);
- дистанционное банковское обслуживание (X6);
- финансовая активность населения (X7).

Табл. 3. Моделирование влияния факторов сбережений домохозяйств на их динамику: показатели и методика измерения
Tab. 3. Modelling the effect of various factors on retail savings and their development: indicators and measurement

Показатель	Методика
Вложения в сберегательные активы, млн руб.	Годовой объем финансовых операций домохозяйств в сберегательных инструментах
Располагаемые доходы, руб.	Располагаемые ресурсы в среднем на одного члена домохозяйства ⁷
Ключевая ставка, %	Среднегодовая ключевая ставка Центрального Банка РФ (ЦБ РФ) ⁸
Среднегодовой индекс потребительской уверенности, %	Степень оптимизма относительно состояния экономики, выражаемая через потребительские расходы и сбережение ⁹
Доступ к Интернету, %	Доля домашних хозяйств на территории РФ, имеющих доступ к сети Интернет ¹⁰
Цифровые устройства, единицы	Количество электронных устройств с возможностью удаленного доступа к финансовым услугам в среднем на 100 домохозяйств ¹¹
Дистанционное банковское обслуживание, %	Доля взрослого населения, использующего дистанционный доступ к банковским счетам для осуществления перевода денежных средств в отчетном периоде ¹²
Финансовая активность населения, %	Доля взрослого населения, интенсивно использующего счета физических лиц в кредитных организациях ¹³

В качестве результирующей переменной выступают вложения в сберегательные активы (Y), т.е. объем финансовых операций домохозяйств. Данная зависимая переменная представляет собой денежные средства, которые домохозяйства в течение отчетного года вложили в сберегательные активы, рассмотренные ранее. При проведении расчетов авторами учитывались финансовые операции в такие инструменты, как акции, страховые и пенсионные резервы, долговые ценные бумаги. Вклады и наличная валюта не принимались во внимание, т.к. эти инструменты в статистике представлены агрегированно, одной строкой, искажая данные.

Необходимо отметить, что сформированные сведения имеют ряд ограничений:

1. Количество наблюдений. По правилам эконометрики, на один фактор должно приходиться 4–5 наблюдений, на два – 8–10 соответственно и т.д. Однако статистика Центробанка, выступающая во многом единственным источником информации по финансовой доступности, формируется

относительно недавно. В соответствии с этим в рассматриваемой модели может быть не более 3 факторов, но в рамках статьи авторы идут на небольшие уступки, рассматривая большее их число.

2. Погрешности в качестве статистики Банка России. Например, несмотря на то что данные публикуются ежегодно, наблюдается отсутствие некоторых показателей за 2021 г., в результате чего Центробанк экстраполирует результаты расчетов с 2020 г., и это сказывается на качестве построенной модели. Тем не менее авторы смогли получить общее представление о влиянии факторов цифровизации и сделать соответствующие выводы.

На первом этапе исследования была рассмотрена линейная множественная регрессия и получена корреляционная матрица, представленная в таблице 4.

Так, факторы X_1 , X_4 , X_5 , X_6 , X_7 имеют сильную линейную связь между собой, т.е. мультиколлинеарны. Для подтверждения этого предположения найдем определитель матрицы регрессоров – он равен 0,0000256, что близко к нулю, а значит наше

⁷ Доходы, расходы и условия проживания домашних хозяйств. *Росстат*. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 01.03.2025).

⁸ Ключевая ставка Банка России. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 01.03.2025).

⁹ Потребительские ожидания в России в I квартале 2024 года. *Росстат*. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/40_20-03-2024.html (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁰ Цифровая экономика: краткий статистический сборник. *НИУ ВШЭ*. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/icekr> (дата обращения: 01.03.2025).

¹¹ Финансовая доступность. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/analytics/develop/fin_avail/ (дата обращения: 01.03.2025).

¹² Там же.

¹³ Там же.

Табл. 4. Объем финансовых операций домохозяйств в сберегательных инструментах: корреляционная матрица
Tab. 4. Share of retail financial transactions in savings tools: correlation matrix

Фактор	Y	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7
Y	–	0,8	–0,4	–0,2	0,8	0,5	0,8	0,8
X1	0,8	–	–	–0,4	1,0	0,9	0,9	0,9
X2	–0,4	–	–	–0,4	0,1	0,4	–0,2	–0,1
X3	–0,2	–0,4	–0,4	–	–0,6	–0,4	–0,5	–0,5
X4	0,8	1,0	0,1	–0,6	–	0,8	0,9	0,9
X5	0,5	0,9	0,4	–0,4	0,8	–	0,6	0,6
X6	0,8	0,9	–0,2	–0,5	0,9	0,6	–	1,0
X7	0,8	0,9	–0,1	–0,5	0,9	0,6	1,0	–

предположение верно. Также фактор X3 имеет коэффициент корреляции, близкий к нулю, что говорит о низкой взаимосвязи с зависимой переменной.

На втором этапе модель корректировалась путем удаления незначимых переменных. Авторы, руководствуясь критериями Шварца, Акаике, Стьюдента и Фишера и стандартной ошибкой модели, выбрали наилучшую регрессионную модель оценки вложений в сберегательные активы (табл. 5).

Использование коэффициентов, представленных в таблице 5, позволяет представить уравнение линейной множественной регрессии в следующем виде, согласно формуле:

$$Y = 336967,00 - 180309,00 \times X2 + 5435,79 \times X5 + 14059,20 \times X7.$$

Коэффициент детерминации (R2) равен 0,8105, или 81,05 % вариации результирующего показателя. Тем самым динамика сбережений домохозяйств хорошо объясняется влиянием независимых факторов, включенных в состав модели.

Проверим правильность спецификации уравнения по тесту Рамсея. Нулевая гипотеза (H0) теста заключается в правильности спецификации. Робастный тест (RESET-тест; вариант «квадраты и кубы»):

H0: спецификация адекватна. Тестовая статистика: $F = 0,790008$, р-значение = $P(F(2,6) > 0,790008) = 0,496$. Робастный тест (RESET-тест; вариант «кубы»): H0: спецификация адекватна. Тестовая статистика: $F = 0,417403$, р-значение = $P(F(1,7) > 0,417403) = 0,539$. Р-значение в тесте больше любого допустимого уровня значимости, таким образом мы принимаем H0 и подтверждаем, что уравнение корректно специфицировано.

Также дополним анализ тестом Бройша-Пагана на гетероскедастичность. Тест Бройша-Пагана: H0: гетероскедастичность отсутствует. Тестовая статистика: $LM = 4,804286$, р-значение = $P(\text{Chi-квдрат}(3) > 4,804286) = 0,186702$. Так как р-значение больше любого допустимого уровня значимости, то мы принимаем H0. Это указывает на то, что модель четко определена, наблюдения однородны, а это еще раз подтверждает, что зависимая переменная адекватно определяется выбранными переменными.

Последний этап проверки модели включает оценку распределения остатков, которая позволяет понять характер смещения: распределено ли оно равномерно или имеет значимую неравномерность. Таким образом, нормальное распределение

Табл. 5. Результаты регрессионного анализа вложений в сберегательные активы
Tab. 5. Regression analysis of investments in saving assets

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	р-значение
const	336967,00	662124,00	0,5089	0,6245
X2	–180309,00	69490,20	–2,595	0,0319**
X5	5435,79	2315,32	2,348	0,0468**
X7	14059,20	6675,38	2,106	0,0683*

Прим.: * – $p < 0,05$: результат значим на 5 %-ном уровне (уверенность – 95 %); ** – $p < 0,01$: результат значим на 1 %-ном уровне (уверенность – 99 %).

остатков помогает убедиться в надежности используемых предположений и сделать корректные выводы на основе полученных данных. Так, остатки модели подчинены нормальному закону распределения. H_0 – нормальное распределение: Хи-квадрат(2) = 1,494, р-значение = 0,47376. Поскольку р-значение > 0,1, то принимаем H_0 .

На этапе анализа модели также проведен тест на мультиколлинеарность для факторов, используемых в уравнении, что показало отсутствие связи между ними (минимальное возможное значение = 1,0; значения > 10,0 могут указывать на наличие мультиколлинеарности): $X_2 = 1,740$, $X_5 = 2,875$, $X_7 = 2,379$.

С учетом полученных коэффициентов в уравнении регрессии были рассчитаны коэффициенты эластичности и сделаны следующие выводы:

1) если ставка процентов ЦБ РФ (X_2) увеличится на 1,00 %, то объем финансовых операций домохозяйств в сберегательные инструменты сократится на 0,94 %;

2) если количество электронных устройств на 100 домохозяйств (X_5) увеличится на 1,0 %, то объем финансовых операций домохозяйств в сберегательные инструменты увеличится на 1,3 %;

3) если доля взрослого населения, интенсивно использующего счета физических лиц в кредитных организациях (X_7), увеличится на 1,00 %, то объем финансовых операций домохозяйств в сберегательные инструменты увеличится на 0,43 %.

Рассмотрим, как данные аппроксимируются. Для этого необходимо найти среднюю ошибку аппроксимации. В нашем случае средняя ошибка аппроксимации равна 8,52 %, что немного превышает общепринятое значение (8,00 %), данные приемлемо аппроксимированы, уравнение надежно, в целом его можно использовать для прогноза.

Далее попробуем применить полученное уравнение для прогноза показателей на три года вперед (2025–2027 гг.). В эконометрической практике принято учитывать два момента при расчете прогнозных значений. Во-первых, расчет точечного и интервального прогнозов. В связи с тем, что модель из-за недостаточности наблюдаемых периодов демонстрирует весьма широкий диапазон доверительного интервала для каждого фактора, то было принято решение остановиться только на точечном анализе. Во-вторых, обычно приводится три вида прогнозов: пессимистический, нейтральный и оптимистический. Однако в рамках статьи нет возможности

оценить факторы финансовой доступности с позиции трех сценариев. Таким образом, авторы остановились на точечном нейтральном прогнозе.

Для этого сначала необходимо найти прогнозные значения независимых факторов модели X_2 , X_5 , X_7 . Ставку рефинансирования ЦБ РФ определим в соответствии со среднесрочным прогнозом Центробанка. Так, в 2025 г. Банк России ожидает удержание ставки на уровне в среднем 20,5 %, в 2026 г. – на уровне 13,5 %, в 2027 г. – на уровне 8,0 %¹⁴. Факторы со стороны цифровизации рассчитываются на основе уравнения линии тренда.

Подставив данные расчетные значения в уравнение множественной регрессии, можно сделать прогноз объема финансовых операций домохозяйств в сберегательных инструментах (табл. 6). С учетом высокой ключевой ставки ожидаемые операции по сберегательным инструментам в 2025 г. составят 913774 млн руб. В 2026 и 2027 г. наблюдается снижение ключевой ставки и параллельно с этим продолжается повышение факторов цифровизации. Это, в свою очередь, приводит к росту ожидаемых объемов финансовых операций до 2437747 и 3699409 млн руб. соответственно. Таким образом, данный прогноз можно оценить для развития рынка розничных сбережений как положительный.

Табл. 6. Прогнозируемый годовой объем финансовых операций домохозяйств в сберегательных инструментах
Tab. 6. Projected annual volume of retail financial transactions in savings tools

Год	Y, млн руб.	X2, %	X5, единиц	X7, %
2025	913774	20,5	568	84,33
2026	2437747	13,5	612	85,94
2027	3699409	8,0	659	86,97

Обсуждение

Э. Р. Валиуллиной в работе [14] подчеркивается зависимость уровня сбережений населения от таких показателей, как уровень безработицы, инфляция, ключевая ставка Банка России или уровень среднедушевого дохода. Разработанная исследователем модель отражает зависимость среднегодового объема сбережений российских домохозяйств от среднегодового дохода домохозяйств, ключевой ставки, уровня безработицы, индекса потребительской

¹⁴ Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 13 февраля 2026 года. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/166586/forecast_241025.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

уверенности, уровня образования. Э. Р. Валиуллина доказала, что объем сбережений населения в РФ зависит от поведения макроэкономических показателей [Там же]. Однако, на наш взгляд, такой подход недостаточно точно оценивает предпосылки сберегательного поведения. По мнению авторов, существенное влияние также могут оказать и финансовые технологии, которые получили в последние годы новый виток развития.

Согласно полученным в статье результатам, ключевая ставка оказывает отрицательный эффект на результирующий показатель финансовых вложений в альтернативные инструменты. С одной стороны, с повышением ключевой ставки возрастает интерес к традиционным формам сбережений, т. е. вкладам, которые в рамках модели не рассматривались. С другой – повышение количества цифровых устройств в каждом домохозяйстве приводит к повышению объема сбережений, и можно предположить, что увеличение цифровых устройств дает возможность чаще и без ограничений проводить финансовые операции, например, если есть стационарный компьютер и рабочий ноутбук / смартфон. Рост доли активных клиентов банков также оказывает положительный эффект, т. к. банки постоянно обновляют линейки и условия своих продуктов, а более активные клиенты чаще могут найти подходящий сберегательный продукт для себя.

Отдельно стоит отметить и недостатки модели линейной множественной регрессии. Для этого рассмотрим 95 %-ные доверительные интервалы для ее параметров, которые отражены в таблице 7. Они показывают границы, в которых с вероятностью 0,95 находятся значения истинных параметров уравнения. Если в границы доверительного интервала попадает ноль, т. е. нижняя граница отрицательна, а верхняя положительна, то оцениваемый параметр желательно принимать нулевым, т. к. он не может одновременно принимать положительное и отрицательное значения.

Табл. 7. Доверительные интервалы для параметров модели линейной множественной регрессии
Tab. 7. Confidence intervals for linear multiple regression model

Переменная	Коэффициент	Интервал
const	336967,00	(-1182030,00; 1182030,00)
X2	-180309,00	(-340554,00; -20064,50)
X5	5435,79	(96,6463,00; 10774,90)
X7	14059,20	(-1334,26; 29452,60)

Доверительные интервалы, представленные в таблице 7, имеют крайне серьезные отклонения. Именно поэтому средняя ошибка аппроксимации оказалась несколько выше предельного значения.

Для дальнейших исследований влияния финансовых технологий на сберегательное поведение важным условием будет выступать статистическая информация. На данный момент нет универсального сборника данных, в котором были бы представлены ежегодные показатели развития цифровой экономики и финансовой доступности финансовых услуг на рынке розничных сбережений.

Заключение

На сегодняшний день сбережения населения следует рассматривать как элемент, формирующий вокруг себя рыночную структуру, что дает основу для четкого определения интересов участников экономических отношений и позволяет отследить вектор развития этой структуры. Сейчас он направлен в сторону повышения заинтересованности населения в сложных финансовых инструментах. И если интерес домохозяйств ориентирован на увеличение активности на рынке розничных сбережений, то интерес профильных организаций, предоставляющих сберегательные услуги, – на увеличение возможностей доступа и повышения эффективности пользования этими услугами. При этом особое внимание в большинстве экономических исследований уделяется вопросу влияния преимущественно макроэкономических показателей на поведение домохозяйств. Однако все более отчетливо прослеживается эффект от повсеместного внедрения цифровых технологий, благодаря которым произошли значительные изменения в финансовой культуре общества в целом и в сберегательном поведении в частности.

Рынок розничных сбережений является самым динамичным сегментом финансовой системы. Его развитие происходит в соответствии с мировыми трендами на цифровизацию, следствием которой является появление новых цифровых финансовых платформ, а активность населения в использовании сберегательных продуктов повышается.

Проведен анализ зависимости объема финансовых операций домохозяйств в сберегательных инструментах от определяющих их факторов с использованием инструментария экономико-математического моделирования. Австорская модель отражает зависимость вложений в акции, долговые ценные бумаги, страховые и пенсионные резервы от среднегодовой ключевой ставки ЦБ РФ, количества цифровых устройств в домохозяйствах, индекса финансовой

активности клиентов кредитных организаций. С помощью тестов проведена верификация полученной модели, вычислены обобщенные коэффициенты эластичности и дана экономическая интерпретация полученных результатов.

Полученные авторами результаты указывают на необходимость расширения комплекса исследуемых факторов для математических моделей через добавление показателей финансовой доступности. В дальнейшем для комплексного анализа влияния цифровизации на сберегательную активность населения необходимо расширить состав факторов (как экономических, так и неэкономических) с учетом более длительного периода наблюдений.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: В. М. Елькин – подбор статистических данных, обработка и анализ данных, построение эконометрической модели, формулирование результатов, выводов, графическое отражение полученных результатов, подготовка рукописи. И. В. Калачева – формирование информационной базы исследования, подбор статистических данных, обработка и анализ данных, выявление закономерностей, формулирование результатов.

Contribution: V. M. Elkin selected and processed the statistical data, constructed the econometric model, formulated the results, provided the graphical material, and wrote the manuscript. I. V. Kalacheva developed the database, selected and analyzed the statistical data, identified the patterns, and formulated the results.

Литература / References

1. Маратканова И. В. Оценка сберегательного потенциала домашних хозяйств Сибирского Федерального Округа: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2020. 242 с. [Maratkanova I. V. *Assessing of the savings potential of households in the Siberian Federal District*. Cand. Econ. Sci. Diss. Novosibirsk, 2020, 242. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypaoph>
2. Лещинская А. Ф., Скороход А. М. Реализация финансовых технологий физическими лицами на фондовом рынке (российский и зарубежный опыт). *Инновации и инвестиции*. 2021. № 6. С. 73–76. [Leshchinskaya A. F., Skorokhod A. M. The development of financial technologies and individual investments in the stock market (Russian and foreign experience). *Innovation & Investment*, 2021, (6): 73–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lwpgxl>
3. Землячев С. В. Факторы, влияющие на формирование сбережений. *Современные аспекты экономики*. 2019. № 8. С. 36–43. [Zemlyachev S. V. Factors influencing the formation of savings. *Sovremennye aspekty ekonomiki*, 2019, (8): 36–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/feirna>
4. Xu C. Do households react to policy uncertainty by increasing savings? *Economic Analysis and Policy*, 2023, 80: 770–785. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2023.09.018>
5. Бубнова Ю. Б., Масленникова Е. А. Проблемы трансформации сбережений домашних хозяйств в инвестиции. *Baikal Research Journal*, 2021. Т. 12. № 1. [Bubnova Yu. B. Maslennikova E. A. Problems of transformation of household savings into investments. *Baikal Research Journal*, 2021, 12(1). (In Russ.)] URL: <https://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=24377> (дата обращения: 27.03.2025). <https://elibrary.ru/rcqzmu>
6. Гнедков В. В. Экономическая сущность категории «сбережения населения». *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2018. Т. 8. № 6А. С. 165–175. [Gnedkov V. V. Economic essence of the category "savings of population". *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2018, 8(6A): 165–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uysqlmg>
7. Валиуллина Э. Р. Влияние кредитной задолженности на сберегательное поведение домохозяйств. *Горизонты экономики*. 2023. № 3. С. 11–16. [Valiullina E. R. The impact of credit debt on savings behavior of households. *Horizons of economics*, 2023, (3): 11–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gcikqq>
8. Битков В. П. Функции и формы сбережений населения в современной экономике России. *Белорусский экономический журнал*. 2004. № 3. С. 47–52. [Bitkov V. P. Functions and forms of savings of the population in the modern economy of Russia. *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal*, 2004, (3): 47–52. (In Russ.)]
9. Николайчук О. А., Нуреев Р. М. Инвестиционно-сберегательная функция домашних хозяйств. *Terra Economicus*. 2020. Т. 18. № 1. С. 81–101. [Nikolaychuk O. A., Nureev R. M. Household savings and investment. *Terra Economicus*, 2020, 18(1): 81–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-1-81-101>

10. Корень А. В., Голояд А. Н., Ивашинникова Е. А. Оценка уровня финансовой грамотности населения в России и зарубежных странах. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 12-10. С. 1863–1865. [Koren A. V., Goloyad A. N., Ivashinnikova E. A. Assessment financial literacy in Russia and foreign countries. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy*, 2015, (12-10): 1863–1865. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkgegm1>
11. Литвинова В. В. Финансовое поведение человека и определяющие его факторы. *Журнал экономической теории*. 2020. Т. 17. № 1. С. 230–237. [Litvinova V. V. Individual financial behavior and determinants. *Russian Journal of Economic Theory*, 2020, 17(1): 230–237. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.19>
12. Ивлиев П. В., Соколова Е. А. Влияние цифровых технологий на развитие финансового сектора в современном мире. *Аграрное и земельное право*. 2022. № 11. С. 35–37. [Ivliev P. V., Sokolova E. A. The impact of digital technologies on the development of the financial sector in the modern world. *Agrarian and Land Law*, 2022, (11): 35–37. (In Russ.)] https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_11_35
13. Анимитца П. Е. Особенности финансового поведения домашних хозяйств в условиях геополитической нестабильности. *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2015. № 4. С. 43–51. [Animitsa P. Ye. Specifics of households' financial behavior in conditions of geopolitical instability. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2015, (4): 43–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ukslnh>
14. Валиуллина Э. Р. Сберегательное поведение российских домохозяйств в условиях макроэкономической нестабильности: дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2023. 200 с. [Valiullina E. R. *Savings behavior of Russian households in conditions of macroeconomic instability*. Cand. Econ. Sci. Diss. Kazan, 2023, 200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlyguy>
15. Тихонова Н. Е. Особенности финансового поведения россиян в условиях внешних шоков последних лет. *Экономическая социология*. 2025. Т. 26. № 1. С. 11–38. [Tikhonova N. E. Specifics of the financial behaviour of Russians under the influence of external shocks in recent years. *Journal of Economic Sociology*, 2025, 26(1): 11–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-1-11-38>
16. Кравченко Л. А., Троян И. А. Цифровые инструменты трансформации сбережений домашних хозяйств в инвестиции. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление*. 2024. Т. 10. № 3. С. 58–69. [Kravchenko L. A., Troyan I. A. Digital tools for transforming household savings into investments. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*, 2024, 10(3): 58–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wndold>
17. Кереева Д. З. Основные направления и особенности цифровизации финансового рынка на примере банковского сектора. *KANT*. 2025. № 1. С. 69–76. [Kereeva D. Z. Main directions and features of digitalization of the financial market on the example of the banking sector. *KANT*, 2025, (1): 69–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eiirto>
18. Морозко Н. И., Морозко Н. И., Диденко В. Ю. Тенденции цифровизации российского рынка финансовых услуг. *Экономика. Налоги. Право*. 2024. Т. 17. № 2. С. 51–59. [Morozko N. I., Morozko N. I., Didenko V. Yu. Trends in digitalization of the Russian financial services market. *Economics, taxes & law*, 2024, 17(2): 51–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/drrxmh>
19. Кодолова И. А., Юсупова Л. М., Никонова Т. В., Хисамова Э. Д., Воронцова, Л. В. Специфика функционирования домашних хозяйств в Российской Федерации. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 1. С. 88–99. [Kodolova I. A., Yusupova L. M., Nikonova T. V., Khisamova E. D., Vorontsova L. V. The specifics of households functioning in the Russian Federation. *International Research Journal*, 2023, (1): 88–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.13>
20. Широу А. А., Потапенко В. В. Парадокс российского потребления. *ЭКО*. 2020. № 6. С. 8–25. [Shirov A. A., Potapenko V. V. The Russian consumption paradox. *EKO*, 2020, (6): 8–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jatpsf>
21. Никонова Т. В., Шушакова А. А., Кодолова И. А. Современные тенденции и факторы сберегательного поведения населения в российской экономике. *Учет и статистика*. 2020. № 3. С. 95–105. [Nikonova T. V., Shushakova A. A., Kodolova I. A. Current trends and factors of saving behavior of the population in the Russian economy. *Accounting and Statistics*, 2020, (3): 95–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkpmki>
22. Печалова М. Ю. Трансформация инвестиционно-сберегательного поведения населения в условиях цифровизации и вызовов пандемии. *Экономика. Налоги. Право*. 2022. Т. 15. № 2. С. 80–95. [Pechalova M. Yu. Transformation of the investment and savings behavior of the population in the context of digitalization

- and the challenges of the pandemic. *Economics, taxes & law*, 2022, 15(2): 80–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-2-80-95>
23. Григорьева Л. В. Развитие системы пенсионной защиты россиян: теория и практика: дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2024. 223 с. [Grigorieva L. V. *Developing the pension protection system for Russians: Theory and practice*. Cand. Econ. Sci. Diss. Volgograd, 2024, 223. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rgawcc>
24. Аликперова Н. В., Ярашева А. В. Доверие населения – фундамент стабильности функционирования финансовых институтов. *Управление экономическими системами*. 2015. № 8. [Alikperova N. V., Yarasheva A. V. Public trust as the foundation for the stability of financial institutions. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, 2015, (8). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uizbnh>
25. Ширяева Н. М. Трансформация зарубежного опыта в сфере негосударственного пенсионного обеспечения России. *Учет и статистика*. 2018. № 1. С. 86–91. [Shiryayeva N. M. Transformation of foreign experience in the field of non-state pension provision in Russia. *Accounting and Statistics*, 2018, (1): 86–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvkenm>
26. Тарадаева А. В., Кузнецов М. Е. Рынок сбережений как индикатор доверия населения к банковской системе. *Проблемы экономики и менеджмента*. 2013. № 12. С. 133–137. [Taradaeva A. V., Kuznetsov M. E. Savings market as an indicator of confidence in the banking system. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*, 2013, (12): 133–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtdlil>
27. Мелехин Ю. В. Рынок сбережений: природа, источники, механизмы: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2003. 286 с. [Melekhin Yu. V. *The savings market: Nature, sources, and mechanisms*. Dr. Econ. Sci. Diss. Moscow, 2003, 286. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qeqpsz>
28. Литвинова В. В. Финансовое поведение человека и определяющие его факторы. *Журнал экономической теории*. 2020. Т. 17. № 1. С. 230–237. [Litvinova V. V. Individual financial behavior and determinants. *Russian Journal of Economic Theory*, 2020, 17(1): 230–237. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.19>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Контакты для сотрудничества:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Молокова Ксения Игоревна, ответственный секретарь, КемГУ
(Кемерово, Россия),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Ksenia I. Molokova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Молокова Ксения Игоревна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Ksenia I. Molokova.
Literary editors (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 16.02.2026.

Дата выхода в свет 25.03.2026.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 18,37. Уч.-изд. л. – 14.

Тираж 500 экз. Заказ ____

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-pes.kemsu.ru

